Библиотечка военно-исторического журнала

«Орловский военный вестник»

Выпуск 22

Тайны «гения в обмотках». Юрий Кондратюк

УДК 82-1+94(47)+335/357
ББК 84(2р)6
Т 12

Серийное оформление обложки: Александр Ухин

Библиотечка «Орловского военного вестника», выпуск № 22

Т 12 Тайны «гения в обмотках». Юрий Кондратюк / Автор-составитель В.К Рыбников / – Орёл: ПФ «Картуш», 2020. – 172 с.

Редакторы: С.А. Ветчинников (главный редактор)
А.Г. Фалеев
Ответственный за выпуск В.К. Рыбников

Очередное издание «Библиотечки ОВВ» в основном сформировано из материалов отдельных выпусков журнала «Орловский военный вестник»: «Земной рубеж Юрия Кондратюка» (2014 г.) и «Кривцовский плацдарм» (2017 г.) и связано с тайнами (в том числе и частично раскрытыми) фронтовой судьбы пионера отечественной и мировой космонавтики Юрия Васильевича Кондратюка (Александра Игнатьевича Шаргея, «гения в обмотках», как его стали величать, благодаря новелле О. Гончара). Составителем обоих сборников и автором ряда очерков является краевед Вячеслав Рыбников. Он, опираясь на публикации, воспоминания, поисковые и аналитические материалы предыдущих исследователей его потрясающей биографии, а также, изучая имеющиеся документы, в противовес ничем не подкреплённым слухам, зачастую присутствующим в непростой истории разгадки фронтовой судьбы гения, отстаивает официальное заключение о его трагической гибели.

Время продолжает своё движение вперёд, выводя нас на новый уровень понимания и углубленного осмысления судьбы учёного, и поэтому материалы эти не просто скомпонованы из двух старых сборников журнала: автором-составителем в них внесены изменения и дополнения, устранены ошибки, добавлены новые комментарии и учтены новые точки зрения на ряд эпизодов его биографии.

Вместе со старым ядром публикаций о Ю.В. Кондратюке в настоящий сборник вошли два новых очерка ,сведения о последних событиях на Орловщине, связанных с его именем, а также малоизвестные орловскому читателю воспоминания о нём, позволяющие раскрыть всё ещё существующие тайны этого человека.

Сборник подготовлен к 50-летию открытия Кривцовского мемориального комплекса, которое будет отмечаться в сентябре 2020 года. Трагические коллизии судьбы «гения в обмотках» непосредственно связаны с мемориалом. Место расположения его Большой пирамиды – основного символа комплекса, строго совпадает с отметкой 203,5 у села Кривцово. Именно на данную высоту в феврале-марте 1942 г. наступал 1281-й сп 60-й сд (1-й МДНО), где служил связистом Ю.В. Кондратюк. Данное обстоятельство, наряду с другими, позволяет предположить, что начальным толчком к сооружению мемориала стал поиск коллегами С.П. Королёва в конце 50-х-начале 60-х годов прошлого космического века места гибели великого человека, причисленного страной к основоположникам космонавтики.

На обложке: реконструкция – так мог бы выглядеть связист Ю.В. Кондратюк в те военные годы.

© ПФ «Картуш», 2020

«*Иногда дрогнет во мне грустная струна, ибо сегодняшнее поколение даже не догадывается, что тем, кто прокладывал дорогу к освоению космоса, приходилось преодолевать неимоверные трудности. Я имею в виду не только тяжёлые условия работы немногочисленных групп молодых учёных-энтузиастов, отсутствие денежных средств и материальной базы, но что самое главное, пренебрежительное отношение к космонавтике в течение многих лет со стороны некоторых официальных лиц, в том числе знаменитых учёных, лишённых, к сожалению, способности научного предвидения.*

По сути дела, шла упорная борьба между теми, кто придерживался устаревших понятий, относя космонавтику к сфере фантазии, считая её вопросом далёкого будущего, и носителями смелых, иногда дерзновенных научных идей, которые решили действовать со свойственной энтузиастам энергией»

/А.А. Штернфельд «Раздумья о космонавтике», 1979 г./

«Кондратюк нам был нужен вчера, нужен сегодня и ещё нужнее будет завтра»

/журналист, писатель, фронтовик Анатолий Иващенко/

Вячеслав Рыбников

Прелюдия к гениальности*

Тайна происхождения и первых озарений

Прежде чем начать наше знакомство с ранними годами героя данной публикации позвольте объяснить, чем замечателен он для Отечества, Орловского края, да и, пожалуй, всего человечества.

В нашем крае он погиб, т.е. отдал жизнь в борьбе с коричневой чумой за свободу Родины. Этот постулат, как показывает продолжающийся информационный интерес к его жизненному финалу, не бесспорен. Ряд журналистов и писателей находят место гибели в совсем других краях, иногда совершенно разных. По заявлению некоторых он вообще не погибал, а преспокойно перешёл в разряд коллаборационистов. Статьи с такими заключениями (без всяких доказательств) до сих пор появляются как в массовой печати, так и в Интернете.

Для Отечества он славен тем, что является зачинателем, основоположником и пионером такой области знаний, которая сформировала всю предшествующую эпоху, и даже дало ей своё название. Его имя присутствует как в советских, так и в российских энциклопедиях. Но, несмотря на это, некоторые учёные считают, что идеи нашего героя никакого существенного влияния на развитие этой области знаний не оказали в силу того, что он был просто забыт.

Человечество ему благодарно, как автору идеи, помогшей осуществить его вековую мечту**.** Однако непосредственные участники беспримерного события всей истории человечества, в лице представителей самой могущественной державы, признавая приоритет идеи нашего героя, от непосредственного воздействия её на всю их многолетнюю программу осуществления этой мечты, по вполне понятным меркантильным соображениям, открещиваются. Родина, которую он защищал, на тот момент находилась в состоянии проигравшей битву с той державой как раз в процессе реализации именно этой мечты. Получилось так, что наш герой как бы этому способствовал. Поэтому, не оценившая его порывы, Родина дальше о нём тоже постаралась забыть. Помнили лишь энтузиасты, создававшие его музеи, ставившие ему памятники и разбиравшиеся в его непростой биографии. Аксиомой всей его жизни стало высказывание, начертанное им в письме с фронта: «*Действительно, всё делается в жизни наоборот*»

Как сейчас удалось доподлинно установить, первая информация о причастности его к истории Орловщины появилась ровно 20 лет назад – в День Победы 1997 года, когда районный военком Н. Карпухин в газете «Болховские куранты» (№ 38, С. 3-4) разместил заметку «Учёный в сол-

* Начальный вариант очерка опубликован к 120-летию Ю.В. Кондратюка в журнале «ОВВ» №6 (63), 2017, С.56-61

датской шинели» с утверждением о том, что погиб он в районе Крицовского мемориала. В конце заметки под фамилией военкома, видимо редакцией, был набран следующий текст: «*Жизнь учёного (как и его героическую смерть на Болховской земле), к сожалению, нельзя вместить в рамки одной статьи. Не всем из-за ранней гибели учёного известны и его значимость для отечественной и мировой науки. Поэтому в ближайшее время мы планируем опубликовать о нём цикл статей*». Этими планами благие намерения редакции и закончились. В какой-то степени, по причинам, приведённым выше, журналистов понять можно. Тем более что было это в условиях 90-х годов, когда валом валил негатив и погоня за сенсацией. Сейчас ясно, что наскоком данный цикл однозначно не осилить. Тут нужна кропотливая работа исследователя. Да и та, порой, кое-кого из этих исследователей приводит к неправильным результатам.

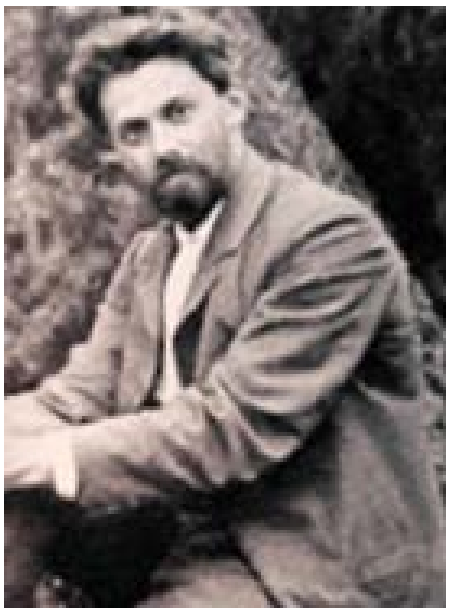
Не знаю, удалось ли такой общей заставкой возбудить ваше любопытство к нашему герою!? Однако перейдём к повествованию.

Баронесса
Л.Л. фон Шлиппенбах –
мать Саши

Всё «*герой*», да «*наш герой*»! Казалось бы, пора уже познакомиться и назвать его своим именем. Но именно эта элементарнейшая задача приводит к тупиковой ситуации, поскольку последнюю половину своей жизни он прожил как Юрий, а первую как Александр. Фамилии тоже были разными: последняя Кондратюк, а первая Шаргей. Но коли уж начинать всё рассказывать от «сотворения мира», то вернёмся к рождению. Состоялось оно 9 (21) июня 1897 года в Полтаве. Полтава – довольно интересный городок как для российской истории, так и в плане её связей с родословной самого Александра. У всех на памяти здесь сражение Петра Великого со шведским войском. Этой битве до некоторой степени Александр был обязан и своим появлением на свет, потому как матерью его была баронесса Людмила Львовна фон Шлиппенбах (1875-1913). Если кто внимательно читал поэму А.С. Пушкина «Полтава», то там мог заметить такие строчки:

«Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, катятся во прах.
Уходит Розен сквозь теснины,
Сдаётся пылкий Шлиппенбах...»

Здесь поэт упоминает о пленённом в битве генерале шведского короля Карла XII Вольмаре Антоне Шлиппенбахе (1653–1721), перешедшем в 1712 г. в том же ранге генерал-майора на русскую службу, где он был произведён в генерал-поручики и стал членом Военной коллегии при Петре I. Генерал, по уточнённым данным, находясь на шведской службе, был бароном, но на русской службе, титул барона, похоже, утратил. Потомство его в дальнейшем этот титул вновь приобрело. Вольмар Антон Шлиппенбах как раз и был пращуром Людмилы Львовны, матери Александра. Вообще же, Шлиппенбахи – знатный дворянский род германского происхождения, ведущий начало из Вестфалии, но частью обосновавшийся впоследствии в Швеции и в Прибалтике, издавна известен был своими делами, в основном на воинском поприще. Так вначале одной лишь Северной войны на стороне шведского короля сражалось десять представителей этого рода. В той же области деятельности род достойно продолжил себя и в России: многие были офицерами и защитниками российского Отечества, ставшего им родным. Таковым, одним из наиболее известных, был и дед Людмилы Львовны – Антон Андреевич фон Шлиппенбах (1778 – 1834-36), подполковник, герой Отечественной войны 1812 г., участник Бородинского сражения, кавалер Золотой шпаги с надписью «За храбрость», имя которого отмечено на 43-й стене Галереи воинской славы Храма Христа Спасителя. Полковником, служившим в Киевском интендантстве, был и её отец.


И.Б. Шаргей – отец Саши

Однако вернёмся к Полтаве. В конце XIX века непосредственно связанным с ней оказался отец Александра – Игнатий Бенедиктович Шаргей (1873-1910), выходец из еврейской бердичевской семьи Бендыта (Бенедикта) Срулевича Шаргея (?-1874), нашедшей приют под Полтавой (пос. Зеньков), и еврейской полтавской семьи Фрайдл (Фредерики) Айзековны Розенфельд (1853-1917). На момент рождения Александра его дед уже давно скончался, и бабушка (в католичестве Фредерика Августовна Шаргей), окончившая курсы акушерок, в 1876 г. вышла замуж за земского лекаря, ставшего чиновником с солидным положением, Акима Никитича Даценко (приняв православие стала величаться Екатериной Кирилловной Даценко). Именно в Полтаве во флигеле дома №4 А.К. Даценко, что по улице Сретенской, и родился Саша. Будучи акушеркой, роды принимала его родная бабушка Екатерина Кирилловна.

Самим родам, естественно, предшествовали знакомство и женитьба студента Киевского университета Игнатия Шаргея и учительницы географии и французского языка Киево-Подольской гимназии Людмилы Шлиппенбах, а также некоторые события их революционной деятельности. Связаны они были с активным участие супругов в так называемом «ветровском» движении, объединявшем революционно настроенную молодёжь – последователей народоволки Марии Ветровой, покончившей жизнь самосожжением в каземате Петропавловской крепости. Во время демонстрации марта 1897 года, состоявшейся в Киеве по этому поводу, уже ждавшая ребёнка Людмила Львовна была арестована. Именно этот арест большинство биографов связывают с нервным потрясением, вылившимся в её психическое заболевание, что позволило отдельным публикаторам припаять Кондратюку клеймо «*рождённого душевнобольной матерью*». В связи с чем, хотелось бы зародить у читателя некоторое сомнение по данному поводу. Привезённая супругом ещё до родов к родственникам в Полтаву из Киева, Людмила Львовна произвела на свет вполне здорового ребёнка, жила после этого в семье Даценко 5-6 лет, хотя муж и бросил её с годовалым сыном, избрав для продолжения учёбы Германию, вполне адекватно всё воспринимала, поскольку писала стихи, сочиняла сказки и занималась переводами (был найден её перевод романа мадам де Сталь), на лето ездила с сыном к своей подруге в город Смелу. Вы уж простите меня такого не всем верующего, но как можно психически ненормальную женщину отпускать с малолетним сыном в поездки по стране? По прошествии этих 5-6 лет, так и не дождавшись возвращения супруга, она признаётся психически ненормальной, опасной для ребёнка и помещается вначале в частную клинику. Мать делается опасной для собственного ребёнка!? Очень странно! И это при том, что, повзрослев, ребёнок не расстаётся с её фотографией! Тут, извините, что-то не так!

Предлагаю всю эту историю рассмотреть с другой точки зрения, логической. Вполне понятно, к каким последствиям может привести столь длительное отсутствие супруга! В результате всего бабушка с дедушкой могут вынужденно лишиться общения со столь замечательным внуком. А в учреждение, в котором оказывается Людмила Львовна, довольно легко попасть, тем более, что глава семьи – бывший врач и солидный чиновник, но выбраться из него крайне сложно. А посему за воспитание Саши в последующем принимаются родная бабушка и неродной дедушка.

В 1906 г. из Германии возвращается «вечный студент» Игнатий Шаргей, за 7 лет так ничего толком не закончивший, и забирает сына из Полтавы в Петербург, где находит работу в статистической конторе одной из немецких фирм. Там в Петербурге с 1907 г. Саша получает начальные гимназические знания. Отец же, не имея официального раз-

вода, вступает в гражданский брак с Еленой Петровной Кареевой (в девичестве Гиберман), своей сослуживицей, одновременно продолжая искать своё призвание на студенческом поприще. В 1910 г. у них рождается дочь Нина, и в этот же год отец Саши, безнадёжно заболев, умирает.13-летний мальчик вновь возвращается под опеку бабушки и дедушки в Полтаву. Там же, в Полтавской мужской гимназии, пройдя испытания, он зачисляется в 3-й класс. Следом за отцом, как повествуют большинство публикаций, под Полтавой в колонии для душевнобольных с символическим названием «Шведская могила» умирает и его мать. Но «*следом*» получается – 1913 год, когда сыну уже 16 лет. Что такое 16 лет для Александра Шаргея? Это в некотором смысле рубеж. Постараемся его почувствовать!

С бабушкой и дедушкой

В гимназии Саша учился легко, и даже с увлечением. Причиной тому были его удивительные способности и не только в области точных наук, как об этом пишут многие. Наряду с гимназическим курсом Шаргей пытался осилить учебники высшей школы, технические книги, научные статьи, философские труды. Причём разбираясь в них, пожалуй, больше творил сам. Набор его интересов и поисков в школьные годы просто поражает: перечень этот можно найти в его ироничном письме к профессору Н.А. Рынину. Там же указаны исходная точка и истоки его будущей знаменитости: «*Первоначально толкнуло мою мысль на работу … в сторону грандиозных и необычных проектов – редкое по силе впечатление, произведенное прочитанной мною в юности талантливой*

индустриальной поэмой Келлермана «Туннель». Впечатление от келлермановского «Туннеля» было таково, что немедленно вслед за его прочтением я принялся обрабатывать, насколько позволяли мои силы, почти одновременно две темы: пробивка глубокой шахты для исследования недр Земли и утилизации теплоты ядра и – полёт за пределы Земли. … Тема о глубокой шахте, после выработки основ некоторых предположительных вариантов, очень быстро уперлась в невозможность для меня провести соответствующую экспериментальную работу, – тема же о межпланетном полёте оказалась много благодатнее, допуская значительные теоретические исследования, и овладела мною на продолжительное время, в течение которого я неоднократно к ней возвращался... Первый период работы продолжался более полугода и включил в себя нахождение почти ***всех основных положений ракетного полёта***...»

Роман Бернхарда Келлермана, изданный в переводе на русский в 1913 году, Александр Шаргей прочитал «*в юности*»**, имея «*к тому времени... незаконченное среднее образование*». А ещё до переписки с Рыниным в письме к К.Э. Циолковскому он писал: «…***С шестнадцатилетнего возраста****, – с тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни*». Со второй половины 1913 года и в первой половине 1914 года Саше действительно было 16 лет.

Первая его рукопись, написанная карандашом, и состоящая из 4-х сшитых вместе ученических тетрадей, носит характер черновых набросков часто не без ошибок и спора с самим собой. Но уже в ней силой гениального предвидения намечены этапы освоения космического пространства, присутствует идея о необходимости многоступенчатой ракеты для преодоления земного притяжения и детальная проработка способов посадки на Луну. В разделе «О теории остановки на небесных телах», он писал: **«** *Чтобы не расходовать большого количества активного вещества, можно не останавливать всего снаряда, а только несколько уменьшить его скорость, чтобы он равномерно двигался по кругу возможно ближе к телу, на котором сделана остановка. После этого выделить из него неактивную часть с таким количеством активного*

** Хотя, в общем-то, это не факт, что он прочёл его на русском языке. Он вполне мог прочесть его и на немецком, поскольку, учитывая происхождение матери, с детства им владел. (В.Р.)

*вещества, которое необходимо для остановки неактивной и для того, чтобы потом она могла догнать и присоединиться опять к остальной части снаряда***».** Это и есть главное в его первой рукописи! Пожалуй, именно её и следует отнести к тем полугодовым изысканиям 16-летнего полтавского гимназиста.

Уже впоследствии, в 1938 году, сам автор датировал эту рукопись 1916 годом, хотя в ней и указал, что все написанное им было придумано «*приблизительно со дня переворота»* (то есть с конца февраля и по 25 марта 1917 года). Почему он это сделал? Тут уже нужно разбираться в последующих перипетиях, коверкавшей его жизнь, судьбы, повлиявшей на всю официальную хронологию прежней юношеской жизни. С 1921 года он начинает жить под дамокловым мечом легенды, связанной со сменой имени отчества и фамилии, а также и времени рождения, по которой все окружающие исчисляют его возраст началом века – 1900 годом. Да и сам он своим почерком во всех анкетах закрепляет это мнение.

Став, Юрием Кондратюком, и написав в 1929 году книгу «Завоевание межпланетных пространств», он становится известен в среде учёных, занимающихся вопросами ракетной техники, и межпланетчиков. Начинается переписка с Циолковским, Перельманом, Рыниным. Произошедшие сразу за этим его жизненные коллизии, вызванные арестом, судом и ссылкой, отдаляют его от этих вопросов, вырывают из когтей ссылки, приводят в стан энергетиков. Заниматься масштабным завоеванием дальних пространств уже некогда – идут ближние бои за конкретный проект электростанции. В 1938 году уже на стадии её строительства, проиграв бой, он отступает. Одновременно в стране усиливается террор, идут аресты, в частности ракетчиков в РНИИ. В этот год он и решает все свои ранние юношеские работы по данному вопросу для сохранности передать Б.Н. Воробьёву, хранителю наследия Циолковского. Но в переданных работах нужно указать год. Ну, и какой год он может указать, если в письмах к самому Циолковскому он указывает 16 лет, а в его паспорте годом рождения стоит 1900? Правильно – «1916», и даже «1917» в период переворота, мол «*меня эти проблемы не интересовали*»!

Конечно, всё это опять версии, и у него уже не спросишь, когда же всё-таки это было написано. Но благодаря твёрдости его почерка, теперь петербуржцы, в отличии от полтавчан, могут гордиться тем, что его главная идея по расчёту оптимальной трассы полёта на Луну посетила гения в их городе.

Вячеслав Рыбников

«*Моё место на небе!..*»

Тайна судьбы

Много ли вы знаете у нас погибших на войне гениев? Да таких, чтобы на месте их гибели долгое время вовсе не было бы о них никаких памятных знаков, но о которых бы помнили, например, американцы и воздвигали им памятники. «Пожалуй, таких нет», – скажете вы, и будете неправы.

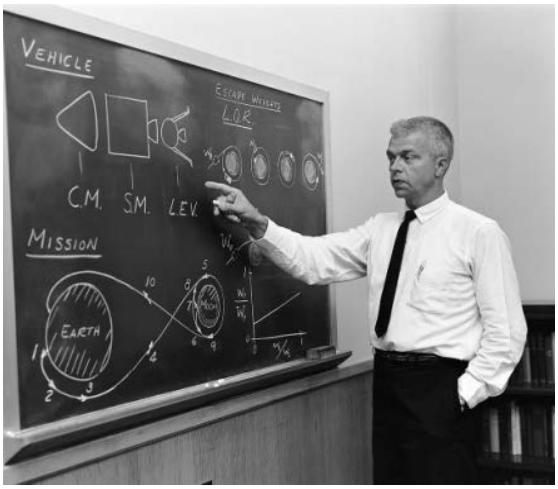
В 2013 году я познакомился с книжкой Б. Романенко «Звезда Кондратюка-Шаргея» о жизни учёного, одного из пионеров космонавтики, богатырей духа, проложивших человечеству дорогу в беспредельный звёздный океан. И потрясла меня в этой книге не только судьба героя, но и то, что все документы в ней свидетельствовали о его гибели у нас под Болховом в 1942 году.

Мой поход в краеведческий отдел библиотеки им. Бунина г. Орла не дал результатов. Никаких материалов о нём там не было: область его не знала. Я часто посещаю Кривцовский мемориал. На плитах братских могил его имени не было – это я знал точно. Погружение в Интернет всё только запутало. Упоминалось сразу два места его гибели: в Калужской обл. под г. Кировом и в Орловской обл. у с. Кривцово, а можно встретить и «*Кривцовский котёл г. Кирова*». Часто пишут просто: «*погиб под Москвой*», хотя до сих пор (в публикациях) продолжают бытовать выдумки о его сдаче в плен, работе на немцев и со временем переходе в эмигранты. Стало обидно, что одному из известнейших людей, имя которого носят улицы городов, составившего славу мировой науки, не посвящено в областном краеведении ни одной статьи, а место его гибели, где воздвигнут огромный мемориал, «пустует».

Пирамида Кривцовского мемориала

В феврале 2013 г. я рассказал о Кондратюке д.и.н. Е.Е. Щекотихину: он этого факта не знал. В мае обратился к заведующему военно-историческим музеем г. Орла С.В. Широкову: тот был удивлён и, позвонив в областной военкомат, убедился, что Ю.В. Кондратюк официально значится погибшим под Кривцово.

Судьба Юрия Васильевича Кондратюка таинственна. Он почти всю жизнь прожил по чужим документам. До середины 80-х годов на попытки публикаций о его судьбе «космическая» цензура накладывала ограничение.



Дж. Хуболт обосновывает идею LOR

Лунный модуль «Орёл» на Луне

Восстановлению забытого имени помогли …американцы в 1969 году. Они рвались к Луне, и в марте стартовал «Аполлон-9» для испытаний «лунного модуля» (ЛМ). Журнал «Лайф» дал материал о том, как лучше достичь Луны. Идея заключалась в том, чтобы для высадки астронавтов не использовать весь корабль, а применить план, названный «Стыковка на лунной орбите» (LOR от англ. Lunar-Orbit Rendezvous).

Нейл Армстронг
(05.08.1930 - 25.08.2012)

Для этого в посадочно-взлётном модуле (ЛМ) с окололунной орбиты совершить десант к Луне и вернуться обратно. Затем, состыковавшись с орбитальным кораблём, возвратиться на нём на Землю. Этот план встретил большое сопротивление в НАСА. Настойчивее всех его защищал учёный по имени Джон Хуболт. Ему пришлось свернуть горы, чтобы убедить агентство принять его концепцию по плану «*забытого в России Кондратюка*», «*который ещё 50 лет тому назад рассчитал, что LOR будет самым лучшим способом достижения Луны*…». Этот план сберёг Америке миллиарды долларов. Так Кондратюк увековечил своё имя на космодроме мыса Канаверал. Кстати, американцы первый ЛМ, назвали «Орёл». «*Хьюстон, говорит База Спокойствия, «Орёл» прилунился*», – это были первые слова человека с Луны. И был им не кто иной, как Нейл Армстронг, который после полёта в 1970 году посетил Россию и взял с собой, как святыню, горсть земли из Новосибирска, где работал Кондратюк и издал свою книгу.

Обычно считалось, что именно публикация в «Лайфе» подтолкнула наш «ленивый и нелюбопытный» народ заняться его биографией. Тут-то мол и выяснилось, что Кондратюк, вовсе не Кондратюк. Утверждение это не совсем верно. О том, что он выдавал себя за другого, наверняка,

знали соответствующие органы и историки науки, которые опубликовали его труды в 1964 г. в сборнике «Пионеры ракетной техники». В противовес всем анкетным данным, этот сборник был со странно правильным годом его рождения. Моменты биографии попросту, чтобы не привлекать ненужного внимания, замалчивались: ведь полжизни под чужим именем Кондратюка скрывался Александр Игнатьевич Шаргей.

Александр Шаргей, родившийся в Полтаве в 1897 году, окончил гимназию с серебряной медалью за успехи в физико-математических науках и весной 1916 года поступил в Петроградский политехнический институт. Но учиться пришлось недолго – шла первая мировая война и через несколько месяцев его мобилизуют в армию. Окончив в Петрограде школу прапорщиков, он отправляется на Турецкий фронт. Но потом произошла революция, фронт распался, и началась гражданская война: русские стали воевать друг с другом. По дороге домой Александра мобилизуют в белую армию. Сейчас документально установлено Г.С. Ветровым, что с конца 1918 года прапорщик Шаргей служил во второй роте Кавказского офицерского полка Кавказского фронта, размещённого в Туапсе, с февраля 1919 г. переведённого в Новые Гагры (район действия романа А. Серафимовича «Железный поток»). В ноябре 1919 года этот полк направляется в район Киева, а далее под ударами Красной Армии отступает на юг. В декабре 1919 г. недалеко от городка Смела, в месте проживания знакомых его семьи, Александр Шаргей дезертирует из белой армии.

А. Шаргей — выпускник Полтавской гимназии

В итоге он скрывается и от красных, и от белых, т.к. оказался между двух огней. В 1921 году война заканчивалась и, чтобы сохранить жизнь бывшему прапорщику, мачеха достала документы некоего Кондратюка, незадолго до того умершего. Так Александр Шаргей стал Юрием Кондратюком.

Ю.В. Кондратюк (~ 1930 г)

Ещё будучи гимназистом, он, увлёкшись полётами на Луну, уже к 16 годам продумывает и заканчивает свой первый труд. В этой рукописи выводится основная формула ракетодинамики, т.е. формула Циолковского, правда, другим методом, и появляется «Трасса Кондратюка» – план, следуя которому американцы достигли Луны.

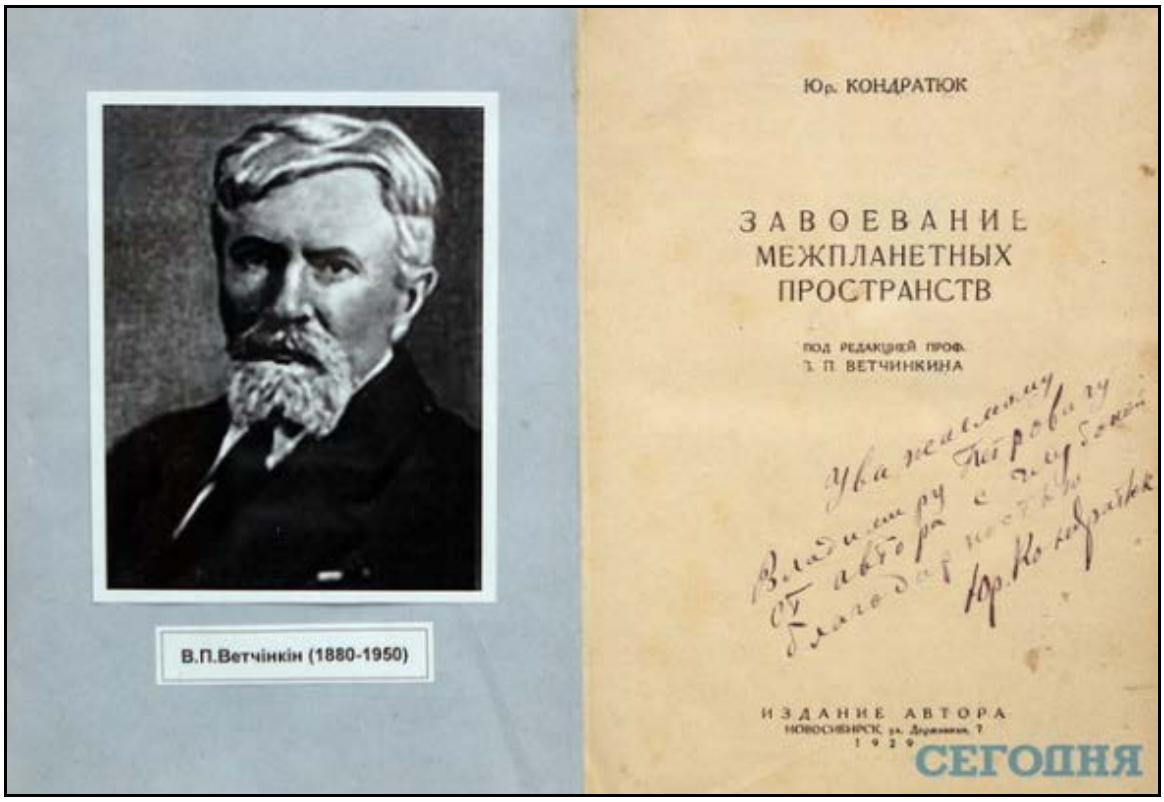
Юношеское увлечение фантастикой подтолкнуло его к серьёзным занятиям физикой и математикой, превосходящим по объёму гимназический курс. Особенно сильное влияние на него оказал роман Бернгарда Келлермана «Тоннель», о строительстве тоннеля между Америкой и Европой. Позже он напишет: «*Впечатление от келлермановского «Тоннеля» было таково, что немедленно за прочтением я принялся обрабатывать, насколько позволяли мои силы, почти одновременно две темы: пробивка глубокой шахты для исследования недр Земли… и полёты за пределы Земли*». И дальше из письма к Циолковскому: «*С 16-летнего возраста, с тех пор как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни*».

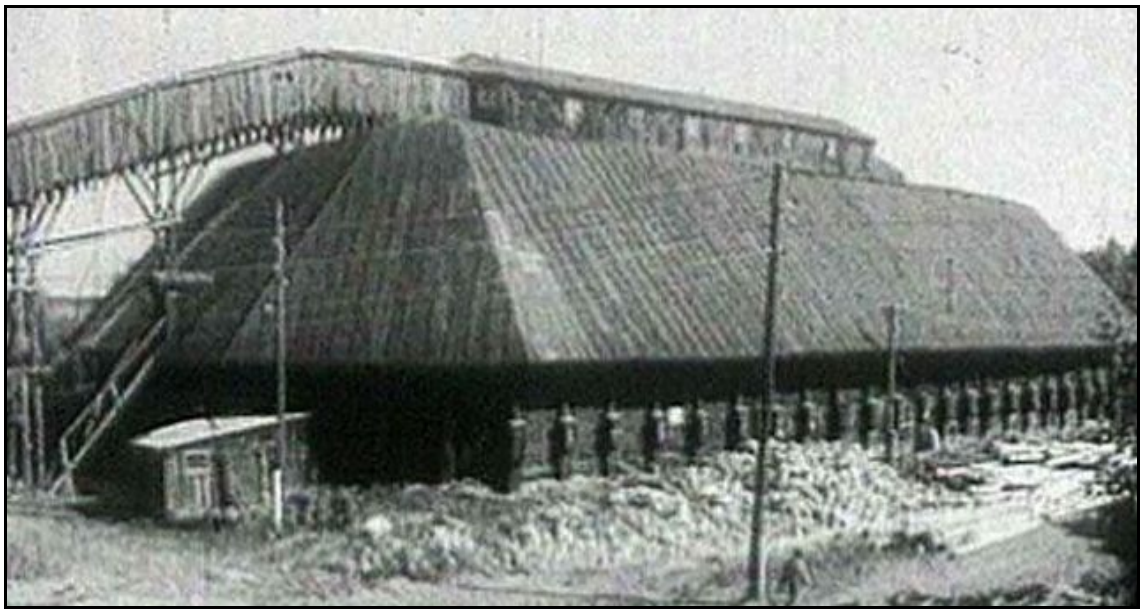
В войну зарождается и идёт его работа над вторым трудом – рукописью, которую он озаглавил «Тем, кто будет читать, чтобы строить», которую академик В.П. Глушко назвал трудом не отвлечённым, как у большинства исследователей космонавтики того времени, а носившим практический характер.

Вернувшись к мирной жизни, Кондратюк не брезговал никакой работой: работал кочегаром, машинистом, механиком, техником, инженером в разных местах нашей обширной страны, занимаясь одновременно и теоретическим решением проблем космических полётов. Талантливый инженер-самородок и механик-самоучка, не имевший высшего образования, он сделал немало изобретений и полезных новшеств: и при строительстве элеваторов, и при проходке шахт, и при проектировании ветроэлектростанций (ВЭС). Да, что там изобретения! Он был автором трёх грандиозных проектов: сооружения без чертежей и без единого гвоздя самого большого в мире деревянного зернохранилища на 10000 тонн, строительства самой мощной и самой высокой в мире ВЭС 12000 киловатт и завоевания межпланетных пространств, не теории, а, именно, проекта (к сожалению, не все они были поняты современниками). Поняв, что можно покинуть эту бренную Землю и достичь Луны, он готовил себя к полёту. А для этого уже надо было много знать и уметь. Он так и говорил: «Я туда полечу…», так, кстати, называется и замечательная книга о нём его двоюродного брата А. Даценко.

С 1927 года его приглашают на строительство элеваторов в Западную Сибирь, где в 1929 г. в Новосибирске за свой счёт он издаёт итоговый труд «Завоевание межпланетных пространств», благодаря которому и войдёт в историю. Рецензент и редактор этой книжки профессор В.П. Ветчинкин в предисловии отмечал, что она «*представляет наиболее полное исследование по межпланетным сообщениям из всех писавшихся в русской и иностранной литературе до последнего времени*», а также указывал на «*целый ряд новых вопросов первостепенной важности, о которых другие авторы не упоминают*». Академик Б.В. Раушенбах в своей статье «Развитие советскими учёными основ

теории космических полётов» только по вопросам конструкции ракет и кораблей выделяет 7 новых идей Кондратюка по сравнению с Циолковским и Цандером, воплощённых с наступлением эры космоса.





Проекты Ю.В. Кондратюка
(удивительная книга и знаменитый «Мастодонт»)

А были открытия и в других разделах теории космических полётов. В частности, пертурбационный маневр – изменение траектории полёта космического аппарата без затрат топлива за счёт гравитационных полей Луны, планет при близком полёте около них. Этот эффект может применяться не только для торможения, но и для разгона, и его дей-

ствие использовали впоследствии как наши «Веги», так и американские «Вояджеры» и «Кассини». Скромный механик элеватора и бездипломный инженер выдал труд, ставший **учебником практической космонавтики**, в годы, когда само это слово относилось к разряду больше фантастики, чем техники.

Наступают известные борьбой с «врагами» 30-е годы. И тут же, в 1930-м, по ложному обвинению во вредительстве он и ряд его сослуживцев попадают под суд. Однако арест был заменён на высылку в КБ ОГПУ. Не отбыв срока, он участвует в конкурсе на строительство в Крыму мощной ВЭС. И по его результатам указанием самого Серго Орджоникидзе переводится в Москву.

Весной 1933 года он дважды встречается с руководством ГИРД и Королёвым, которые приглашают его на работу. Кондратюк отказывается, ссылаясь на то, что он пацифист и на военное дело не работает, а также на обязательства по проекту ВЭС. Большинство публикаций трактует этот отказ, как опасение проверок и раскрытия тайны смены фамилии.

Фундамент ВЭС на горе Ай-Петри

В 1933-1938 гг. он занимается проектированием и строительством самой мощной Крымской ВЭС на горе Ай-Петри, но, после гибели Г.К. Орджоникидзе, работы постепенно сворачиваются, усиливается натиск завистников и бюрократов-недругов Кондратюка. Проект Крымской ВЭС, пять лет считавшийся верным, был объявлен вдруг не совсем правильным. В 1938 г. принимается решение о прекращении её строи-

тельства с переходом на проектирование ВЭС малой и средней мощности.

Мучительные пятилетние труды над грандиозным проектом крупнейшей в мире ВЭС пошли прахом и стали никому не нужны. После событий в Новосибирске, связанных с арестом, тюрьмой и высылкой, для Ю.В. Кондратюка это было ещё одним тяжким ударом. Жизнь как будто испытывала на прочность этого доброго, чуткого, всегда готового помочь другим человека. В стране шли аресты, в том числе и ракетчиков, а в мире пахло грозой – приближалась война. Он говорил: «*Я не жилец на этом свете, мое место на небе!*». Обычно такая фраза с мрачноватым оттенком понимается переносно: для него она носила каламбурно-буквальный смысл («не жилец» – мечтатель, «на небе» – в космосе), хотя пророчество это сбылось во всех смыслах. А о том, почему это произошло, уже другая история.

Вячеслав Рыбников

«*Не жилец на этом свете*»

Тайна места гибели

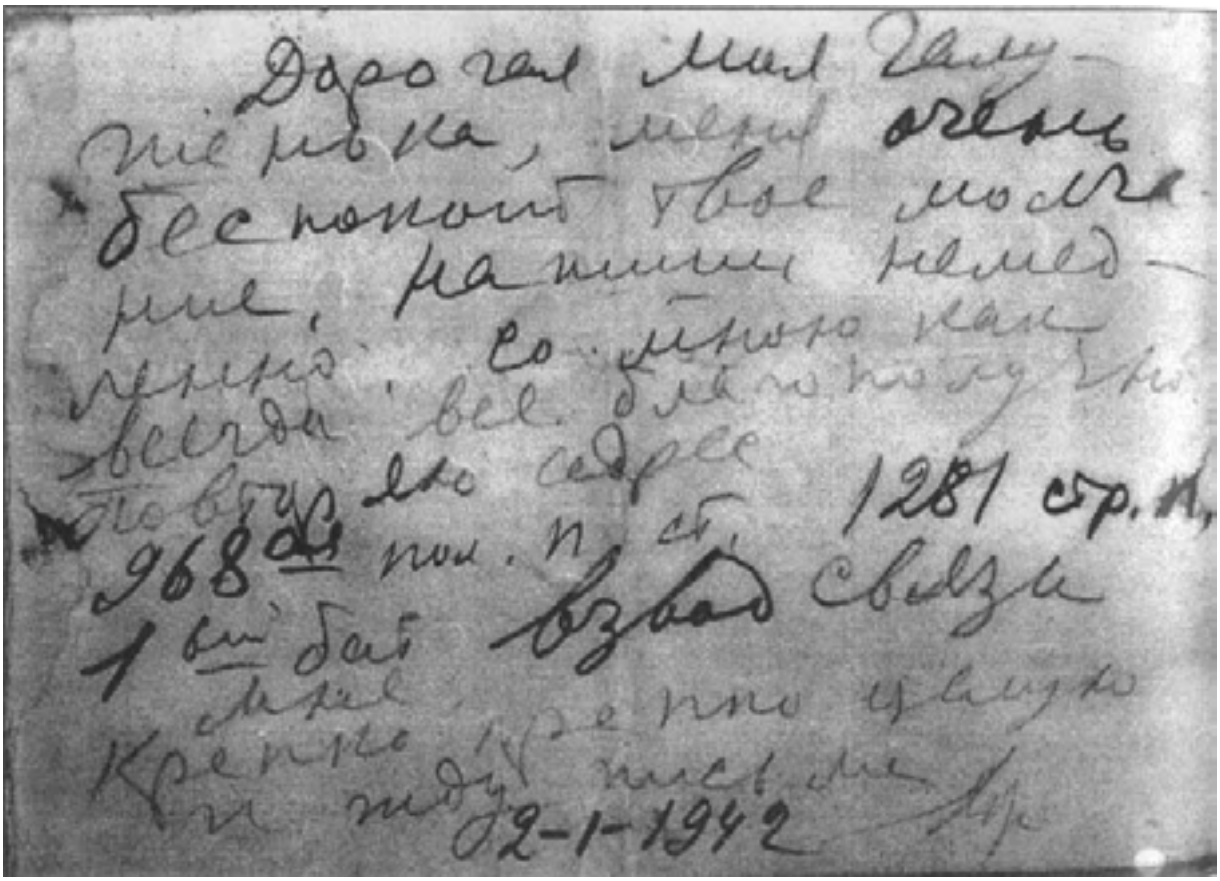
Перед войной он как-то сказал «*Я не жилец на этом свете, мое место на небе!*». Богато наделённый чувством юмора, фразу эту он произнёс, конечно, в ироническом ключе, слегка подсмеиваясь над собой. Но пришла война. В июле 1941-го будущий гений космонавтики вместе с другими сотрудниками проектной конторы ветроэлектростанций вступил в батальон московского ополчения и ушёл добровольцем на фронт. А дальше все короткие официальные публикации 60-70-х годов сводились к одному утверждению: «*Погиб в 1942 г. под Москвой*». И всё! Более ничего о его фронтовой судьбе известно не было.

Не всех однополчан Юрия Васильевича, что уходили с ним на фронт в 21-ю дивизию народного ополчения Киевского района Москвы (МДНО) и оставались ещё живы, это лаконичное заключение удовлетворило. В частности, его сослуживцем, однополчанином и автором книг о нём Борисом Ивановичем Романенко были предприняты поиски, но никаких документов о гибели связиста роты связи Ю.В. Кондратюка обнаружено не было. На этом основании в 1980 г. его, по сути официально, из погибших переводят в разряд пропавших без вести в октябре 1941 года. На фоне попыток замалчивания его биографии поползли разные слухи. О том, каковы они были тогда, можно судить по публикациям бульварной прессы 90-х годов, где вовсю муссировались невообразимые подробности его фронтовой судьбы от добровольной сдачи в плен до похищения гения противником. За честь бывшего однополчанина и сослуживца вступается тот же Б.И. Романенко, который в ходе поисков находит «свидетеля», и вместе они без достаточных оснований, а возможно, даже под давлением благих намерений, в 1987 г. дают свидетельские показания о гибели Ю.В. Кондратюка в первом же бою 3 октября 1941 года у пос. Засецкий Кировского района Калужской области, тем самым снова официально переводя его в разряд погибших, но уже другим 1941 годом. Результат этих действий до сего времени красуется на обелиске братской могилы города Кирова Калужской области, где значится его имя. А материалы о том, как это происходило, выложены из архива ЦАМО на всеобщее обозрение на сайтах ОБД «Мемориал» и «Память народа».

В следующем 1988 году всё тот же беспокойный Романенко, основной виновник предыдущей путаницы, неожиданно обнаруживает фронтовую переписку Кондратюка с любимой женщиной – Плетнёвой Галиной Павловной. Последнее письмо, полученное ею от Юрия Васильевича, было датировано 2 января 1942 года. Посланное в начале января её письмо вернулось обратно из-за «невозможности вручить адресату».

Б.И. Романенко, 1942 г.

Г.П. Плетнёва

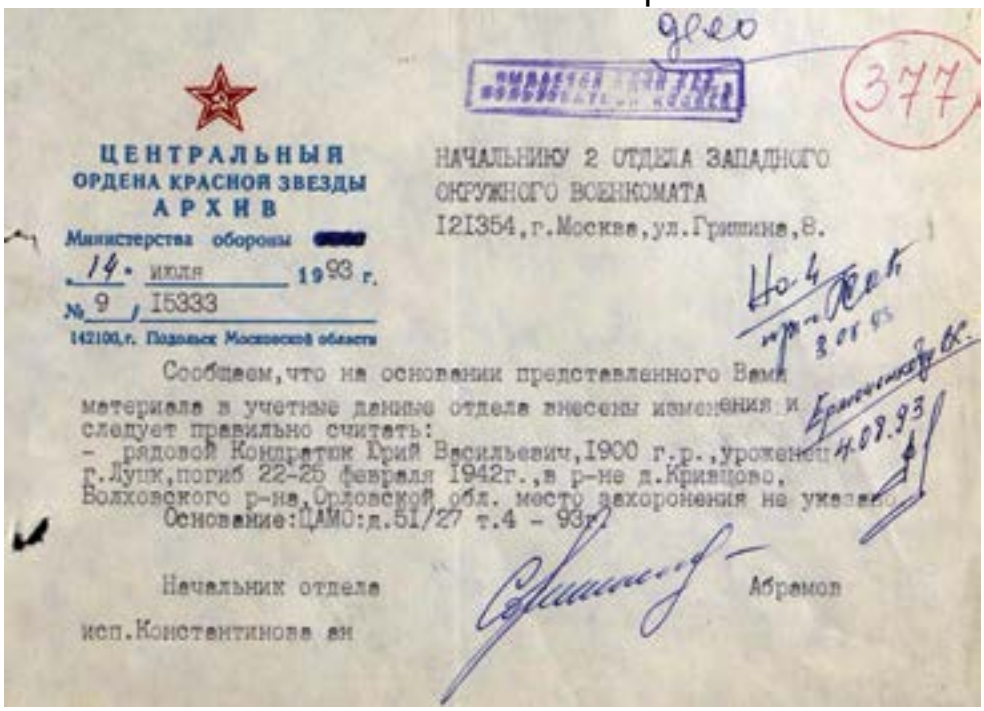


Последнее письмо Кондратюка с фронта Г.П. Плетнёвой

Далее, подстёгнутая чувством вины, началась кропотливая «работа над ошибками». Опираясь на переписку, в документах архива МО в Подольске Романенко обнаруживает, что Кондратюк не погиб в первом бою, а сражался еще в 3-х полках (2-х дивизиях, 2-х армиях). Были найдены ведомости с его подписью на выплату денежного содержания

ротам связи, в которых тот служил по февраль 1942 года. Последним подразделением был взвод связи 1-го батальона 1281-го стрелкового полка (сп) 60-й стрелковой дивизии (бывшей 1-й МДНО) 3-й армии Брянского фронта, с февраля 1942 года принимавший участие в наступлении для захвата Кривцовского плацдарма на западном берегу реки Оки.

В целом, эта работа в архивах завершилась определённым результатом. Отслеживая судьбу связистов 1-го батальона 1281-го сп, в котором служил Кондратюк, Романенко напал на след телефониста С.К. Дергунова, перенёсшего ранение 22 февраля 1942 года, и нашёл его проживавшим в Москве. Тот подтвердил, что служил в 1-м отделении, командиром которого и помкомвзвода связи был Ю.В. Кондратюк, и дал официальные показания с информацией о его гибели между 22 и 25 февраля 1942 года. На основании этих сведений с 1993 года всё вернулось на круги своя, т.е. к тому же 1942 году. В итоге официально на государственном уровне в лице Министерства обороны, фронтовая судьба Ю.В. Кондратюка стала формулироваться так: «*Юрий Васильевич Кондратюк, 1900 года рождения, доброволец народного ополчения Москвы, командир отделения взвода связи 1-го батальона 1281-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии 3-й армии. Погиб между 22 и 25 февраля 1942 года на территории Кривцовского плацдарма Болховского района Орловской области. Место захоронения не указано*». Эти данные имеются в 15 томе Книги Памяти Москвы и Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе*****.



ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ
АРХИВ
Министерства обороны
14. июля 1993 г.
№ 9 / I5333
142100,г. Подольск Московской области

НАЧАЛЬНИКУ 2 ОТДЕЛА ЗАПАДНОГО
ОКРУЖНОГО ВОЕНКОМАТА
I2I354,г.Москва,ул.Гришина,8.

377

Сообщаем,что на основании представленного Вами
материала в учетные данные отдела внесены изменения и
следует правильно считать:
- рядовой Кондратюк Юрий Васильевич,I900 г.р.,уроженец
г.Луцк,погиб 22-25 февраля 1942г.,в р-не д.Кривцово,
Болховского р-на,Орловской обл. место захоронения не указано.
Основание:ЦАМО:д.51/27 т.4 - 93г.

Начальник отдела Абрамов

исп.Константинова ан

Итоговое сообщение ЦАМО1993 г. о судьбе Кондратюка

* На ОБД «Мемориал» документы эти найти было не просто, т.к. выложены они были с ошибкой (Кондратюка зарегистрировали, как «**Кодратюка**»). Устранение её произошло только в 2016 г.

Вместе с тем, путаница и ошибки, с которыми неразлучен был и сам Кондратюк, живя под другой фамилией, продолжают преследовать его и после смерти. Начиная со статьи 1969 года американского журнала «Лайф», запутавшегося в цифрах и указавшего год его смерти 1952 (вместо 1942-го), эту традицию продолжает в отношении его фронтовой судьбы и ряд наших Книг Памяти. Одни путаются в цифрах, и 1281-й стрелковый полк у них становится 1291-м, а он принадлежал 110-й сд 33-й армии. В результате в большинстве справочных изданий Интернета можно прочесть «*Согласно «Книге памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне. Том 7», Кондратюк Юрий Васильевич проходил службу в 110 стрелковой дивизии 33 армии, в должности помощника командира взвода 1291 стрелкового полка, погиб 25 февраля 1942 г., похоронен у деревни Кривцово Болховского района Орловской области*», хотя 110-я сд бои в районе Кривцовского плацдарма в феврале 1942 года вообще не вела, поскольку её там не было, также как и 33-й армии! Другие Книги Памяти путают место гибели, относя Кривцово к Калужской области. В 2017-2019 годах в Интернете появилось несколько новых статей о Кондратюке с данной привязкой к местности. Таким переписчикам ошибок можно ответить так: в принципе, селение Кривцово в Калужской области действительно есть, но находится оно в Ферзиковском районе, территория которого была освобождена в 1941 году. Ни 110-я сд, ни 60-я сд участия в освобождении этого района не принимали, к тому же никаких воинских захоронений там не отмечено.

По оперсводкам, боевым донесениям 1281-го сп и самой 60-й стрелковой дивизии, схемам и картам боевых порядков хорошо видно, что именно 1281-й стрелковый полк в феврале 1942 г. (да и в марте до 18.03 тоже) вёл бои на подступах к высоте с отметкой 203,5, что у Кривцово СС (теперешняя Тросна). В ожесточённых боях и контратаках полк несколько раз брал снежный вал и вершину этой высоты, но удержать не мог.

Для наших наступающих частей бои носили исключительно истребительный характер. Потери 60-й сд и в особенности 1281-го сп за первую неделю наступления (с 16 февраля) были просто катастрофичны. Начиная с 24 февраля, боевые донесения 60-й сд больше напоминают подсчёт количества оставшихся в живых. Для примера, из боевого донесения №017 можно прочесть: «… *На 26.2.42 в дивизии имеется активных штыков: 1281 сп – 20 (стрелки), 1283 сп – 220 (стрелки), 1285 сп – 83 (стрелки)…*». С таким результатом своей деятельности было согласно и командование 3-й армии: «…*В 60, 6 ГВ. СД и частично в 137 СД в полках осталось по 350-650 человек, из них активных штыков от 50 до 300. Потери командного состава крайне велики. Вышло из строя 6 командиров полков, из них убито – 3, ранено – 3, большинство комба-*

тов и командиров рот. Командиры взводов почти полностью отсутствуют. В общем потери 3-й А за период двух операций составляют свыше 16 000 человек…» (донесение №013 штаба 3-й А от 25.02.42). В конце марта 1942 г. противник окончательно выбил наши части с захваченного плацдарма за Оку.

Как раз в год, когда американцы по плану Кондратюка впервые высадились на Луну, в месте его гибели на гребне высоты 203,5 после четвертьвекового забвения вознеслась ввысь Большая пирамида Кривцовского мемориала. Через 30 лет к обихоженным могилам допустили оставшихся в живых ветеранов и родственников погибших.

В 1969 г. игла пирамиды Кривцово вспорола небо
вместе со стартовавшим к Луне «Apollo-11»

Утверждение документов МО, что могила не указана, продолжает давать почву для выдумок и предположений. Подчас эту могилу продолжают искать где угодно, только не у Кривцово. Люди, пишущие об этом, просто не знают и не понимают, что там творилось в февральские дни 1942 года. Описывать эти тяжелейшие бои, в которых 60-я дивизия только за три дня (с 16 по 19 февраля) одними убитыми потеряла 730

человек, просто нет сил. Я их отсылаю к воспоминаниям оставшихся в живых (см. кн. В.П. Киселёва «Однополчане», глава «На тургеневских полях», стр. 146–157 и Е.Е. Щекотихина «Орловская битва», кн. 1-я, стр. 307-318). Когда я читал их дочери, она сказала: «*Перестань, иначе у меня тоже сердце разорвётся!*». Вы только представьте эти 700 с лишним человек! Кто их хоронил и где? При таких снегах, морозах, постоянных контратаках немцев, местности, на которой, чтобы вытащить убитого с поля боя, надо было свою жизнь отдать! Почувствовать тяжесть этих боёв даёт лишь одна выдержка из стиха «Высота 203,5» Вадима Ерёмина: «…*Здесь не добраться до земли сквозь слой металла*».

Подбитый танк «Валентайн» 80-й ТБр и наша погибшая группа поддержки.
Район Кривцово, март 1942 г. (нем. снимок)

Между тем, во множестве статей упорно продолжают твердить, что точное место захоронения Кондратюка не известно до сих пор. В принципе, всё это правда. Но, по сути, эта правда привела к отсутствию исторической справедливости по отношению к памяти этого человека. Чтобы понять, что это утверждение для тех мест, где он погиб, несправедливо, нужно просто знать историю боёв и создания Кривцовского мемориала. Для каждого из тех, кто там захоронен, можно написать «Место захоронения не указано», поскольку при погребении никто их там не идентифицировал. Да и было ли это погребение?! В предыдущих вариантах очерка я не хотел заострять на это внимание, но, видимо, сделать это придётся.

31 марта 1942 года Брянский фронт (ген. Черевиченко), а конкретно 3-я армия (ген. Жмаченко), постепенным отводом войск фронта, наконец-то избавились от участка у Оки, усеянного труппами своих бойцов,

фактически сдав Кривцовский плацдарм, на котором безуспешно бились больше месяца (16.2-18.3.42), немцам. Произошло это, конечно, не без боя и участия самих немцев, заранее спланировавших эту операцию, поскольку Кривцовские высоты им были крайне выгодны для обороны прибрежной полосы Оки. При захвате плацдарма кроме территории противнику достались трофеи, около 600 пленных и тысячи трупов, устилавших эту снегом покрытую землю. О наличии множества неубранных трупов после февральско-мартовских боёв остались свидетельства, как в документах 60-й сд, так и немецких при допросе наших же пленных. Что немцы делали с ними после того, как снег начал таять, одному Богу известно! По рассказам священника Василия Ермакова, он, будучи подростком, привлекался немцами в 1942 году к захоронению наших погибших солдат у Кривцово (см. кн. «Болхов – город церквей», 2005. - С.173). Однако вид бугров, поросших бурьяном, у высоты 203, 5, что оставили после себя оборонявшиеся на этом рубеже оккупанты, по словам видевших их вначале 60-х годов очевидцев и данным немецкой аэрофотосъёмки 1943 г., на которой они хорошо просматриваются, скорее всего, говорит за то, что это была работа тракторов. К тому же и по воспоминаниям местных жителей окрестные поля после войны всё ещё были забиты костями наших солдат. «Могилы» мемориала появились после перепланировки этих бугров в конце 60-х годов при его создании, так что реально по содержанию этих могил вряд ли кто что-то толковое может сказать. Само понятие «могила» легче соотнести с правым тульским берегом Оки, где находились штабы наших частей и куда удавалось переправить с левого берега в основном погибших офицеров.

Поэтому приписка МО «*Место захоронения не указано*» в справке о гибели Ю.В. Кондратюка в данной ситуации не правомерна. Применительно же к истории его судьбы, она привёла к продолжающимся уже 20 лет в прессе попыткам обвинить его в предательстве, работе на немцев и дальнейшей эмиграции в США или другие страны. Хотя никаких сведений об этом нигде нет, а есть официальные документы в ЦАМО, областном и районном военкоматах о его гибели под Кривцово.

Эту тайну Кондратюка, на основе которой делались предположения о его предательстве, сдаче в плен и работе на немцев, я попытаюсь раскрыть в следующем очерке.

Погибнуть же он мог, вероятнее всего, только здесь, поскольку документальных данных о его дальнейшей службе не прослеживается. К тому же и ряд фактов подтверждает это:

1. Письменное свидетельство и воспоминания С.К. Дергунова, служившего в его отделении (см. кн. Б.И. Романенко «Звезда Кондратюка-Шаргея», С.К. Дергунов «В первый год Великой Отечественной» в сб. С.А. Козлов «В поисках истины»).

2. Наличие фамилии и подписи Ю.В. Кондратюка в январской за 42 г. расчетной ведомости на выдачу денежного довольствия личному составу взвода связи 1-го батальона 1281-го полка и отсутствие их в февральской при продолжающихся боях данного полка в составе 60 сд за высоту 203,5 и в марте 1942 г.

3. Возвратившееся Г.П. Плетнёвой 16.03.42 в г. Уфу её письмо в адрес Кондратюка с пометкой «*Доставка невозможна*» (по штампу Уфы письмо было отправлено 06.02.42, разделите пополам и как раз получите двадцатые числа февраля 1942 года).

4. Тяжелейшие потери личного состава 1281-го 60-й сд в ходе проведения наступательной операции на Кривцовском плацдарме.

5. Свидетельства сослуживцев и знакомых о его гибели именно в 1942 году (см. заключительные строки воспоминаний О.Н. Горчаковой и Н.В. Никитина, которые указывают на зиму 1942 г. в сб. С.А. Козлова «В поисках истины»).

6. Даже если допустить возможность (вследствие постоянных контратак немцев) попадания частей полка в окружение, они могли быть только уничтожены. В условиях той морозной зимы и почти полного отсутствия жилья в местах боёв содержать пленных было негде (из сохранившихся домов фашисты выгоняли женщин и детей на мороз, и они живьём замерзали, о чём говорят и документы).

7. Ответ Федерального МВД Германии от 25.09.1991 года на запрос Новосибирского научно-мемориального центра им. Ю.В. Кондратюка о том, что Кондратюка Юрия Васильевича среди пленных Второй мировой войны не было (см. сб С.А. Козлова «В поисках истины»)

8. Ссылка журналиста Ярослава Голованова в статье «Потаённый Кондратюк» на сообщение старшей сестры Галины Плетнёвой Варвары Павловны (из разговора с Б. Романенко) о том, что с фронта приходило письмо о его гибели, которое не сохранилось.

В преддверии 100-летия Ю.В. Кондратюка в ноябре 1996 г. на Кривцовский мемориал приезжала поисковая группа с участием калужан, организатором которой выступил всё тот же неутомимый Б. Романенко. Они искали точное место его захоронения, но что они могли там найти? Привлекли ясновидца, указавшего место гибели в окопе, буквально в ста метрах от братских могил. И, кроме гильз от снарядов и патронов, в этом месте ничего так и не нашли. Затем предположили, что учёный был убит в одной из траншей и, видимо, засыпан снегом, а весной, когда снег растаял, его обнаружили, и он был захоронен в одной из братских могил поблизости.

В январе и феврале 1994 года в «Российской газете» были опубликованы статьи о Кондратюке и поисках Романенко. Одна из них с подзаголовком «Сенсационная находка в архиве МО даёт надежду разгадать **тайну века**: место и время гибели теоретика космонавтики Кондратюка-Шаргея». И тайна, благодаря усилиям и энтузиазму Б. И.Романенко, была в целом разгадана. Но само место гибели ещё в течение 20 лет оставалось без всяких свидетельств этого.

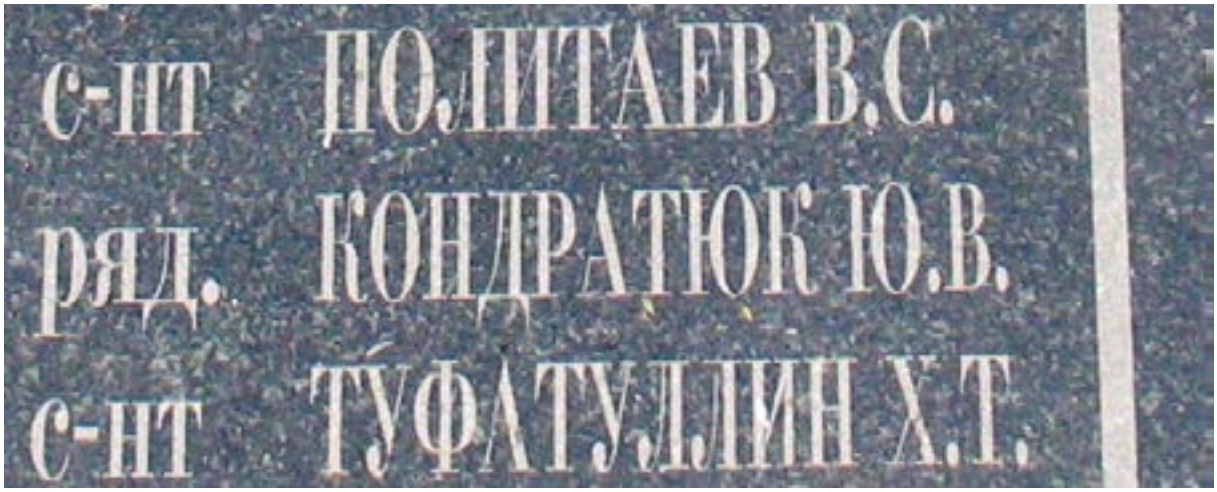
Дабы не погрязнуть в болоте путаницы и сумбуре выдумок, реальное место гибели выдающегося человека должно иметь достойный его имени памятник, а ошибочно указанное должно быть исправлено. Нашим детям и внукам предстоит продолжать осваивать космос, летать к Луне и другим планетам. И человек не должен метаться между областями в недоумении, где же поклониться памяти гениального учёного.

Кратер Кондратюка

Над мемориалом всходит Луна, к которой он мечтал долететь, с кратером его имени. В ночном небе проносится малая планета с его именем. И фразу «…моё место на небе» уже можно понимать и буквально.

Зимой 2013 года на основе выявленных документов ВООПИиК ходатайствовало к администрации г. Болхова о необходимости увековечения

памяти Кондратюка-Шаргея. К Дню Победы у братских могил были установлены 6 новых плит, на одной из которых есть фамилия Кондратюка, правда её непросто отыскать среди фамилий 1460 других бойцов мемориала.



Его имя на одной из плит кривцовского мемориала

Тогда же, к 70-летию освобождения Болхова, на мемориале появилась и отдельная скромная памятная плита-обелиск, посвящённая Кондратюку. Плита была изготовлена и установлена усилиями руководителя межрегионального поискового объединения «Костёр» Николая Красикова и работников НПО «Ритуал-Сервис» г. Орла. Стоит она слева от дорожки, ведущей к пирамиде, и когда смотришь на неё, сам собой напрашивается вопрос: «А где же могила?». А вот вся эта легендарная высота и есть его могила, каковой она является для тысяч захороненных и не захороненных безымянных бойцов, погребение которых, благодаря работе поисковых отрядов, ежегодно сотнями ведётся в этих местах!

Одновременно с 2014-го года происходили встречи и велась переписка с целью более достойного увековечения памяти Ю.В. Кондратюка в месте гибели с привлечением районной администрации, администрации г. Орла, бывшего губернатора области, Федерации космонавтики России, Российского военно-исторического общества, но серьёзных результатов это не дало.

Наконец, в 2019 году, благодаря поддержке вновь избранного губернатора области Андрея Евгеньевича Клычкова, при помощи ряда организаций, поисковиков и добровольцев всё тому же Николаю Красикову удаётся возвести на мемориале новый памятный знак. На вертикальных гранитных плитах размещаются три памятные доски: центральная с его портретом и двойным именем, и две информационные с надписями: «*Выдающийся российский теоретик космонавтики, автор грандиозных инженерных проектов и практических идей в области межпланетных сообщений*» и «*Народный ополченец, рядовой, связист 1281 сп 60 сд. Погиб 23 февраля 1942 года в бою за Кривцовский плацдарм при взятии высоты 203,5*».

Кривцовский мемориал:
Плита-обелиск Ю. Кондратюку Скорбящая мать

Памятный знак Ю.В. Кондратюку, открытый на Кривцовском мемориале11.04.2019

Вячеслав Рыбников

«*Ложусь в обморок*»
Тайна мифа о предательстве

В воспоминаниях, опубликованных в начале далёких 60-х годов, ряда коллег, знакомых и друзей Юрия Васильевича Кондратюка тут и там разбросаны, употребляемые им в обиходе, забавные словечки, каламбуры и шутливые выражения: «*мастодонт*», «*отдыхание*», «*старперы*», «*моя универсальная ротонда*» – о шубе, «*роскошница*» – восхищение красивым, «*кому – таторы, а кому – ляторы*», «*тут, бабуся, всё дело в химии и термодинамике*» – во время помощи в растопке печки. Из вечно погружённого в творческую работу гения бил неисчерпаемый юмор и шла какая-то весёлая игра со словами. Результат этого увлечения представлен и в данном заглавии. Это тоже шутливое словосочетание, под коим он «*разумел*» крайнюю степень удивления.

По сути вся жизнь его вполне достойна этой фразы. Поскольку, кратко описанная в предыдущих историях, даёт удивительные сочетания: полжизни с именем Александра Шаргея и полжизни с именем Юрия Кондратюка, пионера ракетной техники и механика хлебного элеватора, непризнанного при жизни гения и основоположника космонавтики, пацифиста и участника всех мировых войн, белого офицера и рядового коммунистического ударного батальона. Так что удивиться есть чему!

Удивляться приходится не только этому: даже сама трагическая развязка его драматичной военной судьбы, связанная с нашим краем, вся сплетена из неожиданных, странных и непонятных фактов, аналогий и совпадений. Попытаемся в них разобраться.

Несмотря на не совсем ясную официальную дату гибели Ю.В. Кондратюка на приокских высотах (в приведённой справке ЦАМО РФ №9/15333 от 14.07.93 – это **22-25 февраля 1942 года**, по картотеке военкомата он значится погибшим **22 февраля**, а в книге Б.И. Романенко «Звезда Кондратюка-Шаргея» помещена ещё одна справка ЦАМО под тем же номером 9/15333, но от 13.07.93 с конкретным числом **25 февраля**), в ряде пуб-

ликаций закрепилась несколько другая дата, а именно **23 февраля 1942 года** – день Красной Армии. Вполне понятно, что справки 1993 года опирались на рапорт С.К. Дергунова, по его сведениям раненого 22 февраля. Но при более детальном изучении документов, в частности наградного листа ст. лейтенанта Дергунова от апреля 1945 г., где время его лёгкого ранения отмечено – 21.II.42 г., его опубликованным воспоминаниям, журналу боевых действий, боевым донесениями и оперсводкам 60-й сд за 21 и 22.2.42 становится ясно, что произойти это ранение могло только 21 февраля. Видно, память Сергея Кирилловича слегка подвела. Эта корректировка, с учётом последующего его указания на информацию, полученную через 2-3 дня от раненного бойца о гибели Кондратюка, действительно приближает трагедию именно к 23.02.42.

Этот день 24-й годовщины Красной Армии нужно было отметить достойно, поэтому 23 февраля на Кривцовском рубеже шли упорные, жестокие бои. Части 60-й дивизии сражались за овладение Кривцово СС и прилегающих высот. 1281-й сп бился за гребень высоты 203,5 (как в феврале, так и в марте), на котором сейчас как раз и установлена Большая пирамида Кривцовского мемориала. Атаки отрядов 1281 сп (а назвать их батальонами из-за потерь было уже невозможно) начались с 14:00 22 февраля и шли в течении дальнейших 3 дней. За эти дни гребень высоты 203,5 отряды 1281 сп захватывали у немцев 2 раза (16:30 – 22.2.42 и 1:00 – 24.2.42), но закрепиться там не удавалось: следовал сильнейший артиллерийский налёт с контратакой немцев, поддержанной танками, и высота переходила к ним снова (18:40 – 22.2.42 и 8:30 – 24.2.42). Так в оперсводке №17 от 24.2.42 60-й дивизии записано: «*Отряд 1281 сп, силой до 30 человек, оборонявший гребень выс. 203,5, мужественно отражал контратаки превосходящих сил противника. Противнику удалось занять гребень высоты 203,5 лишь после того, когда из оборонявшего гребень отряда, в живых не осталось ни одного человека*».

Не только 24 февраля, но и все эти дни (с 22 по 25.2.42) были потери. Наибольшее их количество приходилось именно на 23.2.42. И хотя в итоговых цифрах донесений по потерям полков и самой 60-й дивизии явно видна путаница, всё равно отличие потерь 23-го февраля от смежных дней идёт чуть ли не в разы. Та же оперсводка №17 отмечает общие потери 1281 сп за 23.2.42 в 173 человека убитых и раненых.

Что же происходило в полку в этот день? В двух известных в настоящее время документах за 23 февраля 1942 г., речь идёт об одном и том же. Из боевого донесения № 015 60-й сд читаем: «*1281 сп в течение дня два раза переходил в атаку на высоту 203,5, но так как танки поддерживающие пехоту, топтались на месте, пехота была отсечена огнём и атака успеха не имела*». И дальше уже в конце его: «*Действие 79 и 80 ТБр в течение дня 23.2.42 оцениваю крайне плохо, танки не подавили ни*

одной огневой точки – экипажи машин действуют нерешительно – топчутся на месте – двигаться вперёд боятся и больше всего курсируют внутри боевых порядков пехоты. Один танк – командир роты лейтенант Сёмин 80 ТБр – задавил 6 человек 1281 сп, вместо того, чтобы двигаться вперёд, он дал задний ход» (последнее предложение зачеркнуто красным карандашом, но прочесть его можно). О том же и другой документ – боевое донесение из 1281 сп, там уже ничего не зачёркнуто: «… *противник открыл ураганный огонь по пехоте, пехота залегла за танками. Командир танка т. Семин без предупреждения рванул танк задним ходом и гусеницами раздавил шесть бойцов, укрывшихся от огня пр-ка за этим танком*».

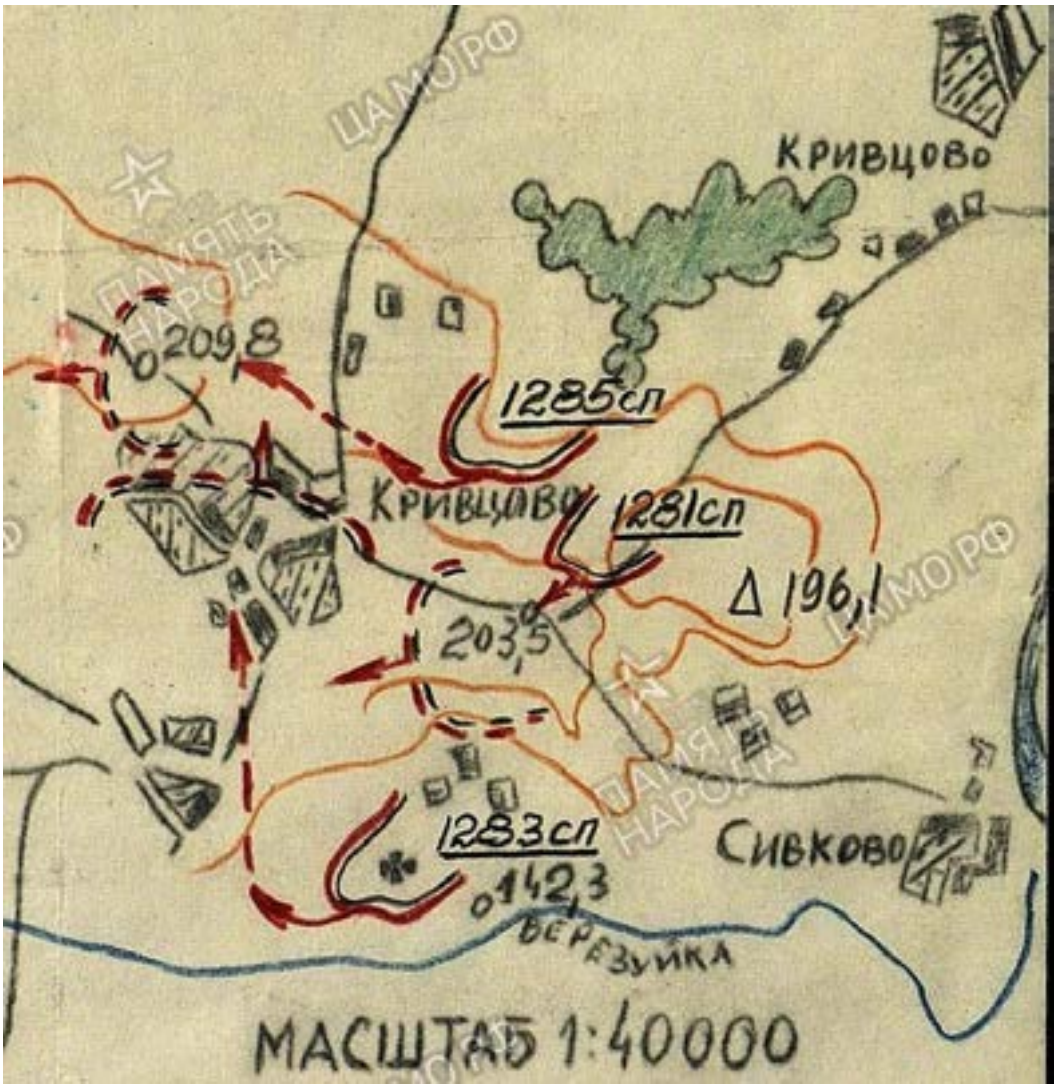
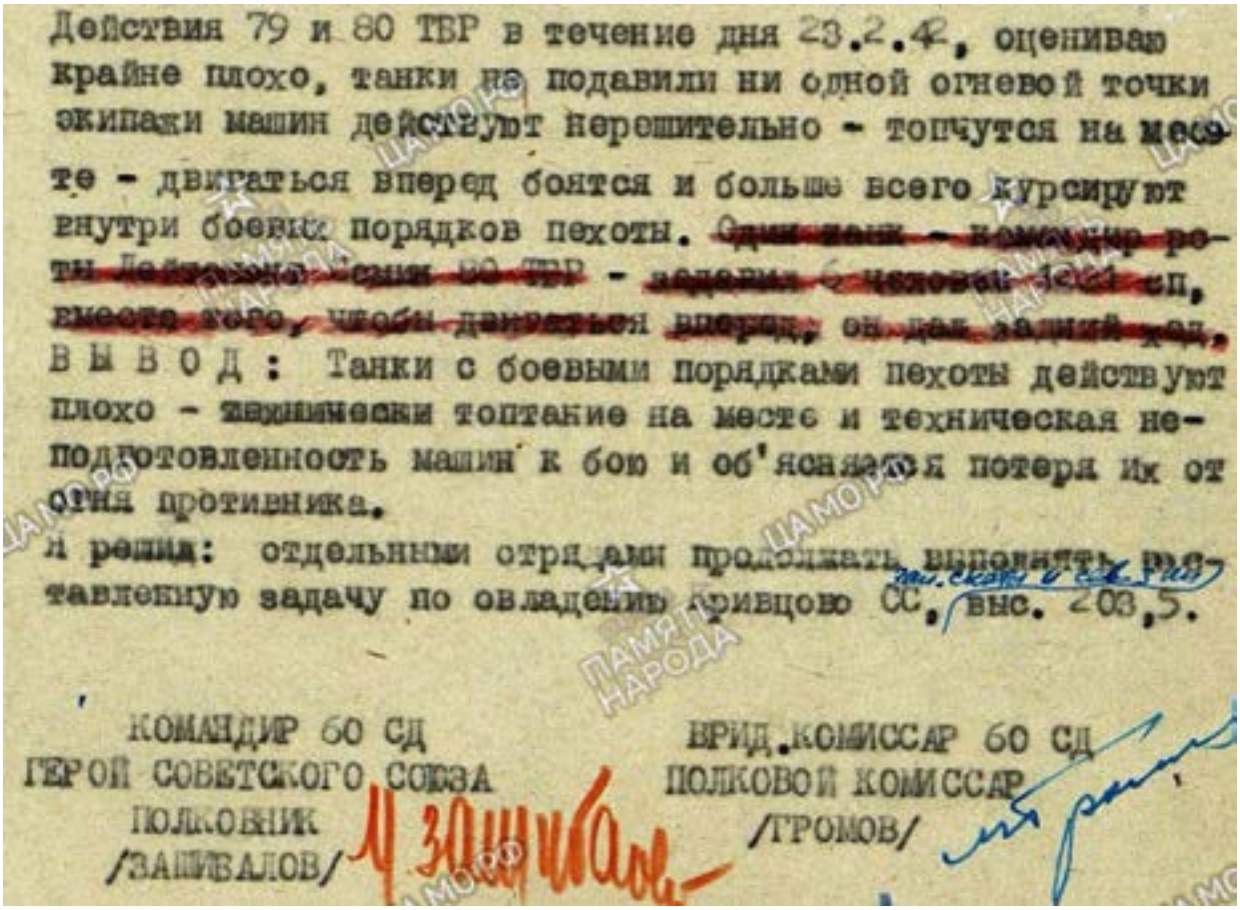


Схема расположения полков 60 сд от 20.02.42 г.
(и последующие дни февраля)

В своём журнале боевых действий танкисты 80-й ТБр попытались отмазать ст. лейтенанта Сёмина, свалив всё на пехоту: «…*пехота в атаку не поднималась и танки не поддержала. Ком. роты ст. лейтенант Сёмин выходил из танка 4 раза, чтобы договориться с пехотой,*

но к желаемым результатам не договорился и пехота продолжала сидеть в блиндажах». После такого устроенного танком кровавого месива своих же бойцов, вряд ли кто-то пошёл бы за ним в атаку! Но, возможно, в бригаде комроты Сёмину в вину это и не ставили, понимая, что дело тут в механике-водителе. Как бы там ни было, а разборка этого случая, имевшего место в тот знаменательный день, наверняка была и в танковой бригаде и 60-й сд. Но результаты этого расследования естественно засекретили, ибо знать такое о нашей доблестной Красной Армии не полагалось.



Действия 79 и 80 ТБР в течение дня 23.2.42, оцениваю крайне плохо, танки не подавили ни одной огневой точки экипажи машин действуют нерешительно - топчутся на месте - двигаться вперед боятся и больше всего курсируют внутри боевых порядков пехоты. [redacted]

ВЫВОД: Танки с боевыми порядками пехоты действуют плохо - технически топтание на месте и техническая неподготовленность машин к бою и об'ясняется потеря их от огня противника.

Я решил: отдельными отрядами продолжать выполнять поставленную задачу по овладению кривцово СС, выс. 203,5.

КОМАНДИР 60 СД
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПОЛКОВНИК
/ЗАПИВАЛОВ/

ВРИД.КОМИССАР 60 СД
ПОЛКОВОЙ КОМИССАР
/ГРОМОВ/

Из донесения № 015 комдива 60-й сд от 22:00 23.02.42 г.

Больше никаких документов за тот день, в который, возможно, и произошла трагедия Ю.В. Кондратюка – человека, защищавшего свою Родину, мы не имеем. Не имея же документальных подтверждений, при значительных потерях за этот день в полку, невозможно утверждать, что Кондратюк оказался в числе 6 человек, что были задавлены танком Сёмина. Но поскольку такой вариант событий тоже возможен, то можно попытаться представить дальнейший его итог.

Для этого перенесёмся в конец 50-х-начало 60-х годов, когда в издательстве Академии наук готовился сборник трудов основоположников космонавтики «Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк. Избранные труды». Именно это издание, вышедшее

в 1964 г. позволило его составителям и официальным органам достаточно полно ознакомиться с судьбой Кондратюка. Уже в ходе сбора и проверки его биографических данных им становится известно его настоящее имя и фамилия – А.И. Шаргей. Причина же дополнительного расследования – резкий протест известного учёного А.Л. Чижевского, защитника приоритета Циолковского, по поводу упоминания имени Кондратюка, как самостоятельного исследователя в области космонавтики, и публикации его трудов. Тут уже идёт настоящее следствие с обращением к С.П. Королёву и «детективными» атрибутами, включая почерковедческую экспертизу за № 17/А от 31.10.1962, выполненную криминалистической лабораторией. Результатом всего стала публикация правильных годов его жизни 1897–1942, и установление его фамилии, которая затем успешно скрывалась властью в течение почти четверти века даже от ряда его биографов. Причём данный впервые в этой книге настоящий год его рождения полностью не совпадал со всеми заполненными им самим анкетами.

Наивно полагать, что при такой биографии из поля зрения органов без серьёзной проверки мог остаться год его смерти, причём с формулировкой не как-нибудь, а именно «**погиб»**. Однако, по мнению ряда публицистов именно так и произошло. При этом ссылаются на редактора сборника В.Н. Сокольского, утверждавшего, что год его гибели был установлен по показаниям людей, с которыми Кондратюк общался – О.Н. Горчаковой, Б.Н. Воробьёва и И.З. Кирьяна. Возможно они что-то и знали со слов других, но почему-то не оставили никаких подробных свидетельств этого (Горчакова лишь написала, что её **официально** уведомили об этом). Конкретными документами эти люди также не обладали, и ссылка на них выглядит несколько странно. Рядом же находился ЦАМО, где всё это «официально» и фиксировалось. Но через 20 лет, уже в 1980 г., попытка найти там документы **погибшего** Ю.В. Кондратюка окончилась провалом. Т.е. при чётко отработанной официальной версии – «погиб», видно явное желание что-то скрыть. Причину этого сокрытия как раз и объясняет возможный нелепый случай его гибели 23.2.42, позорный для армии.

В 1993 году известный журналист и писатель Ярослав Голованов в статье «Потаённый Кондратюк» поделился своим впечатлением от попытки дать биографический материал о Кондратюке при написании изданной в 1982 г. книги «Дорога на космодром». Там есть довольно интересная фраза: «…*И вроде бы ничего не запрещалось, не вычёркивалось, но докопаться до истины было очень трудно. Наконец в «космической цензуре» как старому знакомому мне доверительно объяснили, что Кондратюка «попридерживают», поскольку не совсем ясно, при каких обстоятельствах он погиб на фронте*…». Сама эта фраза говорит за то, что властями сокрытие фактов его биографии было увязано с

обстоятельствами гибели, хотя в истории войны было достаточно примеров неясных обстоятельств.

Продолжением процитированной фразы Голованова являются слова: «… *и погиб ли вообще. А может быть он сдался в плен? А может быть помогал немцам в создании дальнобойных ракет Фау-2, работал с Вернером фон Брауном?*». По тем временам, когда он уже был признанным пионером мировой космонавтики, подобное звучало дико. Сейчас же такие версии распространены как и в Интернете, так и в печати свободно. Откуда всё это взялось?

В конце 80-х годов в ряде статей писалось о находке после войны в фашистских архивах **половины тетради** Кондратюка с расчётами. Вот, к примеру, что по этому поводу писалось в очерке «Кто вы, инженер Кондратюк?», (сб. «Загадки звёздных островов», кн. 5-я, 1989 г.): «*Космонавт В.И. Севастьянов, изучавший архивные материалы о Кондратюке, рассказывает: «Судьба, которая, мне кажется, всю жизнь мстила Кондратюку за то, что он жил под чужим именем, и после его смерти сыграла злую шутку. После окончания войны при разборе фашистских архивов были обнаружены документы, вроде бы свидетельствующие о том, что Ю. В. Кондратюк работал у Вернера фон Брауна на ракетной базе в Пенемюнде. Кое-кто быстро поверил в то, что Кондратюк оказался предателем...*

*А суть дела такова. В фашистских архивах обнаружили **половину тетради** Кондратюка с формулами и расчётами по ракетной технике. Тетрадь нашёл на поле боя какой-то немецкий солдат и принёс своему командиру. Вскоре она попала специалистам по ракетной технике*…». О том же было и в статье В. Борисова из газеты «Труд» от 10.06.1988 г.

Вернер фон Браун (1912 - 1977) с моделью ФАУ-2 и с офицерами вермахта в Пенемюнде

Вот это уже удивительно! Тетрадь Кондратюка в архивах Вернера фон Брауна, да ещё с поля боя?! Многие не верят. «*Мне представляется сомнительной версия автора статьи о том, что она была найдена «на поле боя» немецким солдатом и была переправлена специалистам фон Брауна…*», – пишет в своей книге «Траектория судьбы» Александр Раппопорт (изд. 2-е, 2008 г.). Он сомневается, но тут же выдвигает своё предположение о захвате немцами этой тетради из музея Циолковского в период оккупации Калуги, хотя нет никаких данных о том, что она там вообще находилась.

Ракета А-4 (ФАУ-2)

Исследователь биографии Кондратюка-Шаргея и его двоюродный брат А.В. Даценко в своей книге «Я полечу туда…» тоже отрицал эту «версию» с тетрадью со ссылкой на генерал-лейтенанта Г.А. Тюлина, возглавлявшего коллектив специалистов, изучавших трофейную ракетную технику в 1945-1946 годах. Но, сославшись на Тюлина, он не учёл, что тетрадь эта могла пройти мимо специалистов комиссии.

По вновь открывшимся данным (см. Интернет-статью М.И. Руденко «Я первым ознакомился с архивом Вернера фон Брауна»), захват сверхсекретных документов с полигона Пенемюнде оперативно выполнила на «Дугласе» группа военной разведки капитана С.Хомутова, немедленно передавшая их в Генштаб. Этот архив (12 белых папок) в конце мая 1945 г. был отдан в ЦКБ-29 НКВД подмосковного Болшева (попросту «шарашку» А. Туполева) на заключение группе Роберта Бартини. А занимался им хорошо владевший немецким языком будущий академик Пётр Дузь. По его признанию, он «*мало что читал в жизни с большим интересом*», чем последнюю 12 папку из архива, поскольку в ней был перечень замыслов, концепций и даже технических решений наших учёных, использованных в конструкциях ракет Вернера фон Брауна. Ему врезалась в память фраза о роли «*основополагающих идей русских учёных Циолковского и Кондратюка*». Здесь же, видимо, могла быть и половина тетради Кондратюка с поля боя. Для доказательства её существования есть косвенные объяснения. Будь она выдумкой, никто никогда не стал бы уточнять, что это была именно **«половина».** Для того, чтобы опорочить Кондратюка, было вполне достаточно назвать это просто «тетрадью» или «документами». До «шарашки» она, скорее всего, всё-таки не дошла, поскольку явно выделялась из папок архива.

Как раз это понятие «половины тетради» подтверждает правоту слухов о находке её на «поле боя» (хотя это вовсе не поле, а высота), а также с большой степенью вероятности и сам факт его гибели. Ведь половина могла образоваться в результате воздействия самих факторов боя: при артиллерийском, минометном огне или авианалёте, проходе танка рядом с погибшим и т.п., что, в целом, характерно для тех боёв у Кривцовских высот февраля 1942 года. Он прошёл битву под Москвой, когда их части немцы рассеивали и окружали, и если бы хотел сдаться в плен, как бывший белый офицер, мог бы сделать это гораздо раньше, причём с полной тетрадью.

Перед войной Кондратюк не расставался с портфелем, в котором хранил рукописи, ссылаясь на то, что при аресте потребует составить акт. Там же, видимо, были и две самые важные главы, которые он не включил в свою книгу на том основании, что они слишком близки к рабочему проекту и могут быть использованы не в мирных целях (о чём писал в предисловии). Он не хотел открывать секреты врагу, но они как раз и достались немцам с половиной тетради. Эта его оплошность (то, что он таскал тетрадь с собой), видимо, и трактовалась, как предательство. В одном из писем с фронта он писал: «***Действительно, всё в жизни делается наоборот***».

Сохранилась ли данная половинка тетради в каких-то архивах КГБ или была уничтожена, как были уничтожены многие документальные свидетельства послевоенной работы на СССР, вывезенных из Германии немецких ракетчиков, неизвестно. Скорее всего, эти записи, побывавшие в бою, вряд ли до нас дожили.

И.Г. Старинов

Для доказательства возможности и реальности этой невероятной истории рассмотрим теперь другой, аналогично-зеркальный случай с «легендой русского спецназа», «минным богом», нашим земляком, родившимся **близ г. Болхова**, а потому и почётным его гражданином Ильёй Григорьевичем Стариновым, известный в научно-популярной литературе как «Атомная тетрадь». Биографию Старинова не нужно описывать: на Орловщине его знают, ему посвящено много статей в наших орловских изданиях, он герой книг и кинофильмов, автор интересных мемуаров.

Любопытно, что первая публикация в печати об этой истории была в газете «Болховская новь» ещё в 1975 году, где с октября по ноябрь печатались главы книги И.Г. Старинова «Льды и оливы».

И. СТАРИНОВ

ЛЬДЫ И ОЛИВЫ

V. НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ!

(Продолжение. Начало в № 109).

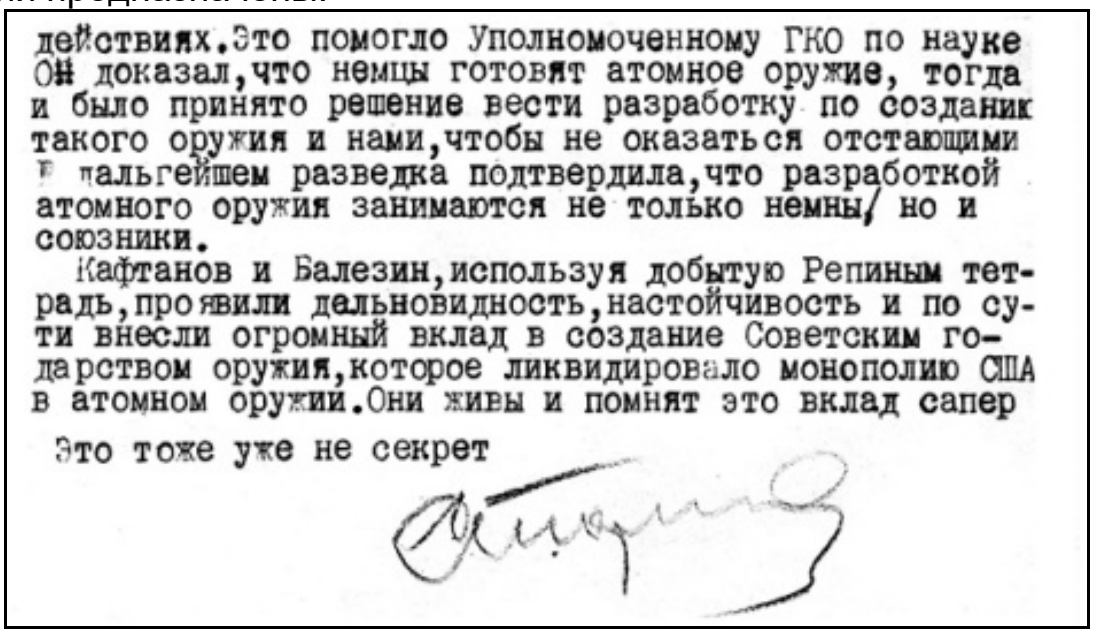
Отрывок книги И. Старинова «Льды и оливы» из газ. «Болховская новь», 1975 г.

В печати и Интернете диапазон трактовок этой истории широк. Считаю, что наиболее объективно и полно в настоящее время данный случай разобран в статьях С.И. Буйло (см. к примеру «”Бомба” в отцовском конверте», журн. «Родина» №4, 2019), тем более, что в личной переписке с его отцом рассказ Старинова, прозвучал несколько ранее нашей первой местной публикации, о чём сохранились письменные свидетельства.

Итак, **в тот же день** февраля 1942 года, когда Кондратюк, возможно, погиб на высоте 203,5 под Кривцово, а половина его тетради в качестве трофея досталась немцам, далеко от нашего края под Ростовом-на-Дону, где в составе 56-й армии работала инженерная группа под руководством Старинова, прибывшего из Москвы, была проведена операция по разгрому немецкого гарнизона на Кривой Косе, что западнее Таганрога. Операция была громкая и прошла даже по сводкам Совинформбюро.

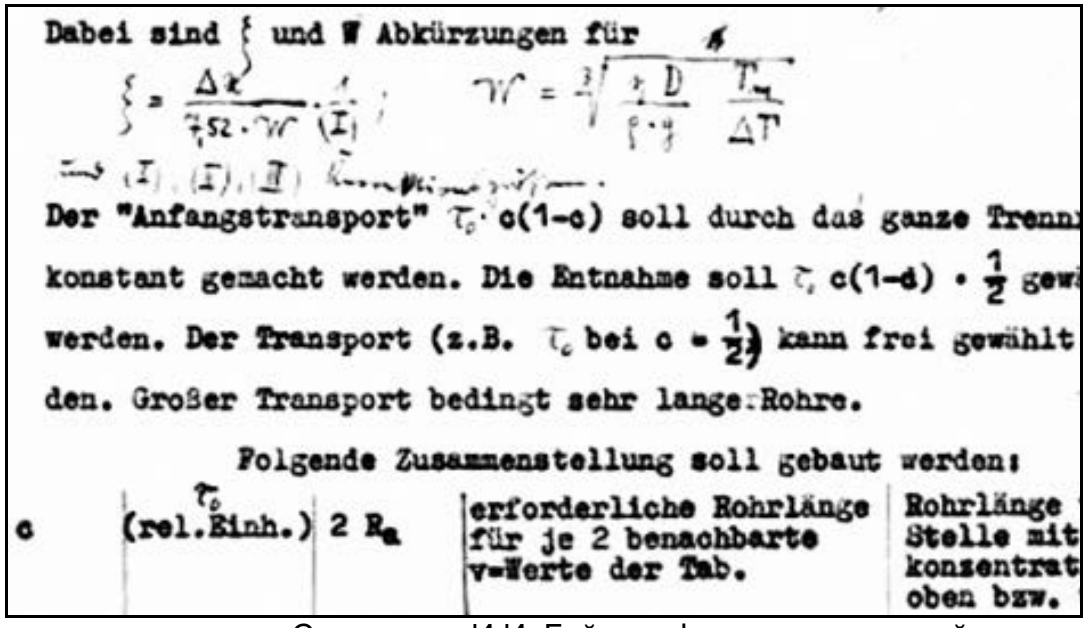
В ночь на 23 февраля сводный отряд моряков-пехотинцев и партизан-подрывников, переправившись по льду Таганрогского залива, внезапно напал на спящий гарнизон и уничтожил его, захватив пленных и трофеи. Много документов досталось группе старшины роты саперного батальона Максима Репина. Среди них оказался роскошный портфель, в которой была **толстая общая тетрадь** с графиками и формулами. По показаниям пленных, владельцем её был какой-то высокий чин, приехавший в «Опель-адмирале» в сопровождении двух эсэсовцев. При нападении эсэсовцы и офицер стали отстреливаться, и потому для быстроты дела Репин подорвал стену дома, у которого стояла автомашина. Трупы откапывать было некогда, в автомобиле нашли портфель и передали его в свой штаб. Штаб тетрадь не заинтересовала и её возвратили Старинову, как специалисту по взрывчатым веществам. Попытка перевода её в Ростове ничего не прояснила, но Старинов тетрадь выбрасывать не стал, и в апреле 1942 г. по приезде в Москву отдал её зам. уполномоченного ГКО по науке С.А. Балезину. Был сделан хороший

перевод записей. Это оказались рабочие заметки с расчётами количества энергии, выделяемой при ядерном взрыве. Не все формулы и сокращения удалось расшифровать, но перечень необходимых материалов в конце записей не оставлял сомнения в том, для каких именно работ они предназначены.



действиях. Это помогло Уполномоченному ГКО по науке
Он доказал, что немцы готовят атомное оружие, тогда
и было принято решение вести разработку по созданию
такого оружия и нами, чтобы не оказаться отстающими
В дальгейшем разведка подтвердила, что разработкой
атомного оружия занимаются не только немцы, но и
союзники.
Кафтанов и Балезин, используя добытую Репиным тетрадь, проявили дальновидность, настойчивость и по сути внесли огромный вклад в создание Советским государством оружия, которое ликвидировало монополию США в атомном оружии. Они живы и помнят это вклад сапер

Это тоже уже не секрет



Dabei sind ξ und W Abkürzungen für

$$\xi = \frac{\Delta x}{7{,}52 \cdot W} \cdot \frac{1}{(I)}; \qquad W = \sqrt[3]{\frac{\eta D}{\rho \cdot g} \frac{T_m}{\Delta T}}$$

$\rightarrow$ (I), (II), (III) [illegible].

Der "Anfangstransport" $\tau_0 \cdot c(1-c)$ soll durch das ganze Trenn
konstant gemacht werden. Die Entnahme soll $\tau_0\, c(1-c) \cdot \frac{1}{2}$ gew
werden. Der Transport (z.B. τ_0 bei $c = \frac{1}{2}$) kann frei gewählt
den. Großer Transport bedingt sehr lange Rohre.

Folgende Zusammenstellung soll gebaut werden:

c	τ_0 (rel. Einh.)	2 R_a	erforderliche Rohrlänge für je 2 benachbarte v-Werte der Tab.	Rohrlänge Stelle mit konzentrat oben bzw.

Выдержка из письма Старинова И.И. Буйло и фрагмент «атомной тетради»

Этот «трофей» Старинова, добытый тоже **«на поле боя»** (где полем оказался посёлок Кривая Коса), наряду с энергичными письмами физика Флёрова стал определяющим моментом для активных действий по началу наших работ над разработкой ядерного оружия, о чём можно прочесть в воспоминаниях уполномоченного ГКО С.В. Кафтанова (журнал «Химия и жизнь», 1985 г.).

Ещё кроме этого невероятного совпадения, в первых версиях данной статьи, я обратил внимание на случай из жизни И.Г. Старинова, ко-

гда он организовал минирование важных объектов мощными фугасными радиоминами перед сдачей нашими войсками Харькова в 1941 году, а затем в нужное время их дистанционный подрыв из Воронежа по закодированному радиосигналу. По всем советским литературным источникам, не раз повторенным и в Интернете, под развалинами тогда погиб начальник харьковского гарнизона генерал Георг фон Браун, родственник известного по истории с Кондратюком немецкого ракетчика. Поверил я этим утверждениям, как потом оказалось, достаточно опрометчиво. В процессе обсуждения и проверки выяснилось, что случай такой со Стариновым действительно был, но генерал 68-й пехотной дивизии Георг Браун, оказался как без баронского титула, так и без родственных связей по отношению к Вернеру фон Брауну. Похоже, сделал его таковым наш писатель-разведчик Овидий Горчаков в своей повести «Внимание: чудомина!», видимо, в отместку за проигранную нашей страной по вине «брата» лунную гонку. Очевидно, с этого вся путаница и началась.

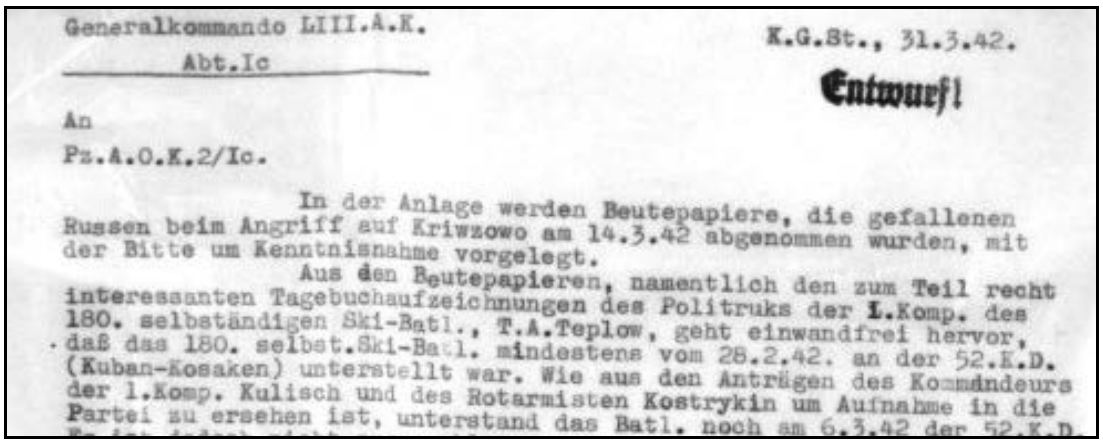
Генерал 68 пд Г.Браун

В заключение же, можно отметить, что, всякий раз, когда наступает дата 12 апреля, известная как День космонавтики, наши доблестные физики-ядерщики Курчатовского института, в музее которого хранится «атомная тетрадь», празднуют день своего рождения, т.к. 12 апреля 1943 года вице-президент АН СССР А.А. Байков подписал Распоряжение № 121 «В соответствии с Постановлением ГКО организовать Лабораторию № 2 АН СССР».

За 6 лет, прошедших после написания данного очерка, несмотря на ряд скептических откликов читателей по поводу фронтовой судьбы тетради Кондратюка, лично я, как автор, ещё более утвердился во мнении о её существовании и кривцовском происхождении. Притом, что ряд скептиков, таких как новосибирский учёный А.И. Максимов в сборнике «В поисках истины» (1997 г.) убедительно заключали: «…*во время войны нашим солдатам строго запрещалось вести дневники или делать какие-либо не служебные записи. За этим весьма строго следили многочисленные суровые особисты. Тайные записи, тем более, в объёмистой тетрадке, могли быть сделаны только с большим риском для собственной жизни, поэтому Ю.В. Кондратюк, имея за плечами своё «греховное» прошлое, опыт ареста и осуждения «за вредительство», вряд ли мог пойти на это*».

Ещё раз внимательнейшим образом изучив все имеющиеся свидетельства о половине тетради, я понял что, скорее всего, вместе со взя-

той в Пенемюнде половиной тетради был и немецкий рапорт полевого командира о её нахождении. И, вероятно, её переводы на немецкий, а возможно и какие-то другие немецкие документы, впоследствии переведённые нашими органами. Поскольку найденное на поле боя немцы передали по инстанции, а значит в разведотдел, я решил, попытаться найти копию рапорта или хотя бы упоминание о нём в документах разведотдела 53-го армейского корпуса (АК). Сразу хочу сказать – не нашёл, но зато убедился, что немцы тщательнейшим образом собирали с поля боя все русские записи. Как пример привожу такой документ:



Generalkommando LIII.A.K.
Abt.Ic

K.G.St., 31.3.42.

Entwurf!

An
Pz.A.O.K.2/Ic.

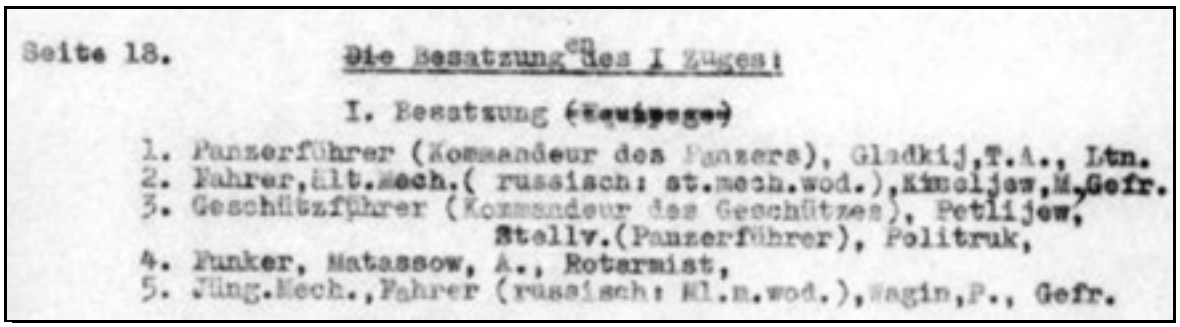
In der Anlage werden Beutepapiere, die gefallenen Russen beim Angriff auf Kriwzowo am 14.3.42 abgenommen wurden, mit der Bitte um Kenntnisnahme vorgelegt.

Aus den Beutepapieren, namentlich den zum Teil recht interessanten Tagebuchaufzeichnungen des Politruks der 1.Komp. des 180. selbständigen Ski-Batl., T.A.Teplow, geht einwandfrei hervor, daß das 180. selbst.Ski-Batl. mindestens vom 28.2.42. an der 52.K.D. (Kuban-Kosaken) unterstellt war. Wie aus den Anträgen des Kommandeurs der 1.Komp. Kulisch und des Rotarmisten Kostrykin um Aufnahme in die Partei zu ersehen ist, unterstand das Batl. noch am 6.3.42 der 52.K.D.

Выдержка из рапорта разведотдела 53-го АК о дневнике политрука Теплова

Кратко сообщу, что данный рапорт разведотдела 53-го АК говорит о найденных на поле боя 14.03.42 под Кривцово трофейных документах у погибших русских, в частности об интересной в оперативном плане информации из дневниковых записей политрука 180-го лыжного батальона Теплова Т.А. Неожиданной для немцев оказалась подчиненность данного батальона 52-й кавалерийской дивизии. Кстати, она столь же неожиданна стала и для наших современников, искавших своих погибших родственников уже в XXI веке (см. очерк «Лыжники, конники, моряки и легендарный Давыдов» в кн. «Болховские истории», 2016). Из дневника Теплова немцы узнали о дислокации кавдивизии, процессе формирования отдельных лыжных батальонов, примерной их численности, маршрутах достижения фронта, некоторых персоналиях. В конце рапорт заключает: «*Кроме того дневник Теплова содержит разнообразные интересные сведения о новых уголовных наказаниях для дезертиров (стр. 1 и 3), об электростанции под Куйбышевым, о влиянии нашей пропаганды, эффекте нашего огнестрельного оружия, особенно миномётов, потерь лыжного батальона и тому подобное*».

Причём случай этот не единичен. С 19 по 27 февраля 1942 года при боях на Кривцовском плацдарме в подбитых танках 80-й ТБр ими были найдены записные книжки, одна из которых принадлежала командиру взвода лейтенанту Гладкому А.Г. с указанием численности боевых танковых батальонов и вспомогательных подразделений бригады и подробным пофамильным составом всех экипажей взвода.



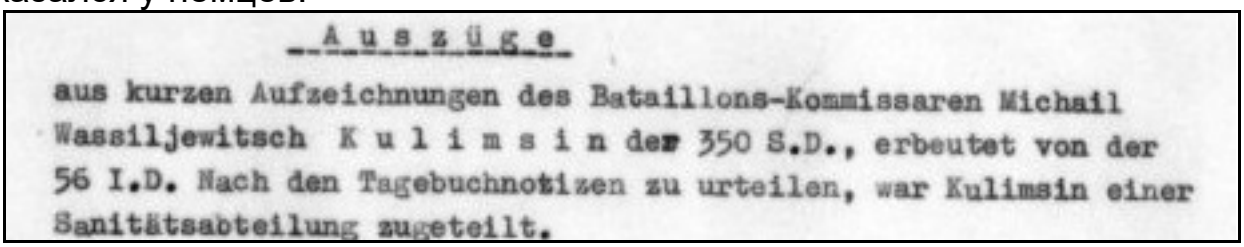
Seite 18. Die Besatzung des I Zuges:

I. Besatzung (Zugführer)

1. Panzerführer (Kommandeur des Panzers), Gladkij,T.A., Ltn.
2. Fahrer,Ält.Mech.(russisch: st.mech.wod.),Kimeljew,M.,Gefr.
3. Geschützführer (Kommandeur des Geschützes), Petlijew, Stellv.(Panzerführer), Politruk,
4. Funker, Matassow, A., Rotarmist,
5. Jüng.Mech.,Fahrer (russisch: Ml.m.wod.),Wagin,P., Gefr.

Выдержка из немецкого перевода записной книжки л-та 80-й ТБр Гладкого

14 февраля 1942 г. (по нашим данным) к северу от Болхова был убит батальонный комиссар 1180-го сп 350-ой сд Кулимзин М.В. Так вот его дневник с записями за январь и начало февраля 1942 года также оказался у немцев.



Auszüge

aus kurzen Aufzeichnungen des Bataillons-Kommissaren Michail Wassiljewitsch K u l i m s i n der 350 S.D., erbeutet von der 56 I.D. Nach den Tagebuchnotizen zu urteilen, war Kulimsin einer Sanitätsabteilung zugeteilt.

Оглавление немецкого перевода выдержек из дневника комиссара Кулимзина

Так что, приведённые факты вовсе не говорят о той строгости *«многочисленных суровых особистов»*, о которой нам вещают некоторые. Скорее всего, слежка эта велась спустя рукава, от чего страдали как результаты отдельных операций, так и судьбы отдельных личностей.

В принципе же, сбор трофейных документов входил в общепринятую практику того времени, о чём свидетельствуют даже тексты сводок Совинформбюро 1942 года, где часто цитировались отрывки из писем немецких солдат.

Почему же тогда я не смог найти упоминания о половине тетради Кондратюка в немецких документах? Возможно, от того, что сама по себе для разведотдела она не представляла никакой оперативной ценности. Если в ней не было наименования, состава и дислокации наших воинских частей, результатов боёв, а были лишь «фантазии» и расчёты какого-то чудака о межпланетных полётах, то разве же это трофей!? С другой стороны что-то в этих записях было такое, что заинтересовало кого-то в разведотделе или из высших чинов, иначе бы они не оказалась в Пенемюнде. И вероятней всего, через немецкие штабы корпуса в Болхове и танковой армии в Орле, эта половина тетрадки всё-таки прошла.
Я просмотрел материалы только корпуса и лишь за февраль-март. Возможно, стоит спуститься до дивизии и расширить период поиска до апреля-мая, когда немцы стали массово избавляться от начавших разлагаться трупов, усеивавших все окрестности, хотя из публикаций А. Иващенко следует, что половинка была найдена на снегу.

Вячеслав Рыбников

«…*Всё делается в жизни наоборот*»

Тайна «антипатриотизма» и ухода в ополчение

В судьбе Ю.В. Кондратюка есть довольно сложные моменты, разобраться в которых непросто даже его маститым биографам. Иной раз приходится действовать методом исключения: приняв на веру какую-либо из версий, выдвинутых исследователями его жизни, постепенно убеждаться в её неправомерности и ошибочности. Подчас нечто, неверно истолкованное биографами и уже укоренившееся в массовом сознании, приходится переваривать и отторгать долго и мучительно. Даже человек, работавший и общавшийся с ним и ставший впоследствии его биографом, – Б.И. Романенко оправдывался, понимая сложность своего труда: «*Но ведь в душу человека не залезешь! Тем более если он сам ничего не говорит, не пишет о себе. Я, например, по молодости своей считал для себя недостойным задавать ему какие-либо вопросы, он был для меня живым гением!*». Всё верно. Да тогда, в эту свою закрытую душу он впускал только близких людей. Однако, в настоящее время мы обязаны понять и правильно объяснить его поступки. Ну, хотя бы основные, кардинально менявшие его судьбу.

В массовом потоке непрекращающихся интернет-публикаций о Кондратюке сейчас почти окончательно утвердился вывод о том, что отказ от сотрудничества с Королёвым и гирдовцами был вызван его боязнью

разоблачения. Для примера процитирую статью «Автор сценария высадки на Луну: посмертная слава Юрия Кондратюка**»** с сайта «Тайга.инфо», составленную на основе лекции директора музея Новосибирска Елены Щукиной, прочитанной в апреле 2016 г. в объёме образовательного проекта «Курилка Гутенберга»: «*Сергей Павлович Королев… ещё в 1933 году попросил организовать ему встречу с Кондратюком. В то время он возглавлял группу изучения реактивного движения (ГИРД), в которой собрал талантливых инженеров и учёных, занимавшихся ракетами. Королев предложил Кондратюку место главного теоретика в этой*

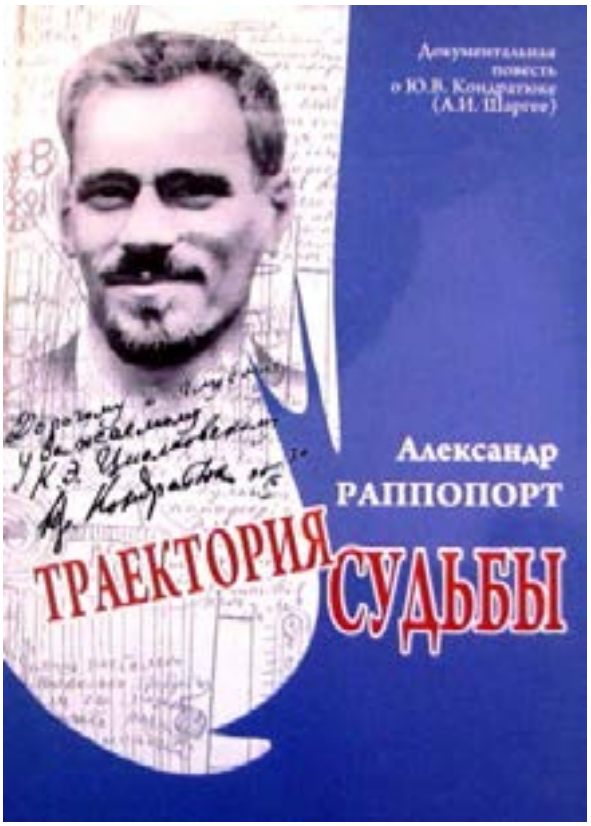
группе. Кондратюк был потрясён, это была мечта всей его жизни, он наконец-то мог заниматься тем, чем хотел.

Но он также знал один нюанс: все те, кто находились в этой группе, были на особом контроле органов ОГПУ. Они внимательно наблюдали, потому что Сталин прекрасно понимал значение ракетного движения в то время, и поэтому за каждым человеком серьёзно присматривали. Он знал, что, как только придёт с документами, сразу вскроется его подлог имени и служба у белогвардейцев. Официально Кондратюк — белогвардеец, хотя ни дня в этой армии не служил. И с болью в сердце он отказался от этого потрясающего предложения Королёва».

Все такие утверждения почерпнуты, конечно, из биографических книг.

«*Истинная причина его отказа заключалась в том, что, поняв, сколь строгую проверку документов особым отделом РККА ему придётся пройти, устраиваясь в ГИРД, Кондратюк немедленно осознал всю невозможность этой затеи»* (А. Раппопорт «Траектория судьбы»).

«Мы знаем, что весной 1933 г. Ю.В. Кондратюк посетил ГИРД и ответил отказом на предложение перейти к ним работать. Формальной причиной отказа послужила работа над проектом Крым ВЭС, и гирдовцы приняли отказ с ними сотрудничать с огорчением, но с полным пониманием. Ведь не каждый день и не каждому человеку Г.К. Орджоникидзе поручал такие грандиозные стройки. Однако Ю.В. Кондратюк отказался от любой формы сотрудничества (даже на правах консультанта), да и вообще, по свидетельству очевидцев, он перестал заниматься вопросами ракетной техники.



<u>По-видимому</u>, причина отказа от своей мечты была глубже – в роковой смене имени. ГИРД и подобные ему организации финансировались руководящими организациями РККА. А он при заполнении любой анкеты так все и не мог указать полных имён своих родителей, а шефом типа П.К. Горчакова здесь не прикроешься…». (Б. Романенко «Звезда Кондратюка-Шаргея»).

Т.е. теперь посвящённые в его личную тайну все стали считать, что, наплевав на свои принципы и испу-

гавшись анкеты, он решил беречь себя. В настоящее время это мнение окончательно закрепилось в информационном поле о нём. Так ли это?

С одной стороны, тут надо заметить, что тогда ГИРД не настолько уж строго был опекаем органами ОГПУ, как нам тут пытаются изобразить. Подобных групп было множество по всей стране и даже самого Ю. Кондратюка, после издания его книжки, прочили в руководители Новосибирской ГИРД. Были эти группы организациями добровольными и общественными и подчинялись ОСОАВИАХИМу, в целом, конечно, организации полувоенной. Правда, Голованов утверждает, что в московской ГИРД у С.П. Королёва были и пропуска, и секретность. Ну, и что ж такого!? Пропуска были и в научных библиотеках. А «*особый контроль ОГПУ*» в виде секретной части существовал и по месту прежней сибирской работы Юрия Васильевича. О том, как «усердно трудилась на благо страны», ловко управляясь с доносами, заведующая секретной частью краевого треста «Заготзерно» Анна Ивановна Бурова под носом у Кондратюка (в 1928-29 гг. жили в одном доме), вас ознакомит А. Раппопорт в своей документальной повести «Траектория судьбы».

Более строгим режим в МосГИРДе стал после образования РНИИ при слиянии с ленинградской Газодинамической лабораторией (ГДЛ). Формально это произошло приказом №0113 от 31 сентября 1933 года зам. наркома по военным и морским делам М.Н. Тухачевского. Однако 15 ноября РНИИ передали в ведение Наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе. Встреча же с гирдовцами у Кондратюка состоялась весной 1933 года, почти за полгода до упомянутого события.

С другой стороны не видно, чтобы Юрия Васильевича так уж сильно угнетали и пугали эти бюрократические затеи в виде анкет. Их он заполнял отважно до и после заключения, о чём свидетельствуют 5 найденных его кадровых листков. Один из них поместил в свой документальный очерк Б.И. Романенко. Возможной проверки документа об образовании, где фигурировала бы его истинная фамилия, он избегал, указывая в анкете *"ушёл из 8-го класса"* Полтавской гимназии, т.е. имел якобы незаконченное среднее. Убавленные «по легенде» три года помогали отвести вопрос, что он делал во время войны. Этими данными он благополучно в течении 20 лет морочил кадровиков всех своих многочисленных организаций, в которых работал. Даже после ареста на следствии расколоть его не удалось, а попытки такие были, недаром П.К. Горчаков писал жене из заключения про Кондратюка: «*О Фырке* (семейная кличка Ю.В.) *много спрашивали, об его связи с Вавиловым, его семье и т.д., но, к счастью, я ничего не знаю, – не знаю, где его родные, кто они, куда он тратит деньги, и, наконец, кто он?*» (из кн. А. Раппопорта)

К тому же, чего ему было бояться каких-то анкет ГИРДА, если перед тем он прибыл в Москву, отработав больше года в проектном бюро №14

ПП ОГПУ. Там что, анкет что ли не было!? Да и потом, кто бы ему стал растолковывать методы работы 1-го отдела?

Энциклопедия Н.А. Рынина и посланное ему фото Ю. Кондратюка периода Эльхотово

Если бы Юрий Васильевич был из пугливых он бы ушёл в тень гораздо основательней. Ни о каком бы тогда издании книги, тем более в центре, где он её пробивал, речи быть не могло, потому как само это действие влекло за собой интерес к автору. Что, собственно говоря, и произошло. После появлении её в провинции Кондратюком заинтересовался ленинградский учёный в области авиации и ракетной техники профессор Николай Алексеевич Рынин, издававший с 1928 года энциклопедию «Межпланетные сообщения». К третьему тому, названному «Теория космического полёта», он просит Юрия Васильевича прислать автобиографию, что тот и делает. Кондратюк шлёт не только большое письмо, но и снимок своей персоны. И всё это с краткой аннотацией его книги публикуется в Питере в 1932 году. А если бы кто случайно узнал на снимке бывшего студента петроградского политеха или кончавшего школу прапорщиков Александра Шаргея? Здесь явно видно, что он балансирует на грани, понимая, что эта публикация для него важнее.

Показательна в этом плане и его настойчивость при попытке издать книгу в центре. Информация о ней, можно сказать, дошла до самых верхов, поскольку руку к судьбе его книги приложил даже Л.Д. Троцкий, бу-

дучи в то время председателем научно-технического отдела ВСНХ: **«***В Секретариат Коллегии НТО ВСНХ СССР тов. Флаксерману. Посылаю Вам работу молодого учёного (Ю. Кондратюка) о полёте на Луну и другие столь отдалённые станции. Прошу дать её на заключение. 19.01.26 г. Л.Д. Троцкий***»**. Сам Кондратюк тоже не собирался сидеть в медвежьих углах и давал согласие на перевод в Москву, но ЦАГИ это предложение не устроило (см. Валентина Клочко «История одной переписки», сб. «Загадки звёздных островов», кн.5, М.: МГ, 1989).

Что же получается: в 20-х годах ради своей мечты о межпланетном будущем человечества он был готов рисковать головой, а уже в 30-х идёт категоричный отказ от сотрудничества в этом направлении с Королёвым. По данному поводу А.Г. Раппопорт пишет: «*Он отказался даже консультировать гирдовцев, как это делал Ветчинкин. Ведь консультантов, надо полагать, тоже проверяют – ГИРД стал секретной организацией, финансируемой Управлением военных изобретений РККА, за его работой следил сам М. Тухачевский*».

Б.И. Романенко в разных главах своего очерка «Звезда Кондратюка-Шаргея» дважды касается этих двух встреч Кондратюка с сотрудниками ГИРДа, подробно перечисляя участников встреч. Однако при сравнении этих мест оценка бесед и мотивов его отказа от сотрудничества с гирдовцами явно противоречива. Если в первом случае в вышеприведённой цитате он почти солидаризуется с массовым мнением, указывая, что *«Формальной причиной отказа послужила работа над проектом Крым ВЭС, и гирдовцы приняли отказ с ними сотрудничать с огорчением, но с полным пониманием»*, то во втором – основная причина несколько другая: «*Он отказался, ссылаясь на то, что* ***он пацифист и на военное дело не работает****, с другой стороны на то, что ему Серго Орджоникидзе поручил сооружение мощной ВЭС в Крыму»*. При этом огорчение и полное понимание меняется на совсем другие чувства: *«Товарищи, присутствовавшие при этом разговоре, <u>всю жизнь были возмущены</u> его отказом, обвиняя его в* ***антипатриотизме****».* Ага, нашла коса на камень!

В. И. Севастьянов и Б. И. Романенко

Неясно откуда бывший гирдовец Романенко это взял? Вероятно, в ходе личных бесед со своими коллегами. Официально они от таких подробностей той исторической встречи как-то уходи-

ли. Отголоском их умалчивания служат некоторые комментарии к статьям, где упоминается интервью с человеком, присутствовавшем при встрече Королёва и Кондратюка и описывавшим «*этот очень короткий разговор на уровне* «*Да?- Нет*». Через прошедшую громаду лет делать упор на то, что это было именно так, думаю, не стоит. Сам Королёв хорошо запомнил «*строптивый характер Кондратюка, отказавшегося с ним работать*», о чём упоминал профессор-физик Ю.Б. Румер, сидевший вместе с Королёвым и Туполевым в одной камере спецтюрьмы № 156 (из интервью 1978-го года А.Г. Раппопорту). А ст. инженер и секретарь партбюро ГИРДа Н.И. Ефремов записал: «*Разговаривали с Ю. В. Кондратюком Сергей Павлович и я. Ю. В. Кондратюк пробыл в ГИРДе несколько часов... Мы ознакомили его с нашей тематикой, правда, в общих чертах... Ведя с ним эти беседы, мы исходили из желания привлечь его к работам...»* (А.Иващенко «Выше элеватора Луна»).

Хотя это объяснение Б.И. Романенко по поводу пацифизма в теперешних публикациях о Кондратюке почти нигде не используется, однако выглядит оно достаточно правдоподобным. Дело в том, что на это делает упор и сам Юрий Васильевич. Где? Да в самой своей «*книжице*» ещё до встречи с Королёвым и указывает: в предисловии ко 2-му изданию, в месте наиболее любимым для цитирования.

* * *

В 1921 г. я пришел к весьма неожиданному решению вопроса об оборудовании постоянной линии сообщения с Земли в пространства и обратно, для осуществления которой применение такой ракеты, как рассматривается в этой книге, необходимо только один раз; в 1926 г.—к аналогичному разрешению вопроса о развитии ракетою начальных 1500-2000 м/с. ее скорости улета без расходования заряда и в то же время без применения грандиозного артиллерийского орудия-тоннеля, или сверх-мощных двигателей или вообще каких-либо гигантских сооружений. Указанные главы не вошли в настоящую книгу; они слишком близки уже к рабочему проекту овладения мировыми пространствами,—слишком близки для того, чтобы их можно публиковать, не зная заранее, кто и как этими данными воспользуется.

* * *

Выходит «*механик Кондратюк*», как его унизительно величали в то советское время, несколько лет погружённый в эту проблему, выполнивший необходимые расчёты, написавший, пробивавший, отредактировавший и сам издавший книгу, самые оптимальные свои выводы и расчёты по данному вопросу принципиально публиковать отказался. И только потому, что не знал «*кто и как*» будет использовать его технические идеи!

Нужно ли расшифровывать – это «*кто и как*»? Похоже, нужно, поскольку большинство толкует о том, что же он такое там изобрёл, совершенно не интересуясь тем, почему он это скрыл. «*Кто*», в данном случае, означает, какая группа людей или государство будут его идеи реализовывать, а «*как*» – какими целями будет оно при этом руководствоваться: разумными или безумными, мирными или военными.

После такого принципиального решения Юрия Васильевича, которое он объявил во всеуслышание, перечислив в 4-х пунктах того же предисловия последующие блага, что сулит миру «*выход человека в межпланетные пространства*» и указав огромное значение освоения космоса для ближайшего будущего, рассчитывать на его сотрудничество с военной или полувоенной организацией вообще не приходилось.

Воздействием своих открытий на человечество в целом Кондратюк был озабочен и ранее, о чём как раз писал в том письме-автобиографии, что было послано Рынину. В нём он отмечал, что ещё в 1917 г., достигнув определённых положительных результатов, держал «*свою работу **в строжайшем секрете**, … учитывая с самого начала огромность и неопределенность возможных последствий от выхода человека в межпланетные пространства…*». Б.И. Романенко это место письма не понял, называя его «*странным и даже искусственным*». А вот А.Г. Раппопорт очень даже понял: «*Александр Шаргей держался от офицеров особняком. С тревогой думал о непредсказуемых последствиях в том случае, если результаты его изысканий по ракетной технике достанутся людям воинственным, готовым на все ради собственного обогащения и удовлетворения своих амбиций. Понимая, какой подлинный расцвет сулит человечеству его изобретение, он мечтал о расцвете индустриальной России, а это было возможно только в условиях мира и совместных усилий всего народа. Он хотел работать, а не воевать*». А в 1917 году всё было как раз наоборот: шла первая мировая война, которую сменила гражданская. Вынужденным участником обеих он и оказался, поэтому если

уж и не принимал, как считают некоторые, в чём-то непосредственного участия, то уж наверняка насмотрелся многого.

При всём своём практицизме, в душе ***Кондратюк был «межпланетчиком»***. А кто такие межпланетчики – легко уяснить из детской книги Я. Голованова «Дорога на космодром». О них он пишет в главе «Неистовые межпланетчики».

«*Всех их, молодых и не очень, богатых и бедных, добрых и злых, одиночек и коллективистов, теоретиков и экспериментаторов, объединяет одно – страсть! Страсть к космосу, страстная вера в реальность межпланетных путешествий, страстное желание приблизить день заатмосферного старта человека.*

Всеми ими властно владела всепоглощающая мечта, рождающая особое состояние души, близкое к поэтическому вдохновению. Послушайте, как они говорили о своей мечте, с какой верой, с какой болью, с какой надеждой.

<…>

«Кто в летнюю лунную ночь не испытывал горячего желания воспарить к звёздам и увидать позади себя свободно висящую в пространстве Землю в виде золотого шара, становящегося все меньше и меньше и, наконец, исчезающего в мироздании алмазной песчинкой. Кто не испытывал желания, освободившись от цепей тяжести, воочию любоваться вблизи чудесами звёздных миров? Мечты! И все же разве мало осуществилось в настоящее время из того, что нашим отдалённым предкам когда-то казалось чудесным сном? Освободившись от цепей земного тяготения хотя бы лишь на несколько часов, мы смогли бы приобрести неоценимые познания, касающиеся глубочайших космических тайн. Это вознаградило бы нас за все труды и мучения, когда-либо понесённые исследователями и изобретателями»

Роберт Годдард писал о межпланетном полете и сделал для его осуществления очень много – всю жизнь работал, но поэтом он не был. Циолковский увлекался дирижаблями, аэропланами, аппаратами на воздушной подушке, Эсно-Пельтри – самолётами, Кондратюк – ветряными двигателями; неистовые межпланетчики знали только одну всепоглощающую страсть: космический полёт. Эта страсть настигала их и поражала в самое сердце, как любовь. И больше уже ни о чем не могли они думать – засыпали и просыпались с одной мыслью: надо лететь! Философы, инженеры, архитекторы, журналисты – радостно оставляли выбранное (по призванию, по любви!) дело и целиком отдавались работе, которая приносила долги вместо денег и насмешки вместо уважения. Они были возвышенно бескорыстны, щедры до нищеты, самопожертвенны до гибели…».

Как всегда, воплощение мечты упиралось в деньги. Денег же кругом было море и для реализации их начальных идей вполне хватало, вот только тратились они на уничтожение себе подобных, о чём Кондратюк указал ещё в предисловии к 1-му изданию своей книжки: «…*Осуществление этого, от предварительных экспериментов и кончая полётами на Луну, потребовало бы, насколько об этом можно было бы судить заранее, меньшего количества материальных средств, нежели сооружение нескольких крупных военных судов*».*

Однако имевшие деньги не спешили их тратить на какие-то пустые затеи в виде межпланетных путешествий. Их интересовали завоевания. Ради того, чтобы обратить на это внимание и показать ненасытным, что и за пределами Земли тоже есть что завоёвывать, поменялось, похоже, и название книжки Кондратюка: от мечтательного – «О межпланетных путешествиях» к агрессивному – «Завоевание межпланетных пространств». Правда, мечты таких завоевателей были противоположны чаяньям каких-то «межпланетчиков». Они больше напоминали пророчества Германа Оберта из лекции, что он прочёл в Вене в 1928 году, о возможных путях применения ракетной техники в будущей войне, напугав слушателей атаками межконтинентальных ракет, начинённых взрывчаткой и отравляющими газами.

Одновременно, как утверждает Я. Голованов, «*несмотря на популярность самой идеи космического полёта, в высшей степени скептическое отношение к попыткам её реального воплощения существовало тогда во всем мире*», и в доказательство этого приводит вполне убедительные примеры («Королёв: Факты и мифы», 1994 – С. 133-134). Межпланетчиков воспринимали,

* Во-первых, никогда не забуду слова моего учителя истории Н.А. Уварова, который как-то на уроке нам школьникам сообщил о том, что если бы люди не воевали, и не тратили на войну таких огромных средств, то каждый бы жил в отдельном пятикомнатном доме.

Во-вторых, «сметчиком», как отмечал и сам Юрий Васильевич, он, действительно, оказался никудышным.

как слишком увлекающихся чудаков, занятых легкомысленными проектами, причём некоторые относили их даже к безумным фанатикам.

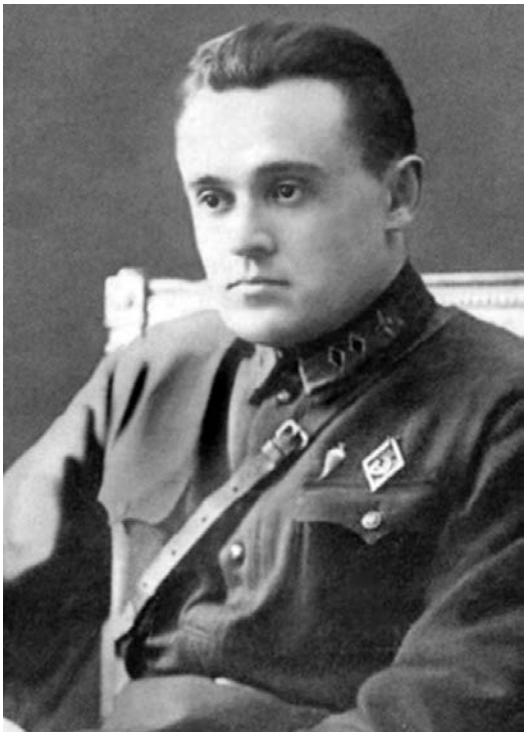
Во что, в конечном итоге, всё это выльется, я думаю, Кондратюк прекрасно понимал уже в 1929 году, публикуя свой труд, иначе бы не было разговоров про «*кто и как*». Мир оставался агрессивен и жесток. С приходом к власти фашизма в Германии по наиболее ожидаемому им милитаристскому пути развития ракетной техники пошли именно там, где школу межпланетчиков попросту уничтожили. «*Много лет спустя Вальтер Дорнбергер – шеф Брауна в управлении вооружений, а в дальнейшем неразлучный соратник и в Германии до 1945 года, и в США после 1945 года – признался в этом предательстве. «Мы хотели выйти наконец из области теорий, недоказанных утверждений и бесплодных фантазий, – рассказывал Дорнбергер в 1955 году корреспонденту западногерманского журнала «Дер Шпигель». – Мы были по горло сыты прожектёрством в деле межпланетных полётов. Шестая цифра после запятой в расчётах траектории полёта к Венере была для нас столь же безразлична, как и вопрос об отоплении и обеспечении воздухом кабины корабля для полёта на Марс». А у Фридриха Цандера были красными от бессонницы глаза, когда он чертил эту кабину. А Вальтер Гоман годы жизни отдал этой шестой цифре после запятой в расчётах траектории полёта к Венере. И если эти слова о «прожектёрстве» не предательство идеи, то что же тогда считать предательством?»* (Я. Голованов «Дорога на космодром» – С. 381-382)

В 1933 году, когда Вернер фон Браун стал сотрудничать с фашистами, Кондратюк как раз при встрече с гирдовцами и Королёвым на предательство идеи и своей мечты о космическом будущем человечества не пошёл. Он видел, что ГИРД, формировавшийся вначале из межпланетчиков, по сути, уже оказался под пятой военных*, и основная роль в этом преображении принадлежала ставшему во главе группы инженеру Королёву. Это уже потом будут и первый спутник, и первый космонавт, и то лишь после того, как появится межконтинентальная ракета с ядерной боеголовкой. А пока – «*человек реального дела, Сергей Павлович Королев, несмотря на свою молодость, прекрасно разбирался в создавшейся обстановке. Он понимал, что все попытки создать организацию, на гербе которой красовался бы межпланетный корабль, обречены на неудачу. Нужна была совсем другая вывеска, и предлагать надо не межпланетный корабль, а нечто всем понятное, доступное, осуществимое не за годы, а за недели и месяцы»* (Я. Голованов «Королёв: Факты и мифы»).

---

* Что от них стоило ожидать – было неясно. Могли начать «*раздувать мировой пожар*». К тому же, как известно, наших военных к оборонительным боям не готовили.

Надо полагать, что во время первой встречи, происходившей на Ильинке, с группой инженеров у Кондратюка произошёл серьёзный диспут, во время которого он вполне выговорился, отчего и получил звание «антипатриота». Извещённый об этом Королёв, вероятно, решил организовать вторую встречу на Садовой-Спасской, чтобы попытаться взять «быка за рога». Скорее всего, именно для этого был приглашён и секретарь партбюро Н.И. Ефремов. Вот тогда она уже могла происходить «*на уровне* «*Да?–Нет*», поскольку позиция убеждающих ему была ясна.



Выражаясь народный языком: «*Не надо путать божий дар с яичницей*»! На той стадии развития ракетной техники Королёв, как руководитель ГИРДа, мог предложить Кондратюку только выполнение срочных заказов по разработке ракетного вооружения и не более того**. Жаль, что у некоторых эти уговоры, трактуемые как «*потрясающее предложение Королёва*», язык поворачивается называть, в отношении Кондратюка, «*мечтой всей его жизни»*.

Пацифизм Кондратюка – результат его участия в мировой и гражданской войнах, забравших жизни миллионов людей. Он вполне объясним и в вопросах войны и мира смыкается с взглядами таких выдающихся личностей и подлинных гуманистов, как Лев Толстой, Жан-Жак Руссо, Виктор Гюго, Альберт Эйнштейн, Эрих Мария Ремарк, Махатма Ганди, Эрнест Хемингуэй, Джон Леннон, Мартин Лютер Кинг.

Однако, как и теперь, тогда в обывательском толковании гирдовцев, слово «пацифист» звучало брезгливо и пренебрежительно. За их искренней верой в то, что исповедующие пацифизм не могут быть патриотами своей страны, запросто могло последовать желание навесить на Кондратюка клеймо «предателя», что автоматически превращало его во «врага народа». Как покажет время, некоторые из тех людей, с которыми

** Чем был озабочен С.П. Королёв в 30-е годы можно узнать из его заявления, написанного из заключения 13 июля 1940 г. Сталину. Данный документ эпохи, по словам Я. Голованова, рассказывает о нём «*полнее и больше, чем многие страницы авторских размышлений*». В частности там есть такое: «*Целью и мечтой моей жизни было создание впервые для СССР столь мощного оружия, как ракетные самолёты*» («Королёв: Факты и мифы», 1994 – С.286). Данное утверждение интересно сравнить с фрагментом из письма Ю.В. Кондратюка, помещённым в кн. «Научная этика» К.Э. Циолковским в 1930 г.: «*С тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни!*».

он встречался и беседовал в ГИРДе, вместе с выполнением военных заказов займутся некрасящими их моральный облик делами: научатся, в угоду карательных органов, строчить доносы на своих же коллег и подмахивать липовые экспертные заключения об их вредительстве. Пройдя перед тем застенки ОГПУ, не понимать этого Юрий Васильевич не мог, тем не менее принципиально продолжал отстаивать право идти своей дорогой к мечте, минуя безумные ужасы войны. В решении таких судьбоносных вопросов некоторые хотят представить его «тварью дрожащей» или каким-то аморфным пацифистом, которым он, по воспоминаниям своих друзей и знакомых, никогда не был. Своё антивоенное кредо, по-прежнему балансируя на грани, Кондратюк защищал, я думаю, мужественно, ведь не зря Мартин Лютер Кинг считал пацифизм уделом смелых.

Как бы ни представляли в дальнейшем сами гирдовцы и историки развития ракетной техники эту встречу, Юрий Васильевич пошёл на разрыв отношений с ними сознательно. Не слышно было, чтобы кому-то из них, включая и Королёва, он дарил и подписывал свои книжки, как это делалось в отношении Циолковского, Рынина, Перельмана. Не отдал он им и своих рукописей.

С ранними своими работами Кондратюк расстался лишь 1938 году, хотя, по сведениям ряда авторов, к тому времени якобы уже давно не интересовался ракетами. Я согласен с мнением А.Г. Раппопорта, что передача этих рукописей исследователю творчества Циолковского Б.Н. Воробьёву, связана была с арестом С.П. Королёва, поскольку произошло это чуть ли не в ближайшую неделю после данного события. Мы не знаем, что за разговор состоялся между ними в 1933 году в ГИРДе, но явно чувствовалось, что Кондратюк в связи с этим был обеспокоен судьбой своих рукописей, возможно, тоже ожидая ареста, который в 1938 году, слава Богу, его обошёл.

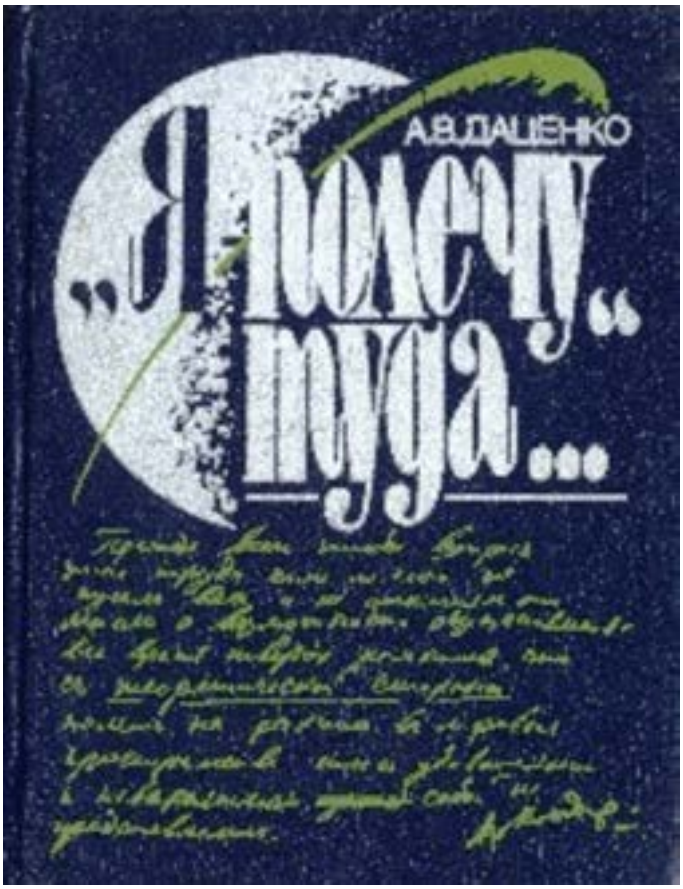
Другую часть своих рукописей, переписки, дорогих ему книг, в числе которых были письма и книжка Циолковского, «*перед войной*» (может быть тоже в 1938 г.) он тайно вывез из Москвы и передал на хранение семье Пыжовых в Новосибирске. К 1960-му году они были изъяты теми, от которых он их и пытался скрыть, – представителями государства в лице горкома партии. Дальнейшая судьба этих материалов, кроме брошюры Циолковского, неизвестна (см. А. Раппопорт «Траектория судьбы», 2008 г.)

После встречи с гирдовцами, несмотря на свою занятость вопросами проектирования ВЭС, он продолжал тайно размышлять над своей мечтой о космическом будущем человечества, как делал это и раньше, о чём сохранились свидетельства очевидцев. В частности, Б. И. Романенко, указывал на Кирьяна И.З., утверждавшего, что Кондратюк написал

новую работу, посвященную полетам за пределы Земли, *«но боится её опубликовать, дабы его не посчитали за безумца!»*

Его добровольный уход в ополчение вначале войны, казалось бы, не вписывается в рамки идеи истинного пацифизма и причину этого ухода подчас тоже превратно истолковывают. К примеру, тот же Б.И. Романенко в интервью журналисту соглашается с его мнением, что произошло это из-за боязни ареста: «*Он не мог не чувствовать по отношению к себе сверхподозрительности тогдашних чекистов. Поводов к арестам нашлось бы с десяток: чужая фамилия, прежняя судимость за «вредительство», участие в гражданской войне на стороне белых... Да и работы по космонавтике, как ни странно, могли быть оценены как провокация, мешающая поступям пятилеток»* (журн. «Чудеса и приключения», №1-2, 1992). Почему, испугавшись ареста, человек должен был бежать из Москвы на фронт, а не скрыться в глуши – лично мне не ясно.

В вопросе войны, я думаю, понятия «государства» и «Родины» были для него разными. Каким бы ты ни был пацифистом, но когда враг приходит грабить твой дом и убивать близких, ты должен встать на их защиту! И здесь, я считаю, более прав один из первых его биографов и близкий родственник А.В. Даценко, автор несколько книг о нём:



«… *успокаивающие сводки с фронтов первых дней войны сменились горькой правдой. Каждый день узнавали о сдаче врагу обширных западных территорий. Советские войска оставили Брест и Каунас, Гродно и Вильнюс, Луцк и Минск, Шауляй и Ровно, Львов и Ригу…*

Грозная опасность, нависшая над страной, вдруг как-то сразу уменьшила в сознании Юрия Васильевича значимость всего того, чем он занимался. Как быть дальше? Вопрос этот встал перед всеми…

Люди, которые не были непосредственными участниками или свидетелями событий лета 1941 года, удивляются: «Как можно было допустить, чтобы

такой талантливый человек, как Кондратюк, был зачислен в ополчение и отправлен рядовым на фронт? Почему не сохранили учёного для науки страны?» Для современников того грозного лета этот вопрос наивный. Каждый подлинный патриот считал своим долгом встать на пути наступающего врага, помочь остановить его, отбросить назад. И нельзя не понять Юрия Васильевича…

Олесь Гончар в новелле «Гений в обмотках» писал:

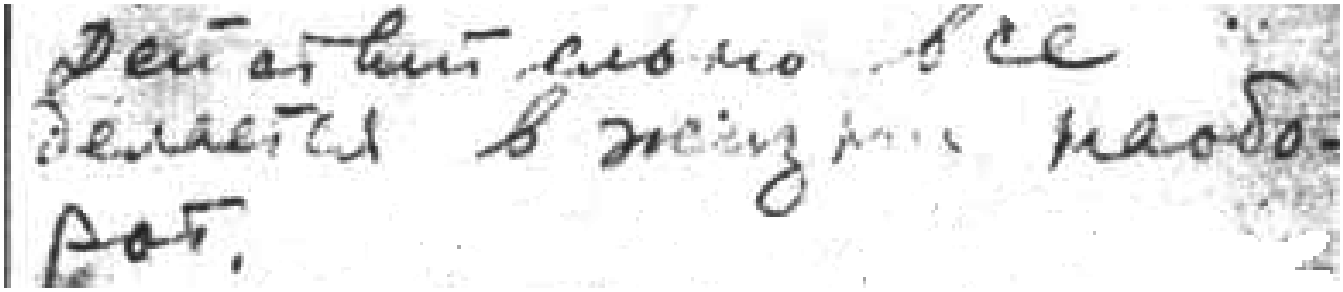
«*Тысячи и тысячи добровольцев шли тогда в ополчение, оставляя дома матерей, жён, детей… И разве мог он, человек такой совести, такой целеустремлённости, искать в той обстановке каких-то льгот для себя или преимуществ? Вы же чувствуете, какой это был человек*» (А. Даценко «Я туда полечу…», 1989. – С. 243–244).

Перед принятием решения идти на фронт, я думаю, он вспомнил и те, 8 лет назад происходившие споры с гирдовцами, и то клеймо «антипатриота», что навесили на него. Настало время доказать им, что это не так.

Он приближал, как мог, звёздный час человечества, но до его прихода он не дожил. Участвуя же в войне, имел возможность наблюдать действие разработок бывших своих ракетчиков-оппонентов, называемых «катюшами», как во время боёв под Серпуховом в конце 1941 года, так и во время февральского наступления на Кривцовском плацдарме в 1942 году. Там же использовали свои реактивные миномёты «Небельверфер» и немцы. Шли жуткие бессмысленные бои с огромными потерями. Враг был силён и жесток. Смог ли он в этой ситуации понять и оправдать такие военные разработки? Не знаю.

Подводя итог его жизни и фронтовой судьбы, надо бы привести цитату из статьи А. Игнатенко «Феномен Кондратюка»: «*О Ю.В. Кондратюке будут сняты потом фильмы, изданы книги, будут построены ему памятники, написаны сотни статей в газетах и журналах, в которых, к сожалению, не обойдётся без инсинуаций, среди которых самая подлейшая: Ю.В. Кондратюк сознательно искал смерти и предательства, стремился в плен, был в плену и работал у В. фон Брауна…».*

В одном из его писем с фронта к О.Н. Горчаковой появится фраза – «*Всё делается в жизни наоборот».* В его жизни всё как раз так и происходило.



Вячеслав Рыбников

Космический аспект Кривцовского мемориала

Тайна сооружения

В 2020 году самому первому на Орловщине крупному мемориалу – Кривцовскому – исполняется 50 лет. Сооружён он в память о зимне-весенних боях 1942 года 3-й армии (об этом свидетельствуют: схема боёв, стелы братских могил с названиями дивизий, установленные на его территории, и издания о нём). Как ни странно, для меня он и история его возникновения всегда оставались тайной. Не было ответа на вопрос: *«Почему вдруг первое на Орловщине крупное сооружение, посвященное прошедшей Великой войне, появилось в память о событиях неизвестной войсковой операции и именно в этом месте?»* Информационный вакуум был полный. Какие там сведения о боях, если местные власти не могли даже указать, сбившимся с ног от поиска родственникам, могилы погибших её участников! И вдруг крупный мемориал! К монументам послушно несли венки, ничего не зная ни о самом сражении, ни о его героях. Даже сейчас иногда приходиться слышать восклицания: «Так что же там всё-таки происходило?».

Впоследствии оказалось, что эта же тайна мучила и ряд краеведов, в частности, орловского историка и журналиста В.И. Воробьёва, который ещё двадцать с лишним лет назад в материалах о генерале В.Н. Лаврове (см. «Ваш на земле и за гробом..», Орёл, 1994 г., С.14-15) писал: «*К работе над проектом Кривцовского мемориала группа во главе с тогдашним главным архитектором г. Орла С.И. Фёдоровым приступила осенью 1966 г. Напрашивается вопрос: как могла группа вести работу, не имея толком представления о проходивших здесь больших боях в 1941-1942 гг…. Ни один источник того времени об этих боях не сообщал. И не случайно Сергей Иванович в одной своей книжке пытается оправдаться за свои архитектурные недоработки… Понятно трудно делать мемориал, не зная* ***во имя кого или чего!***»

После этой публикации, о которой С.И.Фёдоров не знать просто не мог, поскольку являлся архитектором не только мемориала, но и памятника генералу В.Н. Лаврову, в свет выходит его книга «Кривцовский мемориал» (Орёл, 2004 г.). Но в ней разъяснения или ответа на вопрос краеведа 10-летней давности найти не удалось*. Лишь в предисловии работник Орловского областного краеведческого музея полковник в отставке А.И. Жутиков указал, что об операции этой было мало что известно в силу неудачных её результатов, о которых писать было не принято. Ну, хорошо, не принято – не пишите! Но зачем ставить мемориал «неудачной неизвестной операции», если в 1943 году там же произошла известная и удачная операция?

В начале своей книги академик С.И. Фёдоров, рассматривая послевоенную деятельность страны по сооружению воинских ансамблей, Кривцовский комплекс ставил в ряд крупнейших. Но из сравнения видно, что все перечисленные мемориалы широко известны, благодаря событиям официальной истории Великой Отечественной войны, каковыми являются: битвы под Москвой, Сталинградом и Курском, Берлинская операция. Кривцовская операция, названная Болховской, этим похвастать не могла: она советскими военными историками была просто забыта. Однако в 1970 г. здесь был сооружён мемориал, хотя, к примеру, такое знаменитое сражение Великой Отечественной войны, как Прохоровское, отметили тем же лишь четверть века спустя после открытия Кривцовского – в 1995 г.

То есть комплекс под Болховом возникает при почти полном отсутствии аналитических статей историков и воспоминаний участников событий, абсолютно неизвестных народу. Такого обычно не наблюдается при сооружении подобных, известных всей стране, объектов. К примеру, для сравнения возьмём мемориал Брестской крепости. Сооружался он почти в тот же период, что и Кривцовский, – 1967-1971 гг. Но о героизме Брестской крепости на тот момент, благодаря публицистической дея-

* Молчат об этом и документы личного архива С.И. Фёдорова из фонда ГАОО №Р-3505, опись 1, касающиеся сооружения Кривцовского мемориала.

тельности писателя и журналиста С.С. Смирнова, знала вся страна, а о боях зимы 1942 года у Оки лишь оставшиеся в живых их участники.

Возведение мемориала около с. Кривцово происходило в конце 60-х гг. XX в. в момент, когда на территории Орловской области аналогичных сооружений вообще не было, хотя именно здесь произошёл исторический перелом во Второй мировой войне в ходе всем известной операции «Кутузов».

Предчувствую, что большинство оппонентов этой статьи объяснит причину возникновения мемориала огромными потерями зимы 1942 года. Безусловно, они были большими. Однако, не настолько, чтобы не быть сравнимыми с потерями других операций, происходивших здесь же. Участник тех событий В.И. Калачёв – начштаба 60-й сд, впервые написавший в своих воспоминаниях ещё в 60-х годах прошлого века, что наиболее кровавые из них развернулись за неделю до боёв под Кривцово, севернее Мценска у д. Шашкино и с. Миново (участок наступления Сомово-Миново, 05-12.2.42). Ещё один пример: д.и.н. Е.Е. Щекотихин («Орловская битва», кн. 1-я, Орел, 2008.– С. 322), описывая *фантастические потери* марта 1942 г., которые, по словам автора, *поражают воображение*, сравнил две дивизии: одну, сражавшуюся в соседней 61-й армии, – 149-ю сд, и другую, хорошо известную по событиям у Кривцово, – 60-ю сд. Оказалось, что потери 149-й сд, чуть ли не в два раза превысили данную статистику по 60-й сд, ведшей бои на Кривцовском плацдарме. То есть на других участках потери тоже были сравнимы с кривцовскими, однако на них никаких мемориалов нет.

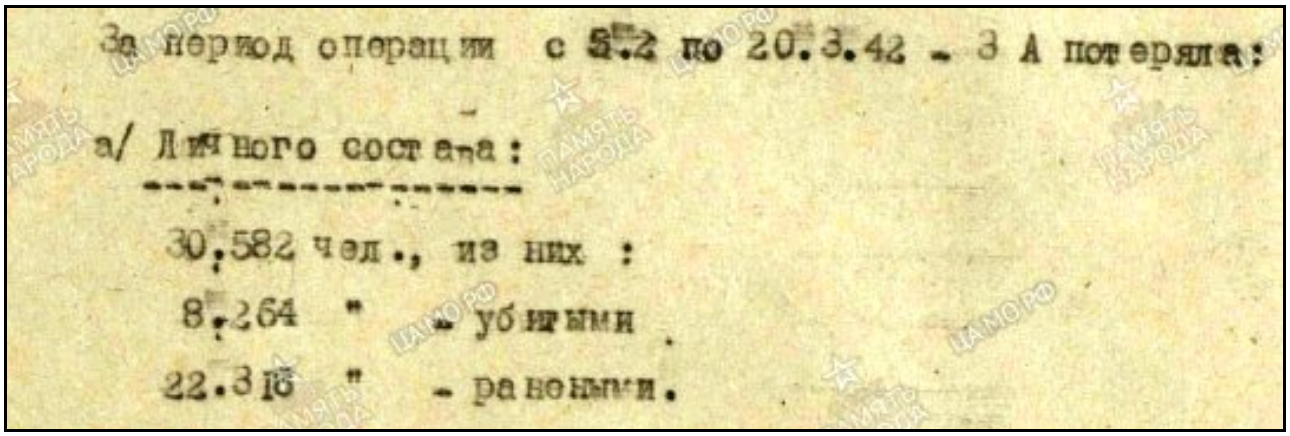
Людские потери в некоторых крупных фронтовых операциях Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

№ п/п	Наименование операций, сроки их проведения и привлекаемые силы	Численность войск к началу операции	Потери*			
			безвозвратные	санитарные	всего	среднесуточные
9	Болховская наступательная операция (08.01 – 20.04.1942 г.) Брянский фронт	317000	21319	39807	61126	593

Из кн.: «Гриф секретности снят…», под ред. Г.Ф.Кривошеева, М.: Воениздат, С. 224.

Ряд авторов, включая и историков, применительно к кривцовским боям, для накала страстей и обострения эмоций, не гнушается искажением величины действительных потерь. Поэтому часто идут на обычный подлог, относя реальные значения за больший период к данным боям. К примеру, берут безвозвратные потери, указанные в книгах Г.Ф. Кривошеева для Болховской наступательной операции, в 21 319 чел. (причём

до последней цифры!). При этом не хотят замечать, что они относятся к периоду с 8 января по 20 апреля 1942 г. За данный отрезок времени этих кровавых попыток освободить город Болхов, проходивших на территориях шести смежных районов (Ульяновского, Знаменского, Болховского, Белёвского, Арсеньевского, Мценского) трёх теперешних областей (Калужской, Орловской, Тульской), можно насчитать не менее четырёх. А потому саму операцию объективнее назвать «*Циклом операций на Болховском направлении*». Кроме того, данные потери Кривошеев отнёс к Брянскому фронту в полном составе, что был не вправе делать, поскольку в его состав входила и 13 армия, не участвовавшая в боях на болховском направлении. Подобным образом появляются буклеты с цифрой погибших в 1942 г. у с. Кривцово в 25 тысяч человек (См.: «Листая старые страницы истории. Болховский район», 2013 г., С. 9), хотя ещё в 1990-м году первый автор брошюры о кривцовских боях Н.И. Анохин (Сб. «Была война», Тула: Приокск. кн. изд-во, С. 356) величину потерь указал – ***8264 чел.*** Взял он её не с потолка, а нашёл в «Оперативном очерке боевых действий Брянского фронта с 13.11.1941 по 01.04.1942 гг.» (см. «Выдержку…»). Но опять-таки для 3-й армии количество это относится к периоду с 5 февраля по 20 марта 1942 года, а **Кривцовская операция проходила с 16 февраля по 18 марта**, то есть величина будет меньше.


За период операции с 8.2 по 20.3.42 г. 3 А потеряла:

а/ Личного состава:

30.582 чел., из них:

8.264 " - убитыми

22.318 " - ранеными.

Выдержка из «Оперочерка боевых действий Брянского фронта с 13.11.1941 по 01.04.1942» (ЦАМО, Фонд 202, опись 5, дело 189, лист 43)

В книге «Орловская битва» Е.Е. Щекотихин в таблицах указывает точные цифры погибших по дивизиям, но в самом описании много противоречий. Используя их, некоторые договариваются уже и до сотни тысяч погибших, хотя и упоминают книгу Кривошеева (например, см.: Александр Бородин «В долине смерти». Проза.ру).

Попробуем разобраться с потерями Кривцовского сражения зимы-весны 1942 г., на основе данных таблиц Е.Е. Щекотихина (Кн. 1-я, Табл. 22, С. 347), учитывая документы 3 армии, хранящиеся в ЦАМО РФ, дивизий и полков, сражавшихся за плацдарм. При этом при подсчёте бессмысленно давать данные до каждого человека, если в отдельных доку-

ментах они отличаются, чуть ли, не на сотни. Подсчёт потерь убитыми для пяти дивизий – 60, 137, 287, 283 и 6-й гв. сд, участвовавших в боях под Кривцово, составит ***в феврале и марте*** величину близкую к данным Брянского фронта и Анохина – ***8400*** человек, а с пропавшими без вести – 11600. Но Кривцовская операция началась в середине февраля, и здесь нам нужно вычесть потери тех же самых пяти дивизий в феврале, когда шли бои на участке севернее Мценска – Сомово-Миново. По документам ЦАМО за неделю февраля (с 5-го по 15-е) суммарный подсчёт потерь убитыми в них даст цифру, примерно, в ***2400*** человек. Таким образом, общее количество погибших можно оценить цифрой в 6000 человек. Но она будет неполной, поскольку из подсчёта выпали танковые и артиллерийские части, лыжные батальоны и группы, и два полка 356 сд 61 армии, поддерживавшие ударную группировку 3 армии (потери их, правда, были не такими большими). Учесть их можно примерной цифрой в 500 чел., и тогда мы получим возможную величину погибших в кривцовских боях в ***6500 чел.***

А теперь, сравним потери кривцовских боёв зимы 1942 г. и лета 1943 г. в период операции «Кутузов», хотя понимаю, что территориально это будет не в мою пользу, поскольку зимой 1942 г. фронт стоял практически на месте, а летом 1943 года он двигался по мере освобождения территории от оккупантов. Тем не менее, сделаем это, для чего обратимся уже к Таблице 20 книги 2-й «Орловской битвы» (С. 247). Здесь указаны потери всех частей и соединений 61 армии, прорывавшей оборону немцев как раз на том же участке, где зимой 1942 г. шли бои за Кривцовский плацдарм, – ***примерно 7900***. А при учёте пропавших без вести величины потерь обеих операций будут примерно одинаковы.

И что же у нас получается? А получается какая-то нелепость: первый на Орловщине мемориал ставят неизвестной неудачной операции с меньшим количеством погибших, забывая тех, кто прорвал оборону, которую почти два года страна прорвать не могла. Сразу возникает вопрос: почему? Оставим его пока без ответа и погрузимся в историю возникновения самого мемориала.

Она тоже достаточно туманна. В 2006 г. в фильме В. Переверзева «Кривцовский мемориал» из цикла «Дым Отечества» и в заметке «Коротка людская память…» газеты «Орловская правда», № 133 от 11 августа прозвучал рассказ об этом бывшего работника Болховского военкомата подполковника в отставке А.В. Ракитина. В них он повествует о том, как однажды в районе Кривцово, проводя работы по разминированию, у берёзовой рощи обратил внимание на участок земли, ржавой от металла, с двумя необычно высокими насыпями, которые, по словам местного жителя, были могилами наших бойцов.

Дальнейшей попытке точно разобраться во всем этом помешало резкое сопротивление райкома партии. Однако осенью 1967 г. под свою ответственность Ракитин производит вскрытие участка одной насыпи и по фрагментам одежды подтверждает принадлежность останков советским воинам. После чего направляется письмо с запросом в Генштаб ВС. А уже по результатам ответа из райисполкома в облисполком идёт просьба о выделения средств для установки в районе могил памятника. Область эти средства находит (не только на памятник, а даже на крупнейший мемориал), и уже весной 1968 года начинаются строительные работы по проекту академика С.И. Фёдорова.

Подполковник А.В. Ракитин

В книге Фёдорова «Кривцовский мемориал» и временные рамки событий, и исходный мотив сооружения мемориала совершенно другие. Во 2-й главе книги он пишет: «*В 1965 и в октябре 1966 года перед разработкой проекта я тщательно обследовал место сооружения будущего мемориала*». А о том, почему он необходим, указывает ещё в 1-й главе: «*Советские герои боёв на болховской земле вошли в бессмертие* (и это при том, что об «*операции… мало что известно*») … *Поэтому орловские областные руководящие органы решили создать на легендарных* (хотя никаких легенд об этих боях в 1965 г. ещё не было, а первая информация появилась почти через 10 лет) *кривцовских рубежах величественный памятник воинской славы…*».

В приложении № 3 книги Федорова со ссылкой на Н.И. Анохина помещена более конкретная информация:

<…> ***Решение о строительстве Кривцовского мемориала было принято Орловским обкомом КПСС в 1966 году***». Для такой закрытой операции не мог обком его принять без указания сверху. Тут скорее верно противоположное мнение С. Фёдорова из главы 3 (С. 15), что подобное решение, как и по другим мемориалам, принимается советским правительством. Оттуда же из центра, видимо, появились и средства на его возведение.

Циолковскому в Калуге

Цандеру в Кисловодске

Кибальчичу в Коропе

Для живших в удивительное время начала 60-х годов не нужно объяснять, чем жила страна в этот период. Она будто сорвалась с цепей: из зачуханной России вдруг превратилась в мощнейшую космическую державу. Передовицы всех газет были забиты нашими достижениями в космонавтике и портретами космонавтов. Запуск спутника в 1957 году всколыхнул всё человечество. Уже в 1958 г. в Калуге и в 1959 г. в Кисловодске возникают памятники К.Э. Циолковскому и Ф.А. Цандеру. Причём, в Кисловодске перед этим даже удалось найти всеми забытую могилу Цандера. Происходило это по инициативе С.П. Королёва и при его активном содействии.

В 1966 году появляется памятник и на родине Николая Кибальчича в Черниговской области. Но самые грандиозные планы претворились к семилетию начала новой космической эры, как всегда в столице, в открытие монумента «Покорителям космоса» с выполненной перед ним статуей К.Э. Циолковского.

Не думаю, чтобы академик Королёв и его соратники при этом безразлично отнеслись к судьбе еще одного замечательного исследователя из мировой плеяды пионеров космонавтики – Ю.В. Кондратюка, «безвестно канувшего в боях под Москвой». Тем более, что в его судьбе ополченца, вставшего на защиту своей Родины, был ярко виден

патриотический стержень. Да и сам случай гибели учёного мировой известности в борьбе с фашизмом был уникальным.

Тогда в конце 50-х годов о том, что он погиб, а не пропал без вести или в плену, четко знали его коллеги и знакомые: Горчакова О.Н. в воспоминаниях 1960 года написала, что ей об этом официально сообщили; И.З. Кирьян знал это со слов однополчанина ещё в 1943 году; по рассказам сестры Г.П. Плетнёвой в их семью с фронта приходило письмо-извещение. Об этом же четко знали и органы власти вместе с Академией наук, поскольку во всех официальных изданиях 60-70-х годов, годом его смерти значился 1942. Зная данный факт, нетрудно было установить и место его гибели, потому что ветераны дивизии тогда ещё были живы, а само место они никак забыть не могли, поскольку бились за эту высоту и февраль, и март, да и потом стояли против неё у Оки полгода в обороне. Да что там говорить про ветеранов дивизии, если в самом окружении С.П. Королёва были военные, непосредственно участвовавшие в этих боях! К примеру, генерал А.Г. Захаров, начальник космодрома «Байконур» (1961-1965 гг.), будучи старшим лейтенантом в дивизионе 420-го артполка, получил свой первый орден за бои с танками противника именно у высоты 196,1 за три дня до гибели рядом с ней (выс. 203,5) Ю.В. Кондратюка. А другой сослуживец Королёва – генерал А.И. Нестеренко, первый начальник этого космодрома, командир опергруппы реактивной артиллерии Брянского фронта, уже в 1943 году собрал целую дивизию из 3-х бригад РС (864 пусковых станка на рамах без боевых машин), чтобы за 20 минут огненным валом в 320 тонн прорвать этот мощнейший узел обороны немцев. Он сам всё это видел и описал в своей книге «Огонь ведут «Катюши» (М.: Воениздат, 1975, 262 с.).

Боевые генералы «Байконура» участники Кривцовских боёв:

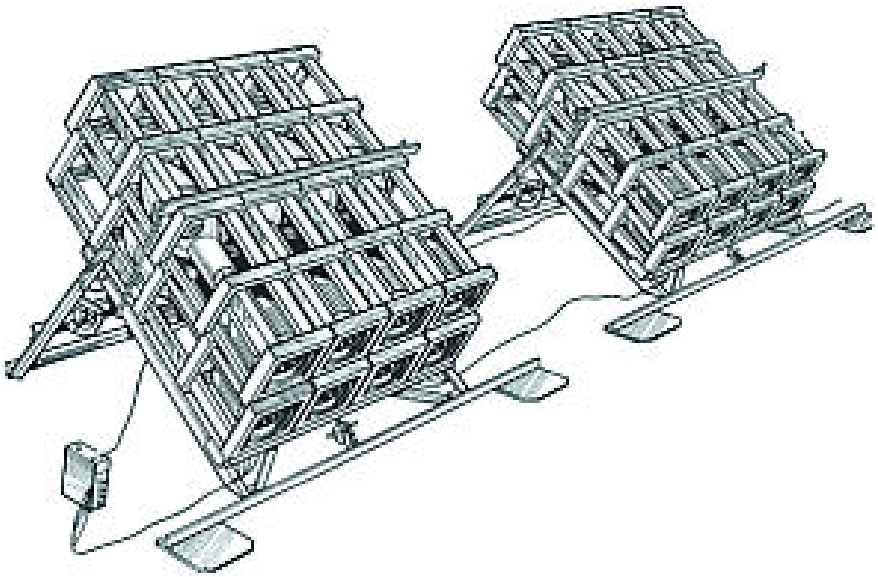
Генерал Захаров А. Г.

Из наградного листа ст. лейтенанта Захарова А.Г.

Генерал Нестеренко А.И.

Его книга

Так что окружение Королева, думаю, с местом гибели Ю.В. Кондратюка разобралось ещё тогда, в начале 60-х годов. В процессе их поиска, этими боями заинтересовались и местные власти, чему свидетельством служит справка 1962 года архива МО на запрос Орловского облвоенкома (ГАОО. Фонд 3661 , Оп. 1, Д. 145, Л. 9-11).



Пусковой станок РС (прозванный «Лука»)

Найти-то они его нашли, но на голом месте в поле, как известно, памятник не поставишь, да к тому же и партийные органы были против. Это видно из того, куда они в публикациях запихнули место гибели – под Москву. Почему они были против, сказать однозначно трудно, но то, что памятник не должен был быть на его родине в Полтаве для них было ясно. Причина тут была в том, что Ю.В. Кондратюк был человеком причудливой биографии, жившим под чужим именем из-за участия в белом

движении. Данный факт от общественности власти скрыли. Они хотя и пошли на публикацию его трудов (сборник «Пионеры ракетной техники: Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк», М.: Наука, 1964 г. – 672 с.), но рьяно боролись со всеми его биографическими данными. В истории с его гибелью тоже было не всё так просто и потому об истинных дате и месте умолчали.

Со всем этим, видимо, Королёв не был согласен, но на конфликт не пошёл, мудро решив, что будущее всё расставит по своим местам. А пока при поддержке местной власти поднимается вопрос о строительстве мемориала всем павшим в этих боях. Несмотря на жёсткий партийный диктат в области космонавтики, с мнением Королева они, безусловно, считались. Он умирает неожиданно в начале 1966 г., так и не осуществив все свои мечты и замыслы, которые в должной мере не удалось реализовать до сих пор. Не знаю, связаны ли были данные события между собой, но именно в этот год Орловский обком принял решение о создании мемориала. Однозначно можно лишь сказать, что принималось оно на пике наших грандиозных побед в космонавтике. А о том, что оно связано с именем Кондратюка говорит ряд совпадений:

1. Из 4-х проходивших в данных местах кровопролитных операций, три из которых были непосредственно у Кривцово, мемориал посвящён лишь боям 3-й армии **в феврале-марте 1942 г.**, в которых он погиб;

2. Расположение мемориала **у высоты 203,5** строго совпадает со схемой наступления **1281-го полка**, в котором он служил и погиб;

3. Основной архитектурный символ мемориала – «*невиданное ещё на Орловщине сооружение – 15 метровая пирамида*», «*вознеслась **в небо***» (из книги Фёдорова).

4. Последующая история с искажением номера высоты, на которой находится мемориал (196,1 вместо 203,5), красноречиво говорит о желании героизации операции и попытке всё **запутать**.

За последние годы предпринимались действия по исправлению несправедливости власти к памяти Ю.В. Кондратюка (А.И. Шаргея). Но анализ документов прошедших боёв с его участием и возможных версий развития событий, включая и данную, говорит за то, что он сам, благодаря своему дару предвидения дальнейшего развития общества и прорыва страны в космос, себе и своим боевым товарищам в месте гибели установил целый мемориал, притом, что имя его в списках погибших появилось лишь в мае 2013 года.

Вячеслав Рыбников

Кто Вы, гениальный предтеча американских покорителей Луны?

Тайна NASA

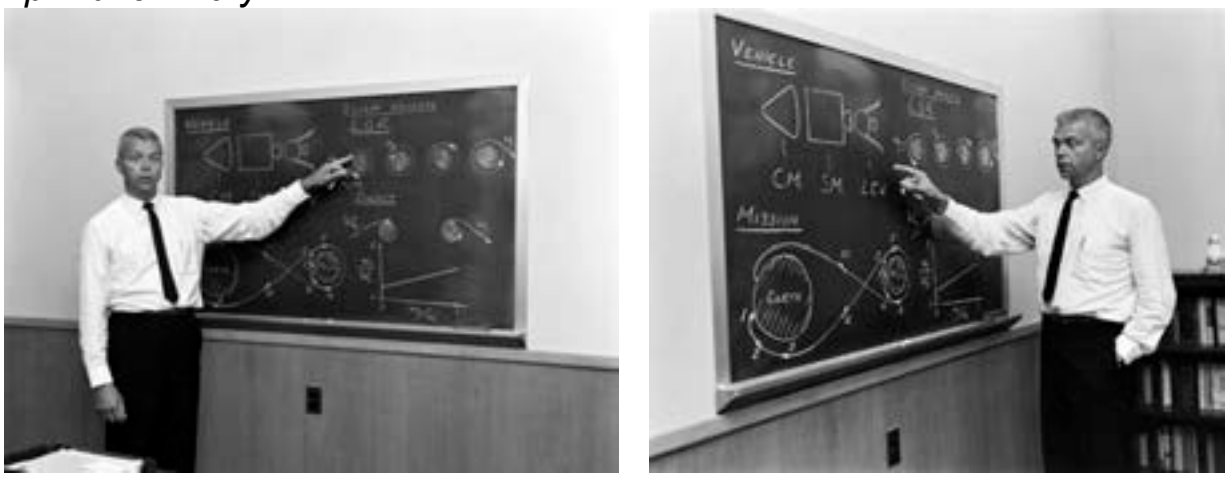
Вначале статьи «*Забытый в России Кондратюк*», опубликованной 2014 году и преобразованной затем в два очерка («*Моё место на небе!..*» и «*Не жилец на этом свете*»), я упомянул американцев, вернувших для широкой общественности из небытия имя Ю.В. Кондратюка. Из текста статьи можно понять, что заголовок свой она получила по выражению-цитате из публикации Д. Шеридана в журнале «Лайф» за март 1969 года. В сущности же, это была не прямая цитата, а выражение, восходящее к одной из многочисленных вольных трактовок данной американской статьи, «творчески» переработанной нашими журналистами, хотя в целом и было близко по смыслу первоисточнику. Использовал я его умышленно, хотя и знал реальный перевод, поскольку внимательно ознакомился со вступлением новосибирского учёного А. Максимова к сборнику «В поисках истины» (1997 г.). Именно там и был приведён полный перевод этой статьи. Хотя, ещё за 10 лет до этого (1987 г.), её довольно подробно разобрал и с выдержками изложил в своём очерке «Выше элеватора Луна» в газете «Известия» Анатолий Иващенко.

По поводу финала судьбы Кондратюка в обоих переводах итоговый текст был примерно одинаков: «*Советское правительство пренебрегло им, и в полной безвестности Кондратюк умер в 1952 году*». Даже ознакомившись с данным предложением и не читая всей статьи в «Лайфе», можно вывести общий закон для журналистов, как в Америке, так и у нас, часто работающих под девизом: «*Слышал звон, да не знает где он*». В этом плане история ссылок российской прессы на статью Д. Шеридана представляет образец его реализации. Большинство публикаций опираются именно на неё для доказательства прямого использования НАСА лунной идеи Кондратюка. Однако ни в самой журнальной статье, ни в прочих официальных материалах американского космического агентства по истории лунной программы «Аполлон» такого признания нет.

Всем всё разъяснил ещё в 2011 году в журнале «Наука из первых рук» (№1) новосибирский учёный доктор физ.-мат. наук В.Е. Зарко в статье, озаглавленной цитатой Ю. Кондратюка «…*мы могли бы такие вензеля выписывать по Вселенной*». Чтобы неискушённого читателя ввести в курс дела начну крыть цитатами прямо из этой статьи:

«*В начале 1960-х гг. в США провозглашается программа пилотируемого полёта на Луну. При обсуждении возможных вариантов американское агентство по аэронавтике (НАСА) рассматривает про-*

ект прямой экспедиции на Луну с помощью супермощной ракеты массой более 5000 т – и это после того, как идея «встречи на орбите» получила международное признание! И всё-таки большинство ракетчиков НАСА во главе с Вернером фон Брауном выступает за проект под условным названием EOR (earth orbit rendezvous) – «встреча на орбите Земли». Согласно этому проекту, в космос отправляются две ракеты: одна с топливом, другая – с космическим кораблём, после дозаправки на орбите Земли корабль с астронавтами отправляется прямиком к Луне».



Джон Хуболт демонстрирует «свою» идею со всех сторон

«*Альтернативный вариант «встречи на орбите» предложил сотрудник НАСА, инженер Джон Хуболт. Он посчитал, что самое разумное – это отправить на орбиту Луны одну мощную ракету с отделяемым модулем, который может спуститься к поверхности Луны, а затем вернуться на орбиту и произвести стыковку с основным кораблём* [LOR (lunar orbit rendezvous) – «встреча на лунной орбите» – В.Р.]. *Поначалу предложение Хуболта показалось слишком необычным, так что ему пришлось проявить завидное упорство, чтобы отстоять своё детище перед руководством НАСА. С подобной идеей выступали тогда и другие исследователи, в частности сотрудник НАСА В. Микаел*[1] *и представитель «Vought Astronautics» Т. Долан. Но в результате наиболее перспективным и технически обоснованным был признан именно проект Хуболта*».

«*О непростой истории проекта «Аполлон» рассказывалось в одном из мартовских номеров журнала «Лайф» за 1969 г. В заголовок статьи были вынесены слова Хуболта: «Если и была идея, которую стоило продвигать, то именно эта». Поводом послужил испытательный полет корабля «Аполлон-9». Наблюдая его старт, Хуболт,*

[1] Тут из английских источников легко усмотреть, что уважаемый автор статьи сделал не совсем верный перевод фамилии. Там фигурирует William H. Michael, а потому русскому читателю всё-таки удобнее было бы представить его Уильямом Майклом.

по словам автора статьи Дэвида Шеридана, вспомнил о русском инженере, «мечты которого разбились о скептицизм других». Как пишет журналист, «Хуболт совсем недавно прочитал работу Юрия Кондратюка, русского механика-самоучки, который 50 лет назад рассчитал, что LOR – лучшее средство для посадки на Луну. Советское правительство пренебрегло им…[2]*« «Господи, он прошел через то же, что и я! – сказал Хуболт. – Думая об этом, я не мог сдержать чувств, наблюдая взлёт „Аполлона-9“*».

«*… по словам журналиста, Хуболт признается в статье, что прочитал работу Юрия Кондратюка*[3]*. Правда не уточняет, какую именно и когда, но это легко восстановить*»

«*Единственным прижизненным изданием Кондратюка было «Завоевание межпланетных пространств», выпущенное в Новосибирске в 1929 г. В ней автор высказал много замечательных, зачастую провидческих, идей, но о схеме полёта к другим планетам, которая могла бы послужить прототипом американской LOR, в ней нет ни слова.*

Об этом Кондратюк высказывается совсем в другой работе – «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Это был первый труд Юрия Васильевича, написанный им ещё в 1916-1919 гг. и существовавший до 1964 г. в рукописном виде. Он был опубликован только в 1964 г., когда Институт истории естествознания и техники АН СССР выпустил в свет книгу «Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк. Избранные труды»[4].

«*В следующем году американцы перевели книгу для работы. Вероятно, об этом техническом переводе рукописи Кондратюка и идёт речь в статье Шеридана. И это означает, что Хуболту и другим специалистам из НАСА о схеме Кондратюка стало известно только в 1965 г».*[5]

---

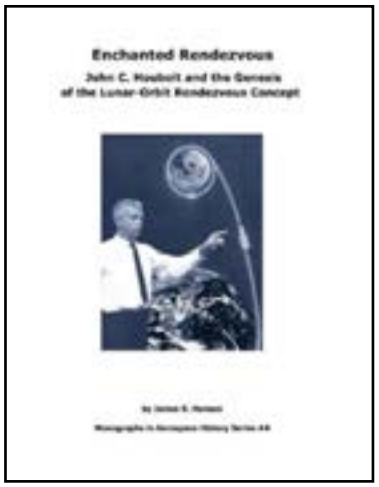
[2] Удачный приём, чтобы избавиться от вышеупомянутого щекотливого 1952-го года.

[3] Редакция журнала в предисловии к данной статье представила В.Е. Зарко как переводчика книги Ю.В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств» на английский язык, отправленной им Дж. Хуболту. Возможно, перевод был и хорош, но с переводами в обратную сторону что-то у автора не ладится. Хуболт прочитал не саму работу Кондратюка, а «*о русском механике-самоучке Юрии Кондратюке*», что следует из, приведённого в книге «В поисках истины», точного перевода статьи в «Лайф», данного А. Максимовым (в очерке А. Иващенко с пересказом статьи «Лайф» в газете «Известия» это место тоже звучит как «*прочитал историю Юрия Кондратюка, русского механика-самоучки*»). Это две большие разницы, которые меняют смысл! Такой текст можно понять и так, что Хуболт лишь недавно что-то узнал о трагической судьбе Кондратюка, но, в принципе, о его работах в области космоса мог знать и раньше. Косвенно на это как раз и указывает последнее восклицание.

[4] В данной книге чётко даётся год смерти Кондратюка – 1942, а не 1952, к тому же ничего не говорится о пренебрежении к нему советского правительства.

[5] По данным ряда публикаций Дж. Хуболт к «своей» идее пришёл летом 1960 г., а продвигать её согласно статье в «Лайф» начал в августе 1960 года.

Именно так – чисто хронологически, почитатель Хуболта, каким он представлен своим земляком, коллегой и единомышленником А.И. Максимовым в газетной статье «Научно-мемориальный центр им. Ю.В. Кондратюка – трудные годы становления» (1997) со снимком на фоне его портрета, доктор наук В. Зарко, «доказал» русскому массовому читателю, что американцы и в данном вопросе тоже оказались первыми.



Собственно, идею эту начал постепенно проводить в жизнь сам А. Максимов, ещё в том предисловии к книге «В поисках истины», в целом очень толковом. Окончательно она оформилась через 10 лет в его итоговой статье «Пионеры ракетной техники Ф.А. Цандер и Ю.В. Кондратюк» в журнале «Теплофизика и аэромеханика» (т.14, №4, 2007). По этому поводу он заключает: «*О перипетиях борьбы Д. Хуболта за принятие схемы LOR подробно рассказано в монографии NASA «Завораживающая встреча». Хотя в этой книге имя Ю.В. Кондратюка и упоминается, схему LOR американцы разработали сами и успешно применили на практике. Вероятнее всего, в момент принятия схемы LOR к реализации об идее Ю.В. Кондратюка им ещё ничего не было известно, поскольку работа «Тем, кто будет читать, чтобы строить», была опубликована впервые лишь в 1964 г.*»

Ещё один любопытный момент статьи В.Е. Зарко. Он (как я уже заметил в ссылке) в предисловии был назван переводчиком книги Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств», которая была им послана Дж. Хуболту. Тут не совсем ясно – зачем он её ему послал, если сам же отмечает, что в книге о схеме полёта, послужившей прототипом американской LOR, нет ни слова. Интересна реакция Хуболта на этот поступок: в ответ он посылает «*детальный отчёт НАСА, подготовленный в 1995 г., об истории проекта «встречи на орбите Луны» (LOR) и роли Кондратюка в его осуществлении. На обложке рукой Хуболта написано: «Интересно заметить, насколько близки были идеи Кондратюка и мои*».

Конечно, если погрузится в чтение «Завоевания межпланетных пространств», то никаких схем полёта, лунных модулей и расчётов, непосредственно касающихся стыковок космических аппаратов на лунной орбите, вы там не найдёте. Но я – не учёный, а простой инженер без звания, однако же, честно говоря, мне как-то сложно понять, зачем два представителя физ.-мат. наук, один из которых кандидат, а другой доктор, явно читавших брошюру Кондратюка, тем более, что один из них её переводил, пишущих о нём замечательные статьи, вдруг взялись утверждать, что американцы из книги Кондратюка ничего не могли почерпнуть

для своей будущей идеи! Хотелось бы думать, что нашим учёным не нужно растолковывать прописные истины. Поэтому это своё пояснение я обращаю к массовому читателю.

В «Завоевании межпланетных пространств» (1929) есть две главы, непосредственно связанные с данным вопросом: гл. X «Межпланетная база и ракетно-артиллерийское снабжение» (С. 58-61) и гл. XII «Общие перспективы» (С.64-66). Из главы X нам нужно уяснить только одно, что

межпланетная база им размещена на окололунной орбите, а не возле Земли, поэтому, в принципе, корабль с Земли, вышедший на лунную орбиту, можно целиком рассматривать и как межпланетную базу. После чего сразу переходим к главе XII. Здесь им даны не расчёты, а экономические итоговые величины, конечно не в рублях или долларах, а в смысле расхода веществ и материалов, что, в общем-то, то же самое. Кондратюк мыслил масштабными категориями и его интересовали результаты, а не выкладки. Как раз об этом в предисловии пишет профессор Ветчинкин: «*автор опустил в тексте почти все выводы и сохранил только окончательные формулы, вывод которых не всегда элементарен и требует иногда большого напряжения мысли…*». Издержки на полёт он оценивал буквой «n», соотношением масс начальной и конечной: чем меньше эта цифра, тем полёт более экономичен, требует меньшего расхода топлива и прочих материалов.

Вначале он даёт, подсчитанное по формуле Циолковского, итоговое «n» =120 для «*чисто ракетного полёта с Земли в межпланетное пространство с возвращением на Землю без погашения скорости возврата сопротивлением атмосферы*», поясняя, что это в сущности: «*около 120 весовых единиц топлива на одну полезную единицу груза*». А затем он приводит «n» для полёта с остановкой на Луне и Марсе:

ходуемых частей ракеты—„m_1"—ее пропорциональный пассив. Для полета при тех же условиях и данных с остановкою на Луне n=1000, тоже самое с остановкой на Марсе n = 3000 (при применении тангенциального типа траектории продолженного до получения требуемой гиперболической скорости относительно Земли); последние цифры могут быть с некоторою выгодой уменьшены преимущественным применением более дорогих и теплопроизводительных групп—борной и бороводородной. Подобных перспектив нельзя было бы назвать удовлетворительными: каждый полет требовал бы огромных материальных затрат, при чем совершенно отсутствовала бы из-за

Выдержка из книги об огромных затратах при прямом полёте на Луну и Марс

Выход он видит в следующем:

Ключем к действительному овладению мировыми пространствами являются: первоначально—погашение скорости возврата сопротивлением атмосферы (§ IX), а затем—устройство межпланетной базы (§ X) и, если удастся необходимая световая сигнализация,—ракето-артиллерийское снабжение межпланетной базы. Погашение скорости возврата сопротивлением атмосферы по первому способу, уменьшая „W" до 14460 $\frac{m}{s}$, в шесть раз понижает „n" для всех полетов: с Земли в межпланетное пространство и обратно $n = 20$; тоже с остановкой на Луне $n = 160$ и тоже с остановкой на Марсе $n = 500$

Выдержка из книги по снижению затрат полёта сопротивлением атмосферы

Для тех же полетов с межпланетной базы мы имели бы значения „n" еще в 11 раз меньше: $n_з = 2$ (возвращение с базы на Землю); при значении „n" столь близком к 1, мы уже не должны пренебрегать разницею между „n" и (n—1); (n—1) = 1 в данном случае, т. е. 1 единица топлива на 1 единицу полезного груза

ПРИМЕЧАНИЕ: Это при погашении скорости возврата по первому способу; при втором же способе погашения возврат на Землю требует совсем незначительного количества заряда.

$n_л = 15$; $n_м = 45$; доставка грузов с базы без возвращения обратно обходилась бы: на Луну $n = 4$ и на Марс $n = 7$.

Выдержка из книги по снижению затрат при полёте с межпланетной базы

Всё! По сути, вся эта идея LOR в «Завоевании межпланетных пространств» выражена автором одним подчеркнутым предложением. Для специалиста это очевидно! Он воспринимает даже такое краткое указание, как необходимый толчок в сторону правильной мысли и возможности проведения самостоятельных вычислений. Никакого тут лунного модуля ещё нет, хотя если возвратится на несколько страниц назад к главе «Межпланетная база…» и прочесть её состав (С. 59), то можно вообразить и лунный модуль, который представлен здесь как «*небольшая ракета для 2 человек с запасом заряда…*».

Три издания Кондратюка – 1929, 1964, 1947 гг.

Таким образом, считаю: хронологический барьер, выставленный новосибирцами мировому распространению идей Кондратюка, не более чем надуман. К началу 1950-х книга выдержала два издания: в 1929 и 1947 годах, и вполне могла находится в фондах американских специалистов, занимающихся данными проблемами, тем более, что представляла единственную книгу основоположника российской космонавтики. Понятно, что данная практическая отрасль зародилась лишь в 1957 году, но и до этого указания на книгу содержат все издания «Большой советской энциклопедии», начиная с 1941 года (см. БСЭ, 1-е изд., т.48, стлб.202, 1941; БСЭ, 2-е изд., т. 27, стр.53, 1954)

Почему я вынужден ссылаться на энциклопедические издания? Дело в том, что А.И. Максимов в «Поисках истины» настойчиво проводит в жизнь мысль о том, что «*книга Кондратюка … не смогла своевременно получить широкую мировую известность и оказать существенное влияние на развитие реальных образцов ракетной техники и практической космонавтики*», в подтверждение чего даёт ссылку на работу немецкого учёного В.Лея и энциклопедии. В частности, поэтому поводу он пишет: «*Хотя в 1947 году работа Ю.В.Кондратюка была опубликована в нашей стране Оборонгизом повторно, тем не менее, его имя не упомянуто ни во втором издании «Малой Советской энциклопедии» 1953 года, ни в третьем издании «Малой Советской энциклопедии» 1959 года. Всё это свидетельствует о том, что к началу Космической эры, т.е. к 1957 году, когда был выведен на орбиту первый в мире советский искусственный спутник Земли имя Ю.В.Кондратюка не было известно широкой общественности. Впервые его имя повторно появилось в печати только в конце 1957 года в связи с запусками первых спутников, но и после этого оно почему-то не попало на страницы «Малой Советской энциклопедии»*«.

Во-первых, стоит ли увязывать в данном вопросе популярность с влиянием на развитие практической космонавтики? Как известно С.П. Королёв до своей смерти широкой общественности вообще не был известен, однако это не помешало ему оказать серьёзное воздействие на начальные этапы развития всей мировой космонавтики.

Во-вторых, заблуждения А.Максимова по поводу энциклопедий легко развеять, для этого достаточно информацию в них искать не только по персоналиям, но и по темам. Кондратюк представлен вами как межпланетчик? Ну, так и ищите предметную статью «Межпланетные сообщения»! Там как раз и найдёте: «*Независимо от Циолковского в СССР разработал и опубликовал (1929) выдающееся исследование Ю.В.Кондратюк. Он выдвинул в частности, идею применения крыльев для межпланетной ракеты* ***и сооружения космической станции – спутника Луны, облегчающего межпланетные перелёты…***» (МСЭ, 3-е изд., т.5, стлб.1109, 1111, 1959 г.). Как раз в тему: всё, о чём я

говорил, сконцентрировалось в одной строчке! О той же «*внеземной станции – спутнике Луны*» есть и в БСЭ 1954 года.

Совсем незадолго до этих новосибирских статей, разыгравших «американскую карту» по вопросу воздействия идей Кондратюка на программы НАСА, в 2005-2006 гг. совсем в другую сторону занесло двух других новосибирских учёных – профессора Ю.Ведерникова и академика М.Лаврентьева. В преддверии выхода их книги «Освоение космоса и «столица Сибири» шла её рекламная кампания. Материалы об этом до сих пор остались в сети. В частности, на РИА «Сибирь» появился броский заголовок «*Российский Межрегиональный фонд имени Ломоносова намерен доказать, что НАСА воспользовалась идеями Кондратюка для осуществления «Лунного проекта» без соблюдения авторских прав*».

По свидетельству этого текста упор председатель правления фонда Ю. Ведерников делал именно на «Завоевание межпланетных пространств». Причём в своей книге авторы собирались представить «*аргументацию настоящего вклада Кондратюка в Лунную программу США*», и даже со слов Ведерникова, «*доказательной базой*» были намерены воспользоваться наследники Кондратюка для предъявления юридического иска к НАСА.

Вероятней всего, всё это оказалось благими намерениями, поскольку дальше последовали упомянутые статьи Михайлова и Зарко противоположного характера.

Такие действия Ведерникова и Лаврентьева, в целом, казалось бы, справедливые, можно оценивать по-разному. С одной стороны, тут явно не учитывались политические условия начала 60-х годов, в которых всё это происходило. О каких таких авторских правах могла идти речь, когда шла «холодная война» и вокруг торчали ядерные боеголовки, готовые разнести всё в пух и прах? При этом у врага пытались стянуть из под носа всё, что только можно. Что, теперь настало время для обоюдных расчётов? Если так, то тогда это будет, пожалуй, не в нашу пользу.

С другой стороны, совсем не ясно, как это можно сделать, когда НАСА за прошедшее с 70-х годов время забаррикадировалось массой публикаций, утверждающих обратное.[6] Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно войти в статью Википедии (на английском) John Houblt и хотя бы просмотреть весь тот перечень ссылок. А это всего лишь часть из общего количества публикаций. Если плохо разбираетесь в английском, тогда откройте переведённую в 2010 году книгу Майкла Горна «НАСА: полная иллюстрированная история» (С.114), где по поводу пла-

[6] В целом, приоритет идеи LOR за Кондратюком агентство признаёт, но отвергает непосредственное воздействия её на историю их программ (принятие идеи LOR отразилось не только на программе «Аполлон», но и оказало влияние на всю пилотируемую космическую программу США 60-х годов).

на LOR сказано: *«Он зародился сразу в нескольких умах, однако лучше всего его изложил и яростнее всех защищал относительно малоизвестный учёный, специализирующийся на конструкции летательных аппаратов, по имени Джон Хуболт».* По этому поводу наша редакция «ЭКСМО» о приоритете Кондратюка тут же вынуждена была сделать сноску, начинающуюся со слов «*по-видимому*», перепутав при этом кое-что в его сложной биографии, но подтвердив: «*Свою идею полёта на Луну учёный опубликовал в 1929 г. в книге «Завоевание межпланетных пространств».*

О том, что имя Кондратюка некоторым образом всё-таки было связано с американской космической программой 60-х годов говорит ещё одна русская статья, цитировать которую любят почти все наши публикаторы, занимающиеся этим вопросом. Она была напечатана 7 мая 1974 года в газете «Комсомольская правда» и называлась «За кулисами славы», авторами её были В. Песков и Б. Стрельников. Цитата эта следующая: «*В своих воспоминаниях один из тогдашних руководителей американской космической программы доктор В. Лоу написал об этом так*: *"…мы разыскали маленькую неприметную книжечку, изданную в России после революции. Автор её Юрий Кондратюк обосновал и рассчитал энергетическую выгодность посадки на Луну по схеме: полет на орбиту Луны – старт на Луну с орбиты – возвращение на орбиту и стыковка с основным кораблем – полет на Землю*"«. Уточнения того характера, что это за воспоминания, когда и где опубликованы, журналисты дать постеснялись. Так эта непроверенная, никем не подтверждённая и никем не опровергнутая, фраза и гуляет по просторам Интернета и российских изданий.

Анализируя её, можно сказать, что книжка «Завоевание межпланетных пространств» (72 стр., 1929 г.) в отличие от солидного тома «*Пионеры ракетной техники…»* (672 стр, 1964 г.), как раз и представляла из себя такую *«маленькую неприметную книжечку»,* однако изданную не сразу после революции, а через десяток лет после неё. И в ней Кондратюк, как мы выше разбирали, действительно, «*обосновал и рассчитал энергетическую выгодность посадки на Луну»,* но без непосредственного указания схемы (схема, понятное дело, подразумевалась).

Ещё одной явной ошибкой журналистов была путаница с инициалами доктора Лоу. В общем-то, её в последующих публикациях сразу же поправили, и стал доктор именоваться – «Дж.Лоу».

Из биографии Джорджа Майкла Лоу [George Michael Low] (1926-1984) можно почерпнуть, что в период возникновения идеи LOR в 1959-60 гг. он как раз занимался вопросами лунных посадок, как в Гоеттовском комитете НАСА, так и в Целевой группе пилотируемой посадки на Луну, которую сам же и возглавлял, поэтому возможный случай, зафиксированный цитатой, вполне подтверждается фактами его реальной судьбы. В период с конца 60-х и в 70-х годах он на должности генерального менеджера НАСА, по сути, зам. директора агентства. Кстати, именно благодаря его идее – совершить облёт Луны на «Аполлоне-8» (ввиду неготовности лунного модуля) в конце 1968 года, американцы вырвались в космические лидеры. С января 1971 года, когда он исполнял обязанности директора НАСА, после отставки Томаса Пейна, у него начинаются контакты с нашими учёными и специалистами по вопросам организации совместного полёта «Союз-Аполлон». По данному вопросу в период 1971-75 гг. он несколько раз приезжает в Москву (сохранились его снимки с Келдышем и на совещании в ЦНИИМаш). Вряд ли он писал тогда какие-то мемуары. Скорее всего, наши учёные, заинтригованные прессой, расспрашивали его о Кондратюке. Его рассказы, видимо, в таком виде и сохранились.

Но это в России. А что же в Америке? Казалось, что зажатая тисками исторических монографий НАСА, страна по данному скользкому вопросу молчит. Однако, в ноябре 2009 года на канале «Звезда» довелось посмотреть американский мини-сериал «From the Earth to the Moon» («С Земли до Луны») 1998 года. Сериал художественный, но создан на документальной основе по мотивам произведения «A Man on the Moon» Andrew Chaikin («Человек на Луне» Эндрю Чайкина)[7]. 5-я серия под названием «Spider» («Паук») целиком посвящена истории разработки, изготовления и полётных испытаний лунного модуля на «Аполло-9».

Серия начинается с совещания в феврале 1958 года в вашингтонской штаб-квартире НАКА (организации предшественницы НАСА), где Вернер фон Браун (актёр Norbert Weisser) представляет два возможных варианта пилотируемого достижения Луны (прямой и со сборкой на земной орбите), а также общий вид лунного космического корабля.

После этого следует очень характерный эпизод обсуждения его предложений за столом во время ланча тремя специалистами. Один из них утверждает, что корабль должен выглядеть не так, и пояснительный авторский текст представляет говорящего: «*Инженер техасской фирмы*

[7] Эндрю Чайкин – американский космический журналист и популяризатор космонавтики, бывший сотрудник Лаборатории реактивного движения, восемь лет собиравший материал для этой своей книги по истории программы «Аполлон». Он взял интервью почти у всех астронавтов, летавших на Луну, проделав поистине колоссальный объем работы. Вышла книга в 1994 году и заслуженно считается по мнению многих лучшим популярным трудом по пилотируемой лунной программе.

”Chance of Industries” ***Том Долан*** *предложил интересную идею*». Дальше следует вопрос Долана (актёр Alan Ruck) к своим коллегам:

«*Вы слышали про русского конструктора ракет* ***Юрия Кондратюка****?*». Они отвечают отрицательно, и Долан продолжает: «*В 1916 году он понял то, что мы забыли сегодня. Вопрос полёта на Луну упирается в вес. Посмотрите на её размер: 21 метр в диаметре, пара сотен тонн не меньше! Нужно ли тащить на Луну всё это? Нет! Над чем задумался Кондратюк? Что заинтересовало его? Что если полетит небольшой аппарат, лёгкий, используемый только для посадки? Нечто вроде этого».* Рисует рядом с кораблём фон Брауна гораздо меньший, после чего получает возражение: «*Но, Том, на таком не вернёшься на Землю!*». В ответ: «*Я знаю. Вернуться можно на корабле, прилетевшем с Земли*». Второй коллега: «*Значит, они должны встретиться на лунной орбите*». Долан: «*Точно! Фон Браун называет свой способ «встреча на земной орбите», а я свой «встреча на лунной орбите*». Первый коллега: «*Том, неизвестно возможна ли встреча даже на земной орбите, а ты говоришь про лунную! Не будет ли это опасно?*». В ответ: «*Я не знаю. Будет?*».

Т. Долан (актёр А. Рак) после встречи в штаб-квартире НАСА

Действие следующего эпизода, судя по обстановке, видимо, разворачивается в Вашингтоне в «Доме Долли Мэдисон» (жены президента Дж. Мэдисона), месте первой штаб-квартиры НАСА (образовано в октябре 1958 года), куда обратился Том Долан. Вероятно, ему отвечает Кит Гленнан [T. Keith Glennan] (актёр Max Brown), первый директор НАСА (1958-1961): «*Мистер Долан, это очень интересная идея. Позвольте нам подумать над ней*». Долан: «*Я подготовил расчёты*». Гленнан: «*Мистер Долан, у меня всё необходимое здесь* (указывает на голову). *Спасибо, что зашли*». Лицо Долана мрачнеет. Спускаясь по лестнице, увешанной картинами, он бросает свою папку с расчётами. Кадр сосредотачивается на летящей папке и идёт авторский тест: «*Воз-*

можно «встреча на лунной орбите» стала бы просто примечанием в истории освоении космоса, если бы доклад об этой идее не попал к инженеру НАСА Джону Хуболту».

Во время эпизода чтения Хуболтом (актёр Reed Birney) доклада Долана, текст уже следующий: «*Когда Хуболт начал читать доклад, он среагировал как обычно. «Встреча на лунной орбите» показалась ему очередной неосуществимой схемой, но по мере чтения идея приобретала смысл. Когда Джон Хуболт закончил читать, он понял: "То, что надо! Так можно полететь на Луну!"»*.

Хуболт (актёр Р. Бирни) знакомится с докладом Долана

На этом я прерываю подробный пересказ серии «Паук»[8], поскольку дальнейшая заслуга Хуболта общеизвестна. В качестве подтверждения этого и некоторого спора с позицией сериала могу привести цитату из книги Майкла Горна: «*Гораздо более именитые люди, такие как Эйб Силверстайн в штаб-квартире, фон Браун в центре им. Маршалла и Максим Фаже в центре им. Лэнгли, выражали недвусмысленную неприязнь – по правде сказать, почти презрение – к идее о манёврах сближения и стыковки на лунной орбите. Неудивительно, что, при наличии у Хуболта таких могущественных оппонентов, во второй половине 1960 г. и большую часть 1961 г. ему противостояло почти всё агентство. Однако Хуболт, к которому эта идея пришла летом 1960 г. почти по вдохновению, защищал её с жаром и упорством, временами казавшимися излишними и неразумными…»* (С.115).

Похоже, в сериале до некоторой степени что-то утрировано, но показывать в таком виде Хуболта, когда во всех публикациях НАСА заявлено его первенство – это всё равно, что заведомо оскорблять заслуженного человека. Вероятней всего, Хуболт какие-то свои коррективы, с

[8] Желающие могут продолжить разбираться в сюжетных коллизиях серии. Сериал «От Земли до Луны» в русском переводе в Интернете в свободном доступе.

учётом имеющихся разработок НАСА, всё же внёс в расчёты Долана. С другой стороны, думаю также, что во второй половине 80-х, собирая материал для книги, Э. Чайкин, тем не менее, разобрался со многими щекотливыми вопросами. Возможно, что и сам Хуболт, возраст которого к тому времени приближался к 80 лет, сериал на канале HBO в 1998 году видел, однако, что-то неслышно было, чтобы с его стороны воспоследовали какие-то претензии к авторам.

В целом же, главный герой серии «Паук» – это, конечно, Том Келли [Thomas J. Kelly] (актёр Matt Craven), руководитель компании «Грумман», которая занималась разработкой лунного экспедиционного модуля (ЛЭМ). На неё навалилось множество проблем. Кроме совершенно новых конструктивных решений, необходимо было обеспечить безукоризненную работу двигателей посадочной и взлётной ступеней модуля, режимы управления, наведения и манёвренности. Работы часто отставали от графика, и с финансовой точки зрения вылились в намного большую сумму, чем предполагалось. ЛЭМ, как считает Майкл Горн, «*был воплощением гениальности – и слабости – разработанного Хуболтом плана экспедиции*». Однако, в заключительных кадрах серии на своё детище, готовое отправиться к Луне, под названием «Орёл», Том Келли пригласил полюбоваться не одного Хуболта, но и Тома Долана – «*людей мечтавших о нём*».

Итоговая встреча серии «Паук»
Слева направо Дж.Хуболт (актёр Р.Бирни), Т.Долан (А.Рак), Т.Келли (М.Крэйвен)

Том Долан, выступая промежуточным звеном между Кондратюком и Хуболтом, не был художественным вымыслом, а был реальным лицом. Сейчас в Википедии можно найти статьи и о нём. В них он признан человеком, предложившим «*первую полностью разработанную концепцию встречи на лунной орбите для программы «Аполлон».* Называлась она Manned Lunar Landing and Return (MALLAR), что в переводе

означает «Пилотируемая лунная посадка и возвращение». Концепцию эту просто проигнорировали. Отражено всё это не только в популярных работах, но и в материалах самой же НАСА, причём гораздо раньше *«Завораживающей встречи» (1995)*[9]*.* Просто космическому агентству по понятным причинам надо было создать легенду о самостоятельности идеи Хуболта, они её и создали. Здесь она уже была их внутренней, собственной, и платить за неё никому было не надо ничего. Хуболт был толкачом, каким для Кондратюка по жизни был П.К. Горчаков, но без толкачей, любящих быть высокоидейными (см. авторский тандем в патентах Кондратюка), тоже, как известно, не проживёшь.

Как резюме в конце очерка приведу мнение уважаемого мной журналиста и писателя Ярослава Голованова из статьи «Потаённый Кондратюк» (1993), хотя оно и не в полной мере отражает мою точку зрения: «*При всём уважении к Кондратюку сказать, что он «соавтор» программы «Аполлон», мне представляется всё-таки неверным. Приходилось читать, что в выборе посадки на Луну американские специалисты «остановились в конечном счёте на схеме, предложенной в своё время Ю.В. Кондратюком». Давайте будем точными: не специалисты «остановились», а беспристрастный компьютерный анализ различных вариантов этой схемы их «остановил». Не сделай Кондратюк своего открытия, к этой схеме всё равно бы пришли. К ней нельзя не прийти; если следовать оптимальным рекомендациям математики. Нельзя говорить: не будь Кондратюка, и американцы не слетали бы на Луну. Другое дело, что гениальный мозг Кондратюка безо всяких компьютеров впервые выбрал именно это решение – за 40 лет до первой высадки землян на Луне. Кондратюк – «соавтор» программы «Аполлон» в той же мере, в какой, скажем, Циолковский – «соавтор» ракет Королёва. Между идеей и её воплощением лежат годы огромной и разнообразной работы тысяч людей. Сам Циолковский, кстати, отлично это понимал. «Без последователей, работающих теоретически и практически, и мои труды оказались бы бесплодны» – писал он в декабре 1929 года. Мне кажется, что и Кондратюк – реалист в гораздо большей степени, чем Циолковский, не мог думать иначе».*

[9] См. Brooks, Courtney G.; Grimwood, James M.& Swenson, Loyd S. (1979) Chariots for Apollo: A History of Manned Lunar Spacecraft. NASA. ISBNO-486-46756-2. p.66 (Корни Г. Брукс, соавторы Джеймс М. Гринвуд, Лойд С. Свенсон-мл. «*Колесницы для Аполлона: история пилотируемых лунных кораблей*». 1979). В 2009 г. книга была переиздана отдельным изданием. Сомневаться в подлинности этого материала не приходится, поскольку соавторы данной коллективной работы Джеймс Гримвуд и Лойд Свенсон замечены также и в других специальных публикациях по истории НАСА, в частности, по программам «Джемини» и «Меркурий» (см. *М. Горн* «НАСА: полная иллюстрированная история». М.: ЭКСМО, 2010. – С.294-295).

Борис Романенко

Звезда Кондратюка-Шаргея*

В народном ополчении

С началом Великой Отечественной войны некоторые сотрудники ПЭК ВЭС сразу же были призваны в Красную Армию. Утром 6 июля сотрудникам ПЭК ВЭС объявили о том, что начался призыв в народное ополчение Москвы. В 12 часов выдали зарплату, и все сотрудники конторы, способные носить оружие, около 30 человек, отправились на сборный пункт полка, находившийся в средней школе на Смоленской площади. Стали в очередь и записались в общую книгу регистрации ополченцев – добровольцев Киевского райкома партии. Личных заявлений тогда не было. В частности, в народное ополчение ушли Н.Н. Смирнов, Ю.В. Кондратюк, А.И. Антошечкин, Н.Н. Васильев, Б.И. Романенко, А.И. Сапко и др.

Контора ПЭК ВЭС административно входила в состав треста «Волгоэлектросетьстрой», который территориально размещался в Киевском районе Москвы. Поэтому сотрудники ПЭК ВЭС вошли в состав дивизии народного ополчения Киевского района Москвы. В тот день Ю.В. Кондратюк успел побывать на своей квартире и попрощаться с соседкой Д.И. Балгаевой, нанести прощальный визит О.Н. Горчаковой – супруге П.К. Горчакова.

Почти все сотрудники ПЭК ВЭС были зачислены в роту связи стрелкового полка дивизии, и только один Б.И. Романенко был назначен, как офицер-артиллерист, командиром огневого взвода полковой противотанковой батареи.

Поздно вечером того же дня полк построили в колонну по четыре и по Можайскому шоссе пошли на запад, навстречу быстро приближающемуся фронту.

Колонны шли всю ночь и прибыли в деревню Перхушково в пригороде Москвы, где, собственно, и началось формирование дивизии. Сначала формировались только три стрелковых полка, штаб дивизии со службами и спецподразделения. В то летнее утро всё начиналось с нуля: не было ни кружек, ни ложек, да они пока и не нужны были, так как есть и пить было нечего. К концу дня стали прибывать грузовики с продовольствием, в последующие дни стало понемногу и некомплектно поступать обмундирование. Через пару дней командный состав отправили в Петровские лагеря на переподготовку.

Однако к обеду первого же дня по радио было передано сообщение Совинформбюро о появлении Смоленского направления. Сразу же был отменён лагерный сбор, и комсостав срочно вернулся в распоряжение своей дивизии. После прибытия комсостава в распоряжение формирующейся дивизии она начала продвигаться навстречу фронту. Постепен-

* Отрывки из книги Б.И. Романенко «Звезда Кондратюка-Шаргея», Калуга, 1998 г.

но налаживалось питание, небольшими партиями нас догоняли некомплектное обмундирование, снаряжение и вооружение, этот процесс не закончился до самого начала боевых действий.

Примерно в середине августа наша дивизия после очередного броска по тревоге сосредоточилась на торфяниках северо-восточнее г. Кирова Калужской области. Продолжалось дальнейшее укомплектование воинских частей и спецподразделений по штатам армейских дивизий военного времени. Усиленно шла боевая подготовка. По мере готовности проводились учебные артиллерийские стрельбы. Был сформирован сначала артдивизион, а позже на его базе – артиллерийский полк № 979. В сентябре дивизия заняла оборону юго-западнее города Кирова.

Дивизия народного ополчения Киевского района получила общемосковский номер 21 и стала именоваться 21-я Дивизия народного ополчения Москвы (21-я МДНО), а в сентябре, в связи тем, что эта дивизия уже вошла в состав действующей армии, ей был присвоен общеармейский номер 173, и она стала именоваться 173-я стрелковая дивизия, вошла в состав 33-й армии Резервного фронта, который занимал оборонительные рубежи во втором эшелоне Западного фронта, державшего оборону по реке Десне. 62-й стрелковый полк получил общевойсковой номер 1313, а другие полки – 1311 и 1315.

Б.И. Романенко1942 г.

Резервным фронтом в то время командовал генерал армии Г.К. Жуков.

Вечером 30 сентября 1941 г. меня, младшего лейтенанта Романенко Бориса Ивановича, командира 2-го огневого взвода полковой пушечной 75-миллиметровой артиллерии, срочно вызвали в штаб полка с моих огневых позиций, занимаемых взводом восточнее деревень Большие и Малые Желтоухи. Штаб полка располагался в лесу прифронтовом, восточнее деревни Барсуки. У штаба полка я встретил Юрия Васильевича Кондратюка. Он был на боевом посту у блиндажа штаба полка и поддерживал связь между штабом и одним из батальонов. Мы были рады встрече, тем более что уже более месяца не встречались, находясь каждый в своем подразделении. **Это была наша последняя встреча.** После успешного Ельнинского контрудара мы готовились к мощному контрнаступлению, но уже 2 октября 1941 г. на рассвете фашистские захватчики упредили нас, начав генеральное наступление на Москву. Прорвав Западный фронт на рубе-

же реки Десны, фашистские танки рано утром 3 октября 1941 г. вошли в соприкосновение с боевыми порядками нашей дивизии. Против дивизии были брошены многочисленная авиация и многие десятки танков в сопровождении артиллерии, минометов и мотопехоты. Не имея ни одного танка и ни одного самолета, ополченцы грудью отстаивали каждую пядь земли священной Родины, преграждая путь фашистским полчищам. Ожесточенный бой дивизии 3 октября 1941 года длился до поздней ночи. В тот день было выведено из строя 12 танков противника.

С третьего на четвёртое октября под напором превосходящих сил противника наша дивизия, предотвратив грозящее окружение, так как на нашем левом фланге вообще войск не было, а на правом соседняя дивизия тоже отошла, начала организованный отход на восток в направлении Ухобычи, Гавриловка, Уварово (видимо, Ульяново – *Ред*), Белёв, Захаровка, Щёкино, Тула, ведя активные арьергардные бои.

В этот день, то есть **3 октября 1941 года**, в первом артиллерийском бою нашей дивизии с фашистскими танками **я был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь**. После излечения я уже не попал в свою дивизию и потерял с ней связь. **В конце 1943 года я узнал, что Юрий Васильевич не вернулся с фронта.** Оборвалась жизнь этой уникальной личности. Об этом мне сообщил в ноябре 1943 г. И.В. Кирьян.

Многие годы спустя Н.В. Никитин, ученик и соратник Ю.В. Кондратюка, писал: **«***Вскоре после начала войны кто-то мне сказал, что Юрий Васильевич записался добровольцем в ополчение и сразу же его убили. Мы все тогда записывались в добровольцы, но инженерам, представляющим какую-либо ценность, выдавали броню и отправляли в эвакуацию... Зимой 1941/42 года в Новосибирске на концерте Ленинградской филармонии я встретил В.П. Ветчинкина, мы пожалели о судьбе покойного. Печальна судьба инженерного гения без признания!***»**

А контора ПЭК ВЭС даже и брони не имела!

Значительно позже Олесь Гончар в своей публикации «Гений в обмотках» писал: ***«Куда смотрело начальство, посылая гения на фронт рядовым телефонистом?!»*** Оно вообще не смотрело! Он был в этом плане вне поля зрения начальства, если не иметь в виду отрицательное поле зрения – как бы его арестовать! Выше мы уже рассказывали, как начальство оценило предложение о присвоении ему учёной степени доктора технических наук. Оно ответило: «*Мы не знаем таких его научных заслуг, достойных высокого учёного звания!*» А ведь по их же конкурсу на проект мощной ветроэлектростанции ни один академик не прошёл, а он прошёл, заняв даже первое место! А его книга «Завоевание межпланетных пространств»?! Какую не смог написать ни один академик мира! А ему даже кандидата не присвоили! **Формально он даже не имел звания «инженер»!**

Жизнь после смерти, или Кондратюкиада

После опубликования повествования Олеся Гончара «Гений в обмотках» 8-го сентября 1983 года в «Литературной Украине» я позвонил главному редактору газеты Борису Петровичу Рогозе. Он мне сказал: ***«Когда произносится имя Кондратюка, то у всех писателей, журналистов и главных редакторов Украины, да и не только Украины, коленки дрожат!»*** А вы говорите! Пришлось после этого дальнейшие исследования «тёмных» и «белых» пятен (тайн) биографии Ю. Кондратюка-А. Шаргея на свой страх и риск вести **частным детективам**, подчас не имеющим имиджа. Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, а приобрести можно весь мир, а в данном конкретном случае – всю Вселенную! Для начала – астероид «Кондратюк»!

Мне один из авторитетных академиков, вхожих в высшие сферы государственной иерархии, доверительно сказал: «Будем ждать до тех пор, пока кто-то умрет!», намекая на Брежнева. Ведь принять решение о предании гласности этой феноменальной тайны не так-то просто. Ведь со времени рождения Иисуса Христа **не было ещё случая, чтобы гений человечества жил, работал, творил, сражался и погиб по чужим документам, сдвинутым во времени на три года!**

Псевдоним же – это типичное не то.

Это был уже 1977 год – год 80-летия Юрия Васильевича Кондратюка – Александра Игнатьевича Шаргея. Шли годы. Умирает Генсек Л.И. Брежнев, умирает Генсек Ю.В. Андропов, умирает Генсек К.У. Черненко. Наступает 1985 год – год начала перестройки и гласности. У руля перестройки Генсек М.С. Горбачев.

Стало приближаться **90-летие со дня рождения Ю.В. Кондратюка**. Ко мне обратился лётчик-космонавт В.И. Севастьянов с просьбой помочь ему в создании документального кинофильма о Ю.В. Кондратюке. Он, оказывается, не знал ещё в ту пору, что Кондратюк не Кондратюк. Я сказал ему, что давно пора предать тайну Кондратюка–Шаргея гласности. Сначала он заколебался, но затем после консультации с академиками Б.В. Раушенбахом, В.П. Глушко и Б.Е. Патоном, а также с КГБ СССР было принято решение создать этот фильм, а потом, мол, посмотрим. **10 июня 1987 года** состоялся цензурный просмотр документального кинофильма «Что в имени тебе моем?» в Доме актёра в Москве. Разрешение получено.

12 июня 1987 года в Полтаве, на родине Кондратюка-Шаргея, состоялось торжественное собрание широкой общественности, посвящённое 90-летию со дня рождения Ю.В. Кондратюка. В своем докладе писатель, первый секретарь Полтавского обкома КПУ, член ЦК КПСС Ф.Т. Моргун сообщил, что Юрия зовут Александр! Это был с его стороны смелый и мужественный поступок! А **13-го июня** на том же торжестве был впервые показан фильм «Что в имени тебе моем?». Полностью бы-

ли преданы гласности его имя, отчество и фамилия. **Ю.В. Кондратюк теперь открыто стал Александром Игнатьевичем Шаргеем, уроженцем Полтавы, 1897 года рождения, окончившим Полтавскую 2-ю мужскую гимназию в июне 1916 года.**

23 июня 1987 года в Москве, во Дворце культуры МВД СССР, состоялось торжественное заседание АН СССР и общественности Москвы, посвященное 90-летию со дня рождения Ю.В. Кондратюка. Это заседание проводилось в старом «ключе». На нём не была объявлена тайна Кондратюка, хотя ряд членов юбилейного оргкомитета и президиума заседания присутствовали на торжествах в Полтаве и на цензурном просмотре 10 июня – они соблюдали «невинность»! Но вдруг в самом конце заседания сообщили, что будет показан документальный кинофильм «Что в имени тебе моем?». Это была сенсация! Президиум удаляется, умыв руки. Он, мол, здесь ни при чем! Это, мол, баламутят Севастьянов и Романенко! Накануне один член оргкомитета идею показа этого фильма послал ко всем чертям. Когда же демонстрация фильма закончилась, собравшиеся долго не расходились, взволнованные сенсацией.

Все кинулись поздравлять меня и родственников Кондратюка-Шаргея. Ко мне демонстративно подошли В.И. Севастьянов и В.Ф. Шаров – режиссёр кинофильма – и поздравили меня с победой. Почему такая обстановка? Всё по старой памяти, с перепугу, всего боялись. Б.И. Романенко был приглашён на торжества в Полтаву, был в почётном президиуме, был почётным гостем города, выступал на научной конференции и передал на ней ценнейшие труды Ю.В. Кондратюка для музея, выступал по местному радио. В Москве же Б.И. Романенко, как возмутитель спокойствия, «авантюрист и проходимец», не был введён в оргкомитет, не приглашен в президиум заседания и не приглашён для выступления! Ожёгшись на молоке, на воду дули! И не случайно! Разовый показ фильма был разрешён, и я с согласия В.И. Севастьянова везу этот кинофильм в Калугу на Чтения Циолковского, но там цензоры запретили показ. **В начале 1988 года** в журнале «Украина» был опубликован сценарий кинофильма «Что в имени тебе моем?». В связи с созданием этого кинофильма один экземпляр его сразу же был направлен в Секретариат ЦК КПСС. В эти дни Генсек М.С. Горбачев был в зарубежной поездке. Позже начали работать Спецкомиссии АН СССР, Министерства обороны СССР, КГБ СССР, две комиссии ЦК КПСС, и в конце концов сам Генсек принимал решение. **В июне 1988 года** наконец-то всё утряслось и фильм был показан по Центральному телевидению. Потребовалось всего три года при новом Генсеке М.С. Горбачеве в условиях перестройки и гласности, чтобы 11-летняя волокита закончилась благополучно. Уж очень феноменальный случай! **В августе 1988 года вышла в свет книга Б.И. Романенко «Юрий Васильевич Кондратюк», в которой впер-**

вые в отдельной книге тайна Кондратюка–Шаргея была предана гласности. Кстати, это вообще первая книга в период перестройки и гласности, в тот период когда ещё не была отменена печать, вышедшая без цензуры. Правда, пришлось заручиться визой Пресс-бюро КГБ СССР.

В начале сентября 1988 года я вручаю авторский экземпляр своей книги «Юрий Васильевич Кондратюк» Александре Ивановне Злобиной – вдове Б.А. Злобина – ученика Ю.В. Кондратюка, бывшего главного инженера проекта и строительства Останкинской телевизионной башни в Москве. Она тотчас же садится на поезд и отбывает в Цхалтубо, в санаторий. Туда же прибывает из Москвы некто Н.Г. Лоскутова. Однажды, когда Александра Ивановна сидела в процедурной в ожидании очередной лечебной процедуры, держа в руках эту книгу, к ней подошла Н.Г. Лоскутова и, посмотрев, спросила: ***«А не тот ли это Кондратюк, о котором у моей подруги Татьяны Владимировны Воробьёвской есть целая папка материалов?»*** Оказалось, что он и есть! По приезде в Москву Александра Ивановна сообщает мне её адрес. Я тотчас сажусь в электричку и еду до Обнинска, затем автобусом до посёлка Протва. В семье Воробьёвских мне совсем неожиданно вручают целую папку материалов, в которой находились **четыре фронтовых письма – три от Ю.В. Кондратюка и одно от его гражданской жены – Галины Павловны Плетнёвой,** которой у него, по всем нашим данным, никогда не было! По этому поводу в своё время его сослуживцы даже сочинили дружелюбные шутливые стихи:

Твой одичалый вид пугает и тревожит,
Оброс ты и не брит, что сердце твоё гложет?
Витаешь где-то ты в погоне за Луною...
Брось детские мечты, займись жизнью земною!
Живёшь ты, как монах, и сыт единым хлебом,
Ты – облако в штанах, и занят только небом...
Смеёмся над тобой, но почему-то верим:
Настанет час такой – найдёшь ты в небо двери!

На что он неожиданно экспромтом отвечал:

Женщин я не признаю,
С детства я Луну люблю.
О свиданье с ней мечтаю,
Экипаж изобретаю...
Полечу я к ней в ракете,
Словно в собственной карете.

Оказалось, что Юрий Васильевич не погиб в первом бою, а сражался ещё в трёх полках, двух дивизиях, двух армиях – в роте связи 470-го сп 194-й сд 49-й армии Западного фронта (октябрь-ноябрь 1941 года), в

Фото Кондратюка, найденное у Плетнёвой (конец 30-х гг.)

185-м запасном армейском полку (конец ноября – начало декабря 1941 года), во взводе связи 1-го батальона 1281-го сп 60-го сд (бывшей 1-й МДНО) с декабря 1941 года по февраль 1942 года в 49-й армии Западного фронта и февраль 1942 года в 3-й армии Брянского фронта.

До сего времени мы имели от него только одно письмо с фронта от 1 сентября 1941 года, которое он прислал О.Н. Горчаковой.

Приводим тексты всех писем в их хронологической последовательности.

Открытка первая, от 6-го августа 1941 года:

«*Москва. Кропоткинская улица, Мансуровский пер, 12, кв. 2, Г.П. Плетневой*». Штамп: «*Бесплатно. Письмо красноармейское*».

На лицевой стороне открытки штамп: «*Полевая почта № 527.09.08.41*». Далее штамп: **«*Москва. 13.08.41*»**. Текст:

«Милая Галушенька! Мой адрес старый: Действующая армия. 527 полевая почтовая станция. Почтовый ящик 32/3. Красноармейцу роты связи. Мне. Получила ли ты моё письмо и доверенность? Новый адрес нашего треста «Волгоэлектросетьстрой»: улица Осипенко, 11. Целую Юрий».

Г.П. Плетнёва — гражданская жена Кондратюка

В то время был такой почтовый адрес нашего 62-го полка. Все эти долгие годы я искал человека, который получал его зарплату по конторе ПЭКВЭС, и наконец-то нашёл. Для того, чтобы узнать от него фронтовую судьбу Юрия Васильевича. Но, к сожалению, Галина Павловна скончалась скоропостижно в 1979 году. Я даже как-то напал на её след. В 1927 году Юрий Васильевич, уезжая в Сибирь через Москву, встречался с В.П. Ветчинкиным, оставил адрес для связи с ним через Фривели – Москва, Кропоткинская ул., Мансуровский пер, 12, кв. 2. Прибыв по этому адресу, я обнаружил, что этот дом давно снесён. А ведь при сохранившихся домовых книгах можно было найти ещё в живых Га-

лину Павловну Плетневу – его гражданскую жену, знавшую его фронтовую судьбу и хранившую его неопубликованную рукопись, о которой он писал во втором предисловии к своей книге «Завоевание межпланетных пространств».

1 сентября 1941 года он писал Ольге Николаевне Горчаковой: *«Милая Ольга Николаевна! Меня вы очень обрадовали своим письмом, тем более что это единственное, что я до сих пор имею. Очень рад, что Вы всё-таки решили поехать в Красноярск в конце концов. Меня очень беспокоят киевляне, тем более учитывая... (вычеркнуто цензурой). От них ничего не имею. Буду справляться через домоуправление. Пишите почаще открытки – живы, здоровы и там-то находимся. Всё, что до меня сейчас доходит из «внешнего мира», – это иногда удаётся у громкоговорителя услышать минут на пять обрывки музыки из Москвы. Поэзия тоже постепенно надоедает, особенно, когда она преподносится совсем не в чистом виде. Мой адрес: Действующая армия, полевая почтовая станция 930, 62-й стрелковый полк. Красноармейцу роты связи. Мне.*

Обо мне не беспокойтесь, со мной, конечно, ничего не случится. Спасибо за ваше тёплое письмо. Крепко, крепко целую. Действительно, всё в жизни делается наоборот. Привет Люсе и всем. Уточните Ваш телефон И-07290 или 02790. Я, к стыду, уже не уверен. Ещё раз крепко целую. Юрий. Пишите хотя понемножку. Это для меня большая радость. Юр.».

Была ещё якобы открытка Ольге Николаевне. Но она утрачена. В ней он якобы просил прислать ему компас.

5 декабря 1941 года он писал Г.П. Плетневой: ***«Пенза. Московская ул. Наркомсобес РСФСР. Инспектору по персональным пенсиям Г.П. Плетневой»***. Дан обратный адрес: ***185 зап. полк. 7-я рота. Кондратюк Ю.В.*** На этой открытке адрес зачёркнут и дан новый адрес: ***«Уфа»*** и штамп: ***«Белые столбы. 7.12.41»***. Штамп: ***«Уфа. 7.01.42»***. На лицевой стороне дана приписка чужой рукой: *«Галечка! Твоему Юре сообщила, что ты жива и здорова и с 12 декабря с.г. уехала с НКСО в Уфу».* Текст письма: *«Родная моя Галушенька! Так я ничего и не получил на ППС 487, а теперь снова меняю свой адрес – пока же вообще без адреса. Хорошо хоть от Ант. несколько слов от тебя получил. Обидно, что не удалось к ней завернуть. Крепко целую и беспокоюсь. Конечно, здоров. 5.12.41. Юрий»*. Значит, он был в начале декабря 1941 года в 7-й роте 185-го запасного полка. Сначала я не обратил внимание на ППС 487. Где же он был все это время? После его последнего письма прошло три месяца.

Посмотрим теперь его открытку от 2 января 1942 года: ***«Пенза, Московская, 75, Наркомсобес РСФСР. Инспектору перс. пенсий Г.П. Плетневой»***. Адрес отправителя: ***«968 пол. Почта. 1281 стр.***

полк, 1-й батальон взвод связи. Кондратюк Юрий Васильевич». Далее штамп: *«Пенза. Областное отделение. 10.01.42 г.»*. Текст письма: *«Дорогая моя Галушенька! Меня очень беспокоит твое молчание. Напиши немедленно. Со мною, как всегда, всё благополучно. Повторяю адрес: 968 пол. п. станция, 1281 стр. полк, 1-й батальон, взвод связи. Мне. Крепко, крепко целую и жду письма. 2-1-42 года. Юрий».*

Это письмо от 2 января 1942 года было вообще последним.

Посмотрим теперь открытку Г.П. Плетневой от 4 января 1942 года: ***«Действующая армия. 968 полевая почта, 1281 стр. полк, 1-й батальон, взвод связи. Кондратюку Юрию Васильевичу»***. Обратный адрес: ***«г. Уфа. Наркомсобес РСФСР, Пушкинская ул., 1107»***. Штамп: ***«Уфа. 6.2.42»*** и ***«Уфа. 16.3.42.22»***. ***«Просмотрено военной цензурой 14-43»***. На лицевой стороне открытки надпись ответственного лица за доставку почту: ***«Доставка невозможна. Начальник (подпись неразборчива)»***. Адрес на открытке перечёркнут карандашом. На обратном адресе дана большая буква **«*В*»** – что значит **«возврат»**. Это значит, что уже в марте его не было в этой дивизии или он был убит!

Текст открытки: *«4.01. Родной мой Юрочка! Как бы мне хотелось, чтобы ты от меня получил эту открытку. Что-то с перепиской совсем разладилось, от тебя получаю редко. Как ты себя чувствуешь? Скорее бы уничтожить проклятущего изверга. Послала тебе в сентябре посылку. Получил ли ты её или нет? Так мне ничего не известно. На днях получила письмо от мамы с родины, которое было отправлено ещё в Пензу. Много пришлось им перенести, но сейчас счастливы, что местность очищена от паразитов. Адрес опять прежний, так что если ты напишешь хоть одно слово, мама будет очень рада. Устроилась я плохо, но временно потерпеть можно. Хожу сейчас полуглухая, так как излечиваю малярию, которая меня очень изматывает. Очень благодарна Антоше, которая сообщает мне твои адреса. Если возможно, пиши чаще. Я так от тебя далеко, что нет надежды, что успеешь получить мои приветы. Целую тебя много, много раз. Желаю успеха и здоровья, мой хороший, любимый»*.

Галина Павловна как предчувствовала – это письмо он не получил! Кто такая Антонина? Надо её разыскать. Может быть, она прольёт свет?

Полевую почтовую станцию № 968 я сразу расшифровал – по 1281 сп – это была 60-я сд (бывшая 1-я МДНО – дивизия народного ополчения Ленинского района Москвы). Позже мне удалось расшифровать ППС 487! Это оказалась 194-я сд 49-й армии Западного фронта. В папке Галины Павловны я обнаружил рекламный буклет «Укркниги», где рукою Галины Павловны была сделана запись:

1. Действ, армия, 527 полевая почтовая станция, п/я 32/3.
2. Действ, армия, полевая почтовая ст. 930, 62 сп. Рота связи.
3. 487 полевая почта, ст., 470 стр. полк. Рота связи.
4. 185 запасной полк, 7-я рота.

5. Действ, армия, 968 п.п.ст., 1281 сп., 1-й батальон, взвод связи.

Таким образом, он служил в роте связи 470-го сп 194-й сд.

Руководствуясь этими письмами, работая в Центральном архиве Министерства обороны СССР в Подольске, мне удалось найти денежные документы на выплату содержания роте связи 470-го сп за октябрь и ноябрь месяцы 1941 года, в которых значился телефонистом Ю.В. Кондратюк, и его роспись в получении полевых денег – 20 рублей! Были также найдены платёжные ведомости за декабрь 1941 года и за январь 1942 года взвода связи 1-го батальона 1281-го сп, в которых Юрий Васильевич Кондратюк числился командиром отделения взвода связи, и его собственноручная подпись.

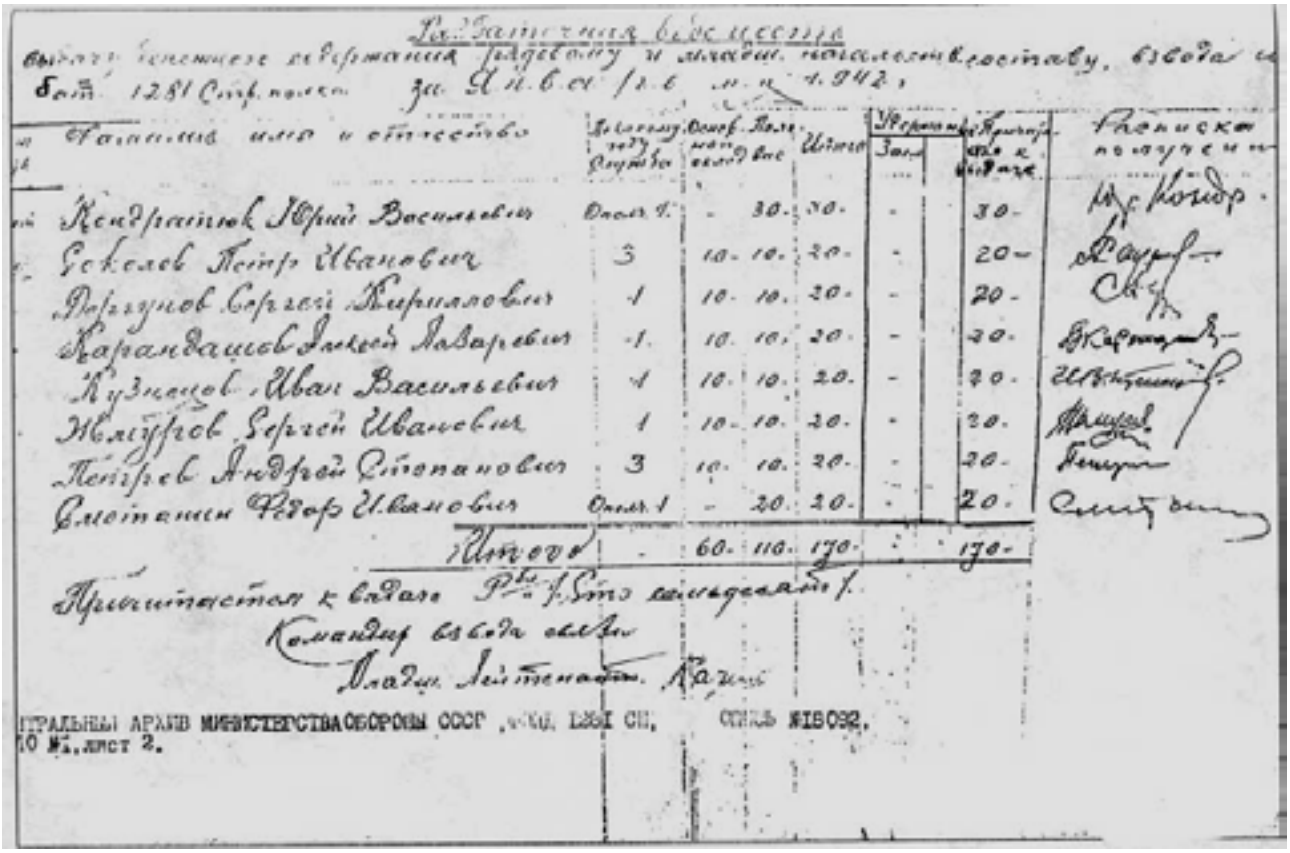
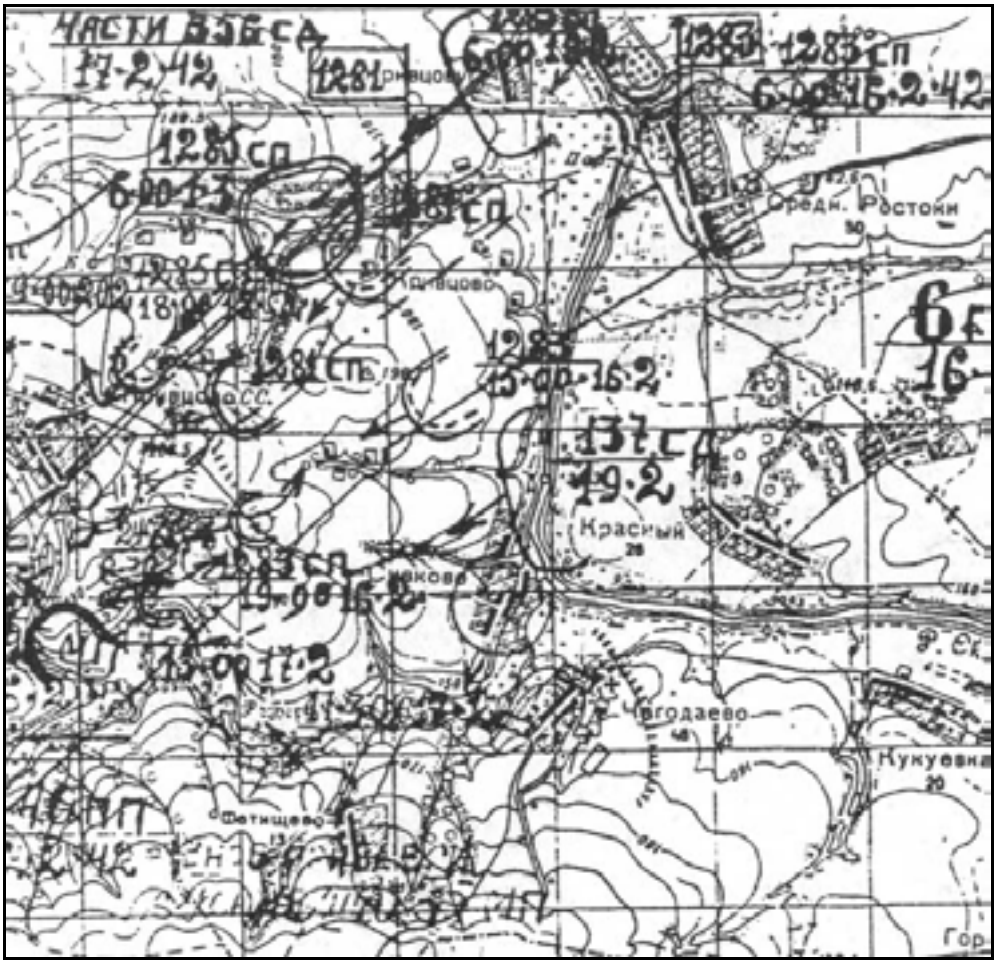


Фото фрагмента раздаточной ведомости на выдачу денежного содержания 1-го бат. 1281 ст. полка за январь 1942 г.

185-й запасной полк, оказывается, был 185-м армейским зап. полком 49-й армии. Таким образом, документально было установлено, что он не был убит в первом бою 3 октября 1941 года, а при отходе 173-й дивизии на восток, в начале октября 1941 года, попал вместе с Валенковым и Н.Н. Смирновым в 470-й сп 194-й сд 49-й армии Западного фронта, а затем некоторое время находился в 185-м зап. полку, после чего с начала декабря 1941 года и по январь 1942 года включительно служил во взводе связи командиром отделения 1-го батальона 1281-го сп 60-й сд 49-й армии Западного фронта. Командиром взвода связи был мл. лейтенант Борис Иванович Качалин, телефонистами служили: Соколов Петр Ива-

нович, Петров Андрей Степанович, Карандашов Алексей Лазаревич, Дергунов Сергей Кириллович, Кузнецов Иван Васильевич, Жмуров Сергей Иванович, Сметании Федор Иванович.



Карта боевых порядков 60 сд 3 армии (февраль 1942 г.)

Февральская ведомость вообще не была найдена, а в мартовской ведомости весь личный состав взвода был другой, включая и командира взвода. Младшие лейтенанты Б.И. Качалин* и Ф.И. Сметанин в феврале и марте 1942 года числились во взводе связи 2-го батальона. Значит, в марте 1942 года Ю.В. Кондратюка уже не было в 1281-м сп. Или он был убит, или ранен, пропал без вести, или переведен в другую часть.

В декабре 1941 года 60-я сд вела наступательные операции в районе г. Серпухова, вдоль реки Протвы, освободив в конце декабря г. Высокиничи. В конце декабря 1941 года эта дивизия была выведена на отдых и пополнение в район Серпухова, где находилась до 4 февраля 1942 года. 4 февраля 1942 года эта дивизия была погружена в воинский эшелон и переброшена на станцию Чернь Тульской области.

* О героизме связистов в тех боях упоминает комдив 60-й сд Зашибалов М.А. в главе «Рубеж – Ока» из сб. «С боями до Эльбы», где есть ссылки о награждении командиров взводов связи мл. лейтенантов В.В. Телятникова и Б.И. Качалина.

8 февраля 1942 года* дивизия начала наступление на Кривцовском направлении для завоевания Кривцовского плацдарма на западном берегу реки Оки.

При длительной работе в Архиве медицинских документов (АМД) при Военно-медицинском музее (ВММ) в Ленинграде мне удалось выяснить судьбу почти всех связистов и командира взвода связи 1-го батальона 1281-го сп, в котором служил Ю.В. Кондратюк. **Ю.В. Кондратюка в списках убитых, раненых, умерших от ранения, пропавших без вести, попавших в плен, перешедших на сторону врага, дезертиров, репрессированных в период войны и в послевоенное время не обнаружилось.**

В период визита Президента СССР М.С. Горбачёва в ФРГ его делегации были переданы списки советских воинов и остарбайтеров, погибших в концлагерях Германии во время войны. Эти списки я сам лично просмотрел – там более трёхсот тысяч. В этих списках имени Ю.В. Кондратюка мне найти не удалось. Оставалась ещё надежда найти в живых сослуживцев Ю.В. Кондратюка по взводу связи, которые могли бы знать его судьбу. Удалось установить, что Карандашов А.С. и Кузнецов И.В. умерли от ран. Жмуров С.И. пропал без вести. Соколов П.И. после ранения жил дома в Рязанской области и уже скончался. Петров А.С. умер после войны. Командир взвода Б.И. Качалин** в 1943 году был смертельно ранен и по пути в медсанбат скончался. Судьба Сметанина Ф.И. неизвестна.

По данным медсанбата 60-й сд мне удалось установить, что телефонист **Дергунов Сергей Кириллович** был 23 февраля 1942 года ранен и дальнейшая его судьба неизвестна. По приезде в Москву мне после многих раздумий по старому, двадцатилетней давности, телефонному справочнику, уже давно сданному в макулатуру, удалось отыскать телефон Дергунова С.К., живущего на моей улице, идущей от Красной площади Московского кремля в Ленинград. Звоню по телефону 155-22-55. Подходит женщина. Спрашиваю: ***«Это телефон Дергунова?»*** Ответ: ***«Да». «Скажите, а как его зовут?»*** Ответ: ***«Сергей Кириллович».*** Вопрос: ***«Он живой?»*** - ***«Да».*** - ***«Он воевал?»*** - ***«А как же!»*** Вопрос: ***«А кем он воевал?»*** Ответ: ***«Он катушку таскал!»*** А передо мной лежит ведомость взвода связи, где он числился телефонистом! Ага, живой, все сходится. Вдруг женщина и говорит: ***«А у него начальником был Кондратюк!»*** Это-то мне и надо! Вера Михайловна, так звали его жену, сообщает номер рабочего телефона Сергея Кириллови-

---

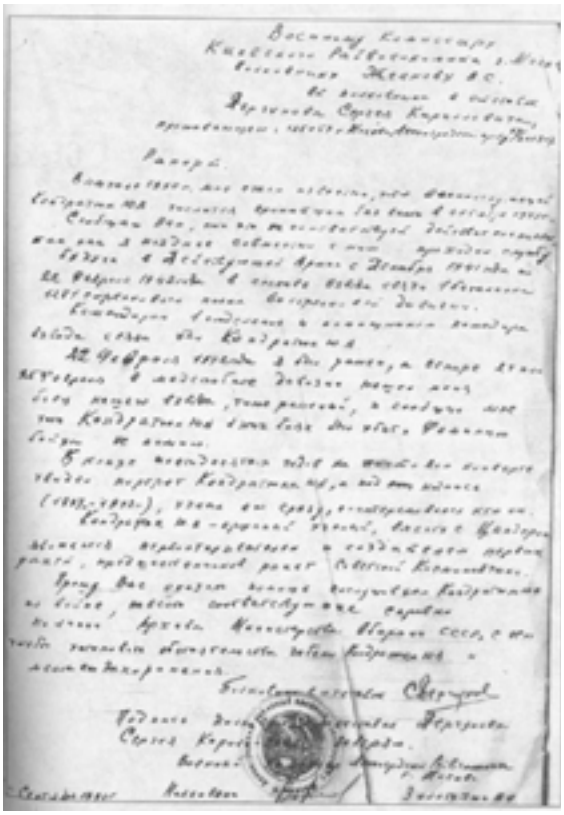
***** Ошибка. На Кривцовском направлении 60-я сд начала наступление 16 февраля, с 8 по 14 февраля она вела бои в междуречье Оки и Зуши, у Миново и Шашкино.

** Ст. лейтенант Б.И. Качалин, будучи командиром роты связи той же дивизии, погиб во время бомбёжки деревни Избичня Комаричского р-на Брянской обл. и по документам госпиталя (ОБД «Мемориал») скончался по пути в МСБ 23.03.1943.

ча. Звоню. Подзывают Сергея Кирилловича. Он мне сообщает, что служил телефонистом во взводе связи 1-го батальона 1281-го стр. полка и что у него помкомвзвода был Юрий Васильевич Кондратюк! Что и требовалось доказать и отыскать. Позже Сергей Кириллович дал официальные показания.

«*Военному комиссару Киевского райвоенкомата г. Москвы полк. Желнову В.С.*

От полковника в отставке Дергунова Сергея Кирилловича г. Москва, Ленинградский пр., 77.



Свидетельские показания С.К. Дергунова о фронтовой судьбе Ю.В. Кондратюка от 10.09.90

Рапорт

В начале 1990 года мне стало известно, что военнослужащий Кондратюк Ю.В. числится пропавшим без вести в октябре 1941 года.

Сообщаю вам, что это не соответствует действительности, так как я позднее совместно с ним проходил службу, будучи в действующей армии с декабря 1941 г. по 22 февраля 1942 года в составе взвода связи 1-го батальона 1281 стр. полка 60 стр. дивизии. Командиром 1-го отделения и помкомвзвода связи был Ю.В. Кондратюк.

22 февраля 1942 года я был ранен, а вскоре 24 или 25 февраля в медсанбате дивизии меня нашел боец взвода связи, тоже раненый, и сообщил мне, что Кондратюк Ю.В. в этих боях был убит, фамилию бойца я уже не помню.

В конце 60-х годов на почтовом конверте я увидел портрет Кондратюка, а под ним надпись (1897-1942), узнал его сразу. Поинтересовался, кто он? Ю.В. Кондратюк – крупный ученый, вместе с Цандером является первооткрывателем и создателем первых ракет, разработчиком ракет советской космонавтики.

Прошу оказать помощь сослуживцам Кондратюка по войне навести соответствующие справки по линии архива Министерства обороны СССР, с тем чтобы установить обстоятельства гибели Ю.В. Кондратюка и место его захоронения.

Полковник в отставке Дергунов С.К.

Подпись руки полковника в отставке Дергунова Сергея Кирилловича заверяю.

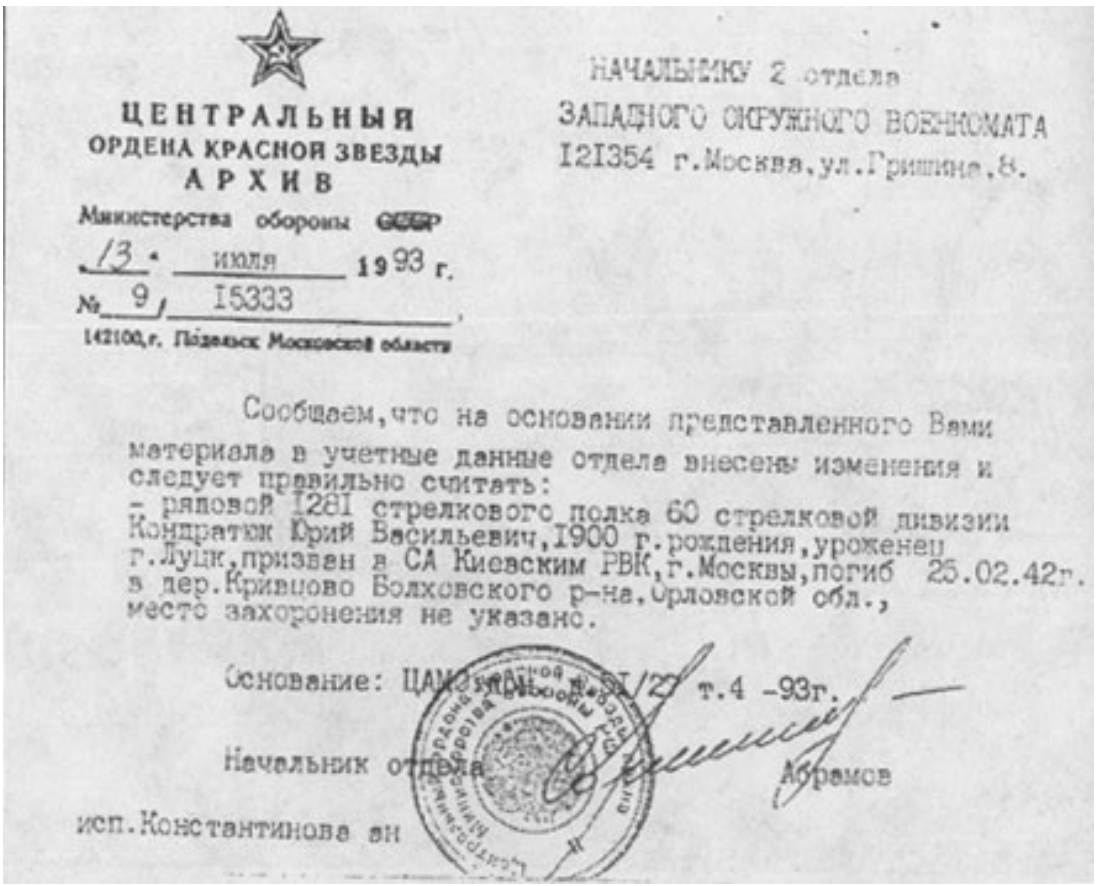
Военный комиссар Ленинградского райвоенкомата г. Москвы полковник Золотухин В.И.

10 сентября 1990 года.

Круглая печать: «Ленинградский военный районный комиссар г. Москвы».

Таким образом, на основании этих свидетельских показаний, официально на уровне Министерства обороны СССР, фронтовая судьба Ю.В. Кондратюка на сегодняшний день в последней инстанции формулируется сейчас так:

«*Юрий Васильевич Кондратюк, 1900 г. рождения, доброволец народного ополчения Москвы, командир отделения взвода связи 1 батальона 1281 стрелкового полка 60 стрелковой дивизии 3 армии. Погиб между 22 и 25 февраля 1942 года на территории Кривцовского плацдарма Болховского района Орловской обл. Могила не указана*».



ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ
АРХИВ
Министерства обороны СССР
13 июля 1993 г.
№ 9/ I5333
142100,г. Подольск Московской области

НАЧАЛЬНИКУ 2 отдела
ЗАПАДНОГО ОКРУЖНОГО ВОЕНКОМАТА
I2I354 г.Москва,ул.Гришина,8.

Сообщаем,что на основании представленного Вами материала в учетные данные отдела внесены изменения и следует правильно считать:
- рядовой I28I стрелкового полка 60 стрелковой дивизии Кондратюк Юрий Васильевич,I900 г.рождения,уроженец г.Луцк,призван в СА Киевским РВК,г.Москвы,погиб 25.02.42г. в дер.Кривцово Болховского р-на.Орловской обл., место захоронения не указано.

Основание: ЦАМО [illegible] т.4 -93г.

Начальник отдела Абрамов

исп.Константинова ан

Справка ЦАМО о гибели от 13.07.93 г.

Такова третья его тайна, тайна фронтовой судьбы в последней инстанции на сегодняшний день. Поиск продолжается. Дверь для уточнения его судьбы открыта. Добро пожаловать, но только не ложь и дезинформация!

Краткая справка:

Борис Иванович Романенко (1912-2010) - сослуживец по конструкторскому бюро и однополчанин Ю.В. Кондратюка, много времени и усилий

потративший на исследование его биографии. Этот увлечение судьбой, своего бывшего руководителя по совместной работе, во многом явилось следствием как профессиональных интересов Бориса Ивановича при работе в ракетно-космической отрасли, так и общего интереса к реактивной технике и космонавтике, начиная с этапов её зарождения (общение с гирдовцами, сотрудничество с реактивной секцией Осоавиахима в 30-х годах). Пройдя путь от техника до ведущего инженера-конструктора-разработчика в НПО «Энергомаш» и НПО им. Лавочкина, он участвовал в разработках реактивных двигателей для самолетов и в создании двигательных установок АМС «Луна», «Марс» и «Венера».

Б.И. Романенко накануне своего 90-летия в созданном им в своей квартире в Химках домашнем музее

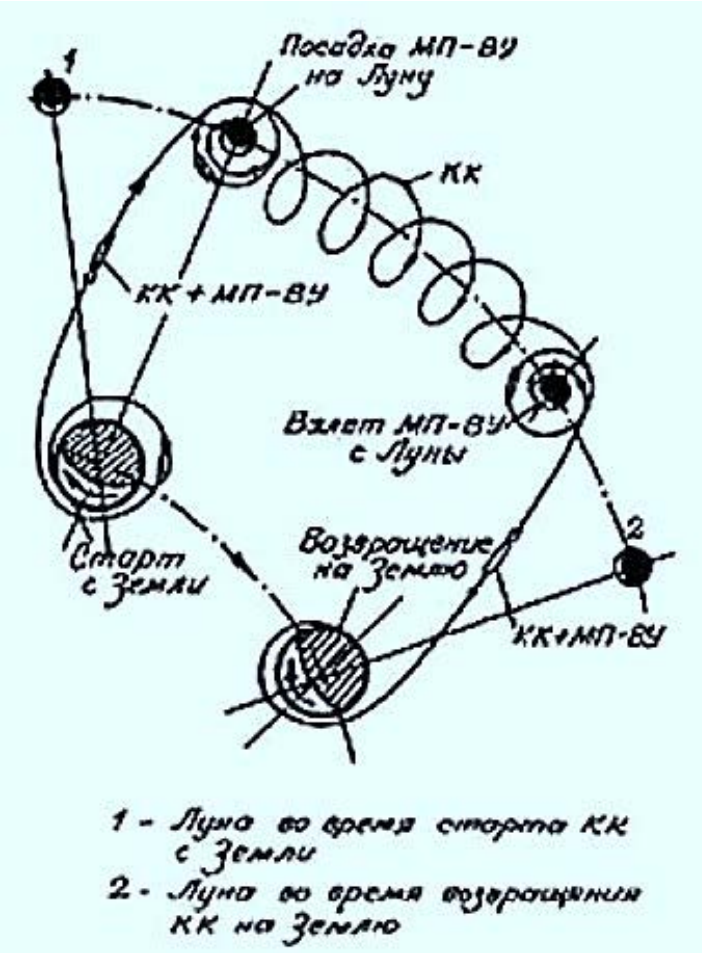
А вот более живая характеристика Романенко: «…*он оказался живым мостиком от Кондратюка-космиста к Кондратюку-ветроэнергетику. А самое главное – был этот человек одержимым. Одержимым в самом благородном и высоком смысле этого слова, клокотала в нём энергия, и гудело жаркое пламя страсти к поиску. Он видел живого Кондратюка. Он работал с ним. И он понял, что не успокоится, пока не узнает правду об этом человеке. Вот он провёл уже не журналистское, а подлинно историческое исследование биографии Кондратюка, потратив на это 33 года жизни: ни одна редакция не может себе позволить такого исследования, да и не всякий журналист за него возьмётся…*»

(Я. Голованов «Потаённый Кондратюк» // газ. «Совершенно секретно»: приложение №8/47, 2014. – С. 10).

Сергей Козлов

От Оби до Оки*

(Ю.В. Кондратюк, 1927-1942 гг.)



"Улиточная трасса" полёта Земля – Луна – Земля Ю.В. Кондратюка: используется малое посадочное взлётное устройство (МП-ВУ), отделяющееся от космического корабля (КК). Кондратюк рассчитал и обосновал целесообразность посадки на Луну по схеме: полет на орбиту Луны, старт МП-ВУ на Луну с орбиты, возвращение на орбиту и стыковка с кораблем, полёт на Землю

Почти 70 лет назад, в феврале 1929 года, Ю.В. Кондратюк издал в Новосибирске, в бывшей типографии «Сибкрайсоюза», свой многолетний научный труд — книгу «Завоевание межпланетных пространств». В этой довольно скромной, но весьма насыщенной формулами и схемами книжке Юрий Васильевич, наряду с К.Э. Циолковским, рассмотрел вопросы достижения человеком космоса и полёта к другим небесным телам, в частности к Луне.

Книга была отпечатана им на собственные сбережения. Она была написана несколькими годами раньше, подготовлена к печати, но из-за волокиты Главнауки, ГИЗа и отказа в ассигнованиях попытка её издания в Москве в 1925-1927 годах окончилась неудачей.

Позже, в 1947 году, когда люди вплотную столкнулись с реальными проблемами выхода в околоземное космическое пространство, книга Ю.В. Кондратюка была переиздана Военгизом и оценена специалистами как классическая. Сам автор, наравне с К.Э. Циолковским, Ф.А. Цандером и другими, был признан одним из пионеров в области разработки космической техники.

---

* Очерк из сб. "В поисках истины": Сб. докум. очерков, рассказов и стихов, посвящённых 100-летию Кондратюка, Новосибирск: Наука, 1997. – С. 119-140

В своей работе Ю.В. Кондратюк, независимо от К.Э. Циолковского, оригинальным методом вывел основные уравнения движения ракеты, дал схему и техническое описание четырёхступенчатой ракеты на кислородно-водородном топливе, камеры сгорания двигателя и системы управления ракетой от гироскопов. Он также предложил использовать сопротивление атмосферы для торможения ракеты при спуске на Землю с целью экономии топлива. Для экономии энергии при полётах к другим небесным телам предлагалось применять предварительный вывод космического корабля на орбиту искусственного спутника, а для посадки человека на их поверхность и возвращения на основной корабль – использовать небольшой взлётно-посадочный аппарат. Именно по такой схеме, по предложению Джона Хуболта, ровно 40 лет спустя после первого издания книги Ю.В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств» в нашем городе, НАСА осуществила полёт американских астронавтов на Луну на космическом корабле «Аполлон-11»**.

Кондратюк также предложил использовать гравитационные поля встречных небесных тел для доразгона или торможения космических аппаратов при полётах в Солнечной системе. Им рассматривалось и использование солнечной энергии с помощью зеркал-концентраторов для нужд космического корабля, освещения поверхности планет, изменения их климата, межпланетной связи и т. д. Действительно, по мере развития космонавтики многие технические решения и предложения Ю.В. Кондратюка по ракетодинамике, ракетостроению и другим направлениям все шире используются на практике.

Ю.В. Кондратюк жил в Новосибирске с августа 1927 по февраль 1933 года. До конца 1927 года он работал в Сибирской краевой конторе акционерного общества «Хлебопродукт», а позднее, до 30 июля 1930 года — в Сибирской конторе смешанного акционерного общества «Хлебострой», выполняя в обеих организациях работы по строительству и механизации складов и элеваторов зерна.

30 июля 1930 года Ю.В. Кондратюк был арестован ПП ОГПУ (Полномочным представительством Особого государственного политического управления. – *Ред.)* по обвинению во вредительстве и до мая следующего года находился в тюрьме. 10 мая 1931 года его осудили на три года исправительно-трудовых лагерей, а 18 ноября того же года этот приговор был заменен высылкой через ПП ОГПУ на оставшийся срок для работ на предприятиях «Союзхлеба» и «Хлебостроя».

В связи с Постановлением ВСНХ о резком увеличении угледобычи в Кузбассе по ходатайству «Кузбассшахтостроя» в Новосибирске было организовано специальное Бюро № 14 по проектированию угольных предприятий, куда привлекались для работы высланные и ссыльные

** См. Рыбников В. «Кто вы, гениальный предтеча американских покорителей Луны?», С.52-66

специалисты. В числе таких оказался и Юрий Васильевич Кондратюк. Согласно его «Личному листку» в Бюро № 14 он проработал с июня 1931 до августа 1932 года. Затем два месяца трудился в «Союзмуке», а с октября 1932 года по февраль 1933 года – в «Запсибэнерго».

Ещё в Бюро № 14 Ю.В. Кондратюк ознакомился с условиями конкурса на эскизное проектирование мощной Крымской ветроэлектростанции (ВЭС), объявленного Наркомтяжпромом. Желание включиться в конкурс как раз и послужило причиной поиска благоприятных для этого условий вначале в «Союзмуке», а затем — в «Запсибэнерго». Работа по проектированию ВЭС была начата им в «Союзмуке». Он выполнил её в соавторстве с П.К. Горчаковым с привлечением Н.В. Никитина, инженера строительного отдела ПП ОГПУ, будущего автора московской Останкинской телебашни. Эскизное проектирование ВЭС было завершено в ноябре 1932 года. По разрешению ПП ОГПУ Ю.В. Кондратюк доставил готовый проект в Москву для экспертизы в Центроэнергострое Главэнерго и в декабре 1932 года возвратился обратно в Новосибирск.

При рассмотрении проекта ВЭС экспертами потребовалось присутствие в Москве самих авторов. По запросу Наркомтяжпрома 12 февраля 1933 года ПП ОГПУ по Сибкраю выдало Ю.В. Кондратюку и П.К. Горчакову разрешение на их выезд в Москву. В связи с затягиванием проведения экспертизы проекта до мая 1933 года ПП ОГПУ, по ходатайству Главэнерго, дважды продлевало авторам своё разрешение. Во время пребывания Кондратюка и Горчакова в Москве коллегия ОГПУ, по настоятельной просьбе Наркомтяжпрома, вынесла постановление от 27 апреля 1933 года о досрочном освобождении Кондратюка и Горчакова от высылки в Сибирь. После появления этого постановления Кондратюк, покинувший Новосибирск ещё в феврале, не счёл нужным вернуться обратно. В мае месяце, получив направление Наркомтяжпрома, вместе с П.К. Горчаковым он выехал в город Харьков в Институт промэнергетики для работ по проектированию мощной ветроэлектростанции.

На конкурсе проект ВЭС Ю.В. Кондратюка и его соавтора был признан лучшим. В составе группы проектировщиков, включая приглашённого им Н.В. Никитина, Юрий Васильевич в июле 1933 года приступил к разработке технического проекта мощной ВЭС. Проект станции был завершён в феврале 1934 года. Ю.В. Кондратюк вместе с группой основных проектировщиков выехал в Москву для согласования технических решений проекта и выпуска рабочих чертежей ветроэлектростанции.

В 1937 году на горе Ай-Петри в Крыму по подготовленным рабочим чертежам началось строительство фундамента ВЭС. В феврале этого года покончил с собой инициатор создания мощных ВЭС Серго Орджоникидзе,

нарком Тяжелой промышленности СССР. Уже в 1938 году Главэнерго приняло решение о прекращении проектирования и строительства мощных ветроэлектростанций. Как вспоминал позднее Н.В. Никитин, это решение Главэнерго нанесло Ю.В. Кондратюку большой удар.

На самом деле все научные и инженерные разработки Юрия Васильевича, отличавшиеся большим значением и актуальностью, должную оценку получили только спустя десятилетия. Так, в октябре 1928 года, подготавливая к печати в Новосибирске свой девятилетний труд по проблемам освоения космического пространства, он во втором предисловии к книге отметил, что предложенные им решения (по ракетной технике. — *Ред.)* могут быть реализованы уже на достигнутом тогда уровне развития техники, особенно американцами, если будет проявлена должная инициатива и понято практическое значение решаемой задачи. Однако современники не реализовали имевшийся потенциал в реальных конструкциях, и первый искусственный спутник Земли был выведен на орбиту только через тридцать лет. Ещё более близким к реализации был проект строительства мощной Крымской ВЭС по проекту Ю.В. Кондратюка, на который он затратил около шести лет своего вдохновенного творческого труда. Проектная мощность его ВЭС составляла около 12 тысяч киловатт и в два раза превышала мощность нашей первой опытной атомной электростанции. Уже после сооружения фундамента, вопреки желанию авторов, строительство Крымской ВЭС было прекращено. С 1938 года в Проектно- экспериментальной конторе ветроэлектростанций (ПЭК ВЭС) треста «Волгоэлектросетьстрой» Кондратюк занимался проектированием опытных образцов малых ВЭС. Однако в связи с началом Великой Отечественной войны их строительство в Подмосковье также не было завершено.

Уже в нынешние дни, спустя полвека после одиссеи Юрия Васильевича с ВЭС, человечество вновь возвращается к идее использования экологически безопасной энергии ветра. В ряде стран ветроэлектростанции давно эксплуатируются успешно и приносят людям ощутимую пользу.

Личная жизнь Ю.В. Кондратюка, по разным причинам, долгое время не складывалась. Изменение внесла Москва. Здесь он встретился с Галиной Павловной Плетневой. Они полюбили друг друга и вступили в гражданский брак. Впервые после далёкого сиротского детства Юрий Васильевич обрёл семейный уют и почувствовал внимание и тепло любимой женщины. Круг его родных и близких заметно расширился. Они с женой часто навещали маму и родственников Галины Павловны, проживавших в посёлке Протва под Москвой.

К несчастью, новый семейный ритм жизни нарушился вскоре после начала Великой Отечественной войны. 4 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление

«О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии Народного ополчения». Уже к 6 июля из отобранных добровольцев в Москве было сформировано 12 ополченческих дивизий общей численностью около 120 тысяч человек.

В числе многих сотрудников ПЭКВЭС Ю.В. Кондратюк записался добровольцем и 6 июля к 10.00 прибыл на сборный пункт 21-й дивизии Народного ополчения (дно) Киевского района столицы. Его зачислили рядовым телефонистом роты связи 62-го стрелкового полка (сп) дивизии. На следующий день он простился с Галиной Павловной, не сознавая, что они расстаются навсегда.

В ночь на 8 июля Ю.В. Кондратюк в походном строю 62-го полка 21-й дивизии Народного ополчения по Минскому шоссе вышел в район Можайска. Здесь дивизия вошла в состав 33-й армии и приступила к боевой подготовке личного состава и оборудованию опорных пунктов Можайской линии обороны Москвы. 31 июля 1941 года дивизию передислоцировали в район города Спас-Деменск, на линию населенных пунктов Лубенки – Верхуличи.

В начале августа все дивизии Народного ополчения были включены в состав 32, 33 и 24-й армий вновь сформированного Резервного фронта и сосредоточены в тылу действующих войск, западнее железной дороги Ржев - Вязьма - Людиново, на оборонительном рубеже от верхнего течения Днепра до верхнего течения Десны. В ночь на 27 августа 21-я дивизия была передислоцирована на левый фланг 33-й армии к западу от города Кирова на рубеж обороны ст. Погребки - деревня Дубровка - деревня Вороненка, южнее станции Фаянсовая железной дороги Рославль - Киров.

В сентябре 1941 года все дивизии Народного ополчения были переформированы по штатам регулярных войск и у большинства из них сменилась нумерация. 62-й сп стал 1313-м сп, а 21-я ополченческая дивизия — 173-й стрелковой дивизией. Весь сентябрь части 173-й сд 33-й армии готовили рубежи обороны, занимались дооборудованием опорных пунктов. По левобережью Десны в 10-15 километрах западнее переднего края дивизии проходила полоса обороны войск 43-й армии Резервного фронта.

Генеральное наступление немецко-фашистских войск на Москву началось 30 сентября 1941 года со стороны Шостки мощным ударом по левому флангу войск Брянского фронта. 2 октября основные группы армий «Центр» обрушились из районов Рославля и Духовщины на позиции войск 50-й армии и шести армий Резервного и Западного фронтов. Превосходство противника в полосе обороны 43 и 24-й армий Резервного фронта составляло: в людях — в 3,2 раза, в артиллерии — в 7 раз, в танках — в 8,5 раз.

По докладам командования и свидетельствам участников первого боя 173-й сд, боевые действия в полосе обороны дивизии начались 2—3 октября 1941 года. 2 октября на стыке Брянского и Резервного фронтов противник прорвался через реку Десну. Войска 50 и 43-й армий этих фронтов начали отход. К 18.00 перед передним краем правого фланга 173-й сд появились обозы тыловых частей 217-й сд и разрозненные подразделения вышедшего из боя 766-го сп, строительные батальоны и подводы с гражданским населением.

С 9.00 3 октября немецкая авиация группами по 6-9 самолётов бомбила боевые порядки 173-й сд. Крупные силы танков прорвали оборону соседней справа 17-й сд и разгромили штаб 33-й армии. Войска, в том числе и 173-я сд, остались без управления. В 13.00 пехота противника атаковала передний край дивизии по всему фронту. 1315-й сп и основные силы артполка вели бои в районе населённых пунктов Дубровка, Зимницы и Лужница, 1311-й сп — в районе Зимницкие хутора, Погребки и хутор Засецкий. 1313-й сп, выдвинутый из второго эшелона дивизии, 464-й отдельный саперный батальон, полковые батареи и часть артполка сражались в районе хутора Засецкий и деревень Большие и Малые Савки, прикрывая собой железную дорогу Рославль - Киров и оборону самого города Кирова.

Схема района боевых действий 21-й ДНО в начале октября 1941 г.

Авиация противника действовала с небольших высот. Хутор Засецкий несколько раз переходил из рук в руки.

Майор П.Т. Дуб, командир 1313-го сп, ввёл в бой 1-й и 2-й стрелковые батальоны. 1-й сб под ураганным огнём выбил противника из хутора Засецкий и освободил 19 наших бойцов, захваченных в плен, но под давлением превосходящих сил немцев оставил хутор. При отходе автомашина с рацией, связывавшей батальон с командным пунктом (КП) полка, застряла на заболоченном участке, и радист Антошечкин, бывший сослуживец Ю.В. Кондратюка по ПЭКВЭС, был взят в плен.

3-й сб сдерживал натиск противника на рубеже хутор Засецкий — деревня Б. Савки, а 464-й отдельный сапёрный батальон прикрывал эту деревню и автодорогу на город Киров. Под ураганным артиллерийско-миномётным огнём и интенсивным обстрелом пикирующих бомбардировщиков 3-й сб стойко сдерживал натиск противника и трижды переходил в контратаки. На линии проводной связи батальона с КП 1313-го сп боевое дежурство нёс Ю.В. Кондратюк.

Жестокий бой продолжался до вечерних сумерек. 3-й батальон был уничтожен почти полностью. Н. Пашкова, сандружинница-ополченка 21-й дивизии, позже вспоминала: «...ночью, выстроив всех, кто остался от батальона, командир приказал небольшими группами двигаться на восток. Отступление прикрывалось отрядами добровольцев...».

Отступавшие после боя отдельные группы солдат и разрозненные подразделения частей 173-й сд образовали колонну из 600-700 человек. Не имея связи со штабами частей, колонна отделилась от основных сил дивизии, миновала Людиново и ушла на восток, в сторону города Белёва. 10-12 октября она вышла в район города Чехова, севернее Серпухова. С этой колонной вышло и несколько однополчан Юрия Васильевича по роте связи 1313-го полка, в их числе Н.Н. Смирнов и А.П. Валенков, его сослуживцы по ПЭКВЭС.

Смирнов и Валенков были самокатчиками и в бою 3 октября не участвовали. Об отступлении дивизии они узнали от бойцов заградотряда, прочёсывавших блиндажи и землянки 1313-го сп, располагавшиеся в лесу восточнее населённого пункта Барсуки.

Спустя многие годы после войны Н.Н. Смирнов поделился воспоминаниями о встречах с Ю.В. Кондратюком с его биографами. Он рассказал им, что, будучи в районе города Чехова, слышал от участника первого боя 173-й дивизии о Кондратюке, который во время боя «упал и больше не поднимался». Все слышавшие это сообщение пришли к заключению, что Юрий Васильевич погиб. Такой вывод, по их мнению, подтверждался отсутствием Кондратюка среди вышедших под Чехов однополчан. Некоторые биографы Ю.В. Кондратюка эти воспоминания Н.Н. Смирнова приняли за истину. Уже в 1980 году один из них через

Киевский райвоенкомат Москвы направил в Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) сообщение о гибели Ю.В. Кондратюка в начале октября 1941 года. После этого, на основании данного сообщения, по всем запросам ЦАМО начал выдавать справки следующего содержания: «...рядовой Кондратюк Юрий Васильевич, 1900 г. рождения, уроженец г. Луцка... пропал без вести в октябре 1941 г.»

Досадно, что до сего времени биографы Ю.В. Кондратюка не ознакомились с документами комиссии академика А.А. Благонравова, хранящимися в архиве Института истории естествознания и техники (ИИЕиТ) Российской Академии наук с 1960-х годов. Академик А.А. Благонравов в те годы был председателем Секции истории авиации и космонавтики при Советском национальном объединении истории естествознания и техники. Возглавляемая им комиссия готовила к печати монографию «Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк. Избранные труды», которая вышла из печати в Москве в издательстве «Наука» в 1964 году. В этом издании, а на его основании и в «Большой Советской энциклопедии» 1973 года, основываясь на собранных и изученных комиссией А.А. Благонравова биографических материалах Ю.В. Кондратюка, приводились верные сведения:

«Родился 9 (21).6.1897, умер в 1942 г. Место рождения Полтава.»

Этой же комиссией было установлено и подлинное имя Ю.В. Кондратюка — Александр Игнатьевич Шаргей, которое было сменено им в 1921 году. Многие исследователи жизни Ю.В. Кондратюка, не использовав сведения комиссии А.А. Благонравова, засоряли его биографию собственными домыслами. В 1970-х годах В.Н. Сокольский, один из редакторов вышеупомянутой книги о пионерах космонавтики, сообщил, что год смерти Ю.В. Кондратюка (1942 г.) был установлен по показаниям близких ему О.Н. Горчаковой, Б.Н. Воробьева и И.З. Кирьяна. Но месяц и день смерти Юрия Васильевича комиссии тогда установить не удалось. Только последующие годы порадовали биографов Ю.В. Кондратюка новыми открытиями.

В конце 1980-х годов Б.И. Романенко, бывший сослуживец Юрия Васильевича по ПЭКВЭС и однополчанин по 173-й стрелковой дивизии, от родственников Галины Павловны Плетневой получил письма Кондратюка, написанные им уже после октября 1941 года. Вскоре он отыскал в Подольске в ЦАМО ведомости денежного довольствия роты связи 470-го сп 194-й сд за октябрь и ноябрь 1941 года. В этих ведомостях были подлинные росписи Юрия Васильевича, и они свидетельствовали, что после первого боя 173-й сд 3 октября 1941 года он продолжал службу в действующей армии, а не погиб, о чём слышал

Н.Н. Смирнов после выхода с колонной военнослужащих дивизии под город Чехов.

Какой же боевой путь прошел Ю.В. Кондратюк в трагическом октябре 1941 года? Как оказался он в роте связи 470-го сп 194-й сд?

Можно предположить, что после боя 3 октября 1941 года под населённым пунктом Большие Савки Ю.В. Кондратюк вернулся с боевого дежурства в свой 1313-й полк, о чем его однополчане, ушедшие под город Чехов, не могли знать. С наступлением темноты по приказу комдива-173 А.В. Богданова все полки, включая 1313-й, скрытно оторвались от противника в ночь на 4 октября и вышли за речку Болву и Людиновское водохранилище на рубеж населённых пунктов Соломоновка – Гавриловка – Ухобичи – Шепиловка – Носовка.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в послевоенной беседе с писателем Константином Симоновым расценил военную обстановку в октябре 1941 года как самую тяжёлую за весь период Великой Отечественной войны. Положение на фронтах, прикрывавших Москву, складывалось неблагоприятное. 5 октября войска противника уже заняли города Мосальск и Юхнов. Командовавший Резервным фронтом Маршал С.М. Будённый донёс в Ставку, что на левом фланге фронта создалось чрезвычайно тяжёлое положение – нет сил закрыть прорыв противника вдоль Московского шоссе. Фланги 173-й стрелковой дивизии, замыкавшей левый фланг Резервного фронта, были открыты, а связь с 33-й армией нарушена.

В этих условиях 173-я сд 5 октября приняла второй жестокий бой. Механизированные части и танки противника в 14.00 глубоко обошли правый фланг дивизии. Они заняли Гавриловку, отсекли от дивизии 1311-й полк и повели наступление на Ухобичи. Для отражения этого наступления из-под населённого пункта Космачёво был выдвинут 1313-й стрелковый полк, в роте связи которого нёс службу Ю.В. Кондратюк.

Танки противника повернули от Ухобичей к населённому пункту Маклаки, где был развернут полевой госпиталь 501-го медсанбата 173-й сд. Штаб дивизии, потеряв связь с отрезанным 1311-м и левофланговым 1315-м полками, в 17.00 начал отход с группой разрозненных подразделений на Сухиничи.

К этому времени 1315-й полк, потеряв 160 человек убитыми и ранеными, не имея связи со штабом 173-й дивизии, под давлением противника со стороны Людиново также начал отход на Сухиничи. 1313-й полк закончил затяжной оборонительный бой под Ухобичи уже с наступлением темноты и отходил на Сухиничи последним. Танковая группа немцев, прорвавшаяся к населённому пункту Маклаки, совершила бросок к населённым пунктам Зимницы и Печки с целью перекрытия отхода частей 173-й стрелковой дивизии и их окружения.

На линии Сухиничи – Белёв с 3 октября занимали оборону части 49-й армии, выдвинутой Резервным фронтом для прикрытия Калужского и Серпуховского направлений. Район Сухиничей обороняла 194-я дивизия этой армии, сформированная на базе полковых школ и территориальных частей Сибирского военного округа в городе Татарске осенью 1939 года.

Части 173-й сд **[1]**, отходившие с рубежа восточнее Людиновского водохранилища после второго боя 5 октября, у населенных пунктов Зимницы и Печки натолкнулись на заставы противника и после небольших стычек вынуждены были повернуть вместо направления на Сухиничи на юго-восток.

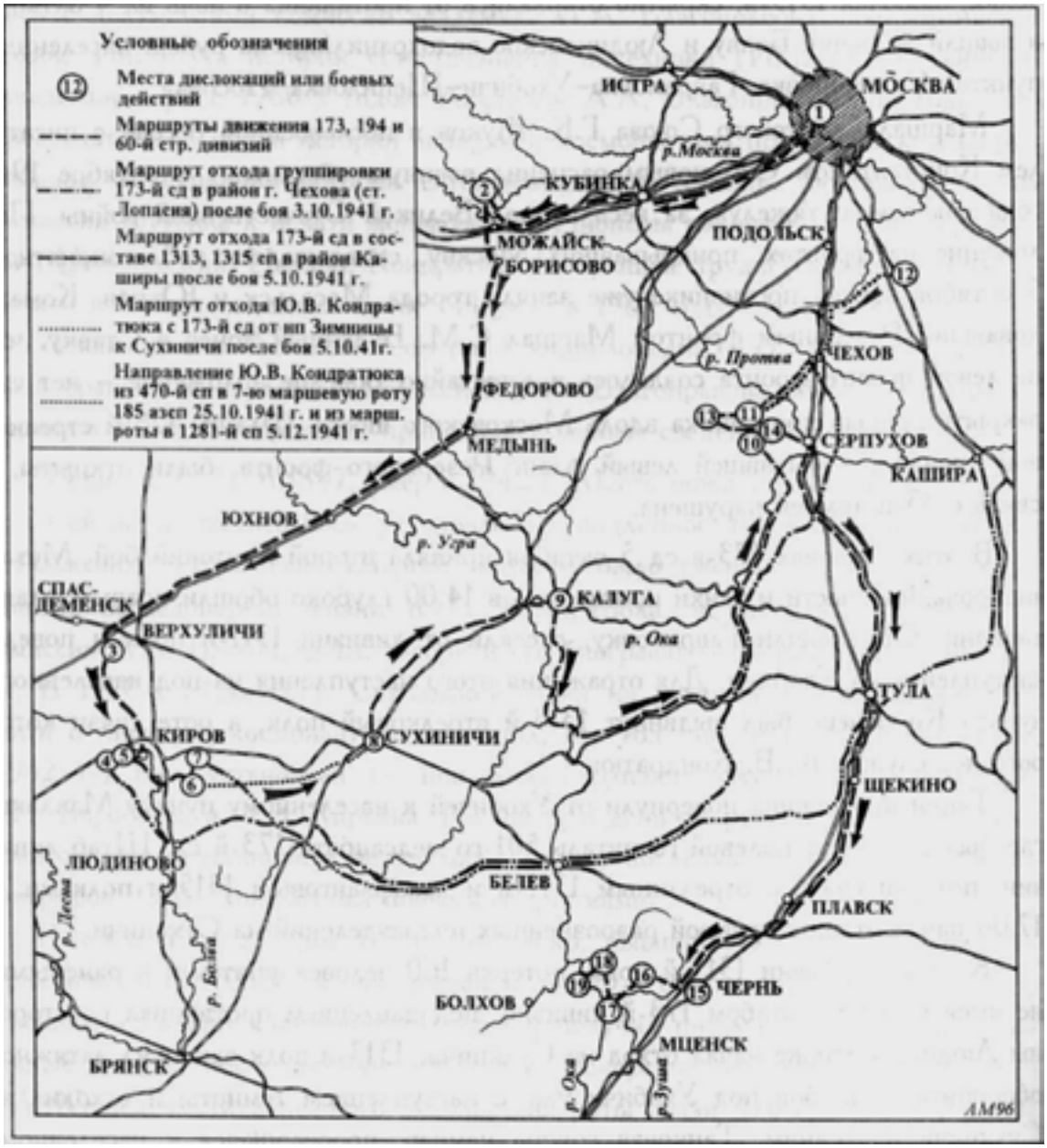


Схема маршрутов передислокаций воинских частей, в которых находился и участвовал в боевых действиях Ю.В. Кондратюк, с июля 1941 года по февраль 1942 года

Пояснения к схеме:

№ поз.	*Дата*	*Населённые пункты*
1	6-8.07. 1941	г. Москва, сборный пункт ополченцев Киевского района
2	9-30.07.1941	Район нас. пункта Прудня под г. Можайском
3	31.07-27.08.1941	Н.п. Лубенки — Верхуличи в районе города Спас-Деменска
.4	28.08-2.10.1941	Н.п. Погребки — Вороненка западнее Кирова
5	3.10.1941	Бой у н.п. Хутор Засецкий - Б. Савки
6	4.10.1941	Отход за реку Болву и Людиновское водохранилище
7	5.10.1941	Бой у н.п. Гавриловка - Ухобичи
8	6.10.1941	Отход от пос. Ухобичи под г. Сухиничи на линию обороны 49-й армии в пополнение 470-го сп 194-й стрелковой дивизии**[4]**
9	8-11.10.1941	Бой на реке Угре у н.п. Карачев под Калугой
10	12-17.10.1941	Отход от Калуги через район Белёва в н.п. Новые Кузменики под г. Серпуховым
11	18.10-25.11.1941	Формирование под Н. Кузменики и линия обороны около н.п. Кременки - Боровня западнее Серпухова
12	25.11-5.12.1941	Район ж.д. станции Белые Столбы, временный военный городок 185-го азсп 49 А
13	5-30.12.1941	Бои общеармейского контрнаступления под Москвой в междуречье рек Боровня и Протва, освобождение г. Высокиничи и н.п. Черная Грязь
14	31.12.41-30.01.42	Район н.п. Шатово северо-западнее города Серпухова, отдых и переформирование
15	1-4.02.1942	Переброска через ж.д. станцию Серпухова в район ж.д. станции Чернь из 49 А в 3 А
16	5-7.02.1942	Нас. пункты Овсянниково — Каратеево
17	8-12.02.1942	Бой за н.п. Шашкино в междуречье Ока – Зуша **[6]**
18	13-15.02.1942	Марш от н.п. Троицкое в Малые Голубочки
19	16-25.02.1942	Бои за Кривцовский плацдарм на «Орловском выступе», место предполагаемой гибели Ю.В. Кондратюка

8 октября они добрались до района Холмищи – Медынцево. С 9 октября остатки 173-й дивизии вышли в полосу отхода войск Брянского фронта и стали обороняться у населённого пункта Ульяново и города Белёв. После боя на пути к городу Щёкино дивизия исчерпала свои последние возможности и 4 ноября 1941 года была выведена в район Каширы для отдыха и пополнения. Среди вышедших к Кашире Ю.В. Кондратюка не было**[2]**.

5 октября 1313-й полк отходил в арьергарде 173-й дивизии. После стычки с немецкой заставой у Зимницы и Печки полк повернул на юго-восток. Происходило это в темноте и в залесенной местности, где кроме автомобильных были полупроезжие гужевые дороги и лесные тропы. Замыкавшая отход 1313-го полка группа солдат-связистов, в которой, по всей вероятности, был и Ю.В. Кондратюк, потеряв ориентировку, оторвалась от полка и по лесной дороге, минуя немецкие посты, удалилась в направлении Сухиничей. 6 октября эта группа вышла к рубежу обороны правофланговой 194-й стрелковой дивизии 49-й армии Резервного фронта **[3]** и была направлена в роту связи 470-го сп **[4]** .

К 8 октября, под давлением 11-го корпуса немцев, 194-я дивизия отошла под Калугу и заняла оборону по левому берегу речки Угры. Здесь, в северном предместье Калуги у Карачевской птицефабрики, 194-я сд 10-11 октября вела бои в окружении, из которого сумела вырваться в район города Белёва, контролируемого 49-й армией, 12 октября. В последующие шесть дней дивизия совершила марш-бросок из-под Белёва в район города Серпухова **[5]** и сосредоточилась в местечке Новые Кузменики. (Здесь автор, скорее всего, путает данную 3-ю группу 194-й сд, после обороны Калуги прорывавшейся с 12.10.41 по 17.10.41 с боями к Серпухову, со 2-й группой этой же дивизии, из-под Сухиничей вышедшей к Козельску, а затем к Белёву – см. комментарий **[3]** – к тому же Белёв контролировался 50-й армией – *В.Р.*)

Связист и три бойца

После октябрьских боев из 11 дивизий Народного ополчения Москвы, входивших в состав Резервного фронта, в Подмосковье вышли не более четырёх обескровленных дивизий. От остальных дивизий вырвались из окружения только мелкие разрозненные группы.

Под Серпуховым, по решению командования

Западного фронта, в 194-ю стрелковую дивизию была влита крупная группа бойцов 173-й сд, вышедшая после первого боя дивизии 3 октября 1941 года из-под Кирова в район города Чехова. Личный состав роты связи 470-го полка 194-й дивизии, согласно сохранившемуся раздаточному листку, к концу октября состоял из 34 военнослужащих, в том числе — 16 ополченцев. Среди последних оказались два сослуживца по ПЭКВЭС и однополчанина по роте связи 173-й стрелковой дивизии. Ими были Ю.В. Кондратюк и А.П. Валенков. К этому времени Н.Н. Смирнов был откомандирован в 1-й отдел 194-й дивизии и о встрече своих однополчан осведомлен не был. К середине ноября рота связи была пополнена до 47 военнослужащих.

Карта расположения полков 60-й сд и 194 сд у Серпухова

В начале третьей декады октября в состав 49-й армии была передана вновь сформированная 60-я стрелковая дивизия, куда в основном входили вышедшие мелкими группами из окружения ополченцы. Она заняла оборону на левом фланге 49-й армии по линии населённых пунктов Волковское – Троицкое – Нижняя Вязовня в Правобережье Протвы. Правофланговым соседом 60-й дивизии была 415-я сд 49-й армии. После пополнения 194-я дивизия заняла оборону во втором эшелоне 49-й армии на линии населённый пункт Кременки – речка Боровня, в двух километрах восточнее переднего края и в 13 километрах западнее Серпухова. 26 октября 470-й полк 194-й дивизии совместно с 1285-м полком 60-й дивизии участвовал в оборонительном бое на рубеже населённого пункта Нижняя Вязовня. После этого упорного боя, под угрозой окружения, части 60-й стрелковой дивизии отошли за речку Боровня, а остальные подразделения 49-й армии – в район Протвино.

13 ноября противник перешел в наступление и занял населённые пункты Екатериновка и Набатово, в 14 километрах от Серпухова. 26 и 28 ноября немцы снова пытались вести наступление на наши позиции, но безуспешно. Хотя сражение за Серпухов продолжалось с

неослабевающей силой с середины октября, противнику так и не удалось преодолеть оборону этого города.

В связи с подготовкой Ставкой Верховного главнокомандования контрнаступления советских войск под Москвой армии Западного фронта усиленно готовили резервы. В 49-й армии был сформирован 185-й армейский запасной стрелковый полк (азсп), который дислоцировался в районе железнодорожной станции Белые Столбы на линии Москва - Кашира.

В конце ноября, когда фронт под Серпуховым стабилизировался, Ю.В. Кондратюк из роты связи 470-го сп был направлен в запасной полк и зачислен в его 7-ю маршевую роту. 5 декабря он был переведен из 185-го азсп в 60-ю стрелковую дивизию 49-й армии в район населённых пунктов Синятино - Малеево, где его назначили командиром отделения взвода связи 1-го стрелкового батальона 1281-го полка. В то время в состав 60-й сд входили 1281, 1283 и 1285-й стрелковые полки, 491-й медсанбат, полевая почтовая станция ППС-968, другие части и подразделения. В этой дивизии Ю.В. Кондратюк участвовал в контрнаступлении советских войск под Москвой, взятии города Высокиничи и населённого пункта Чёрная Грязь, находившихся под оккупацией немцев с 16 октября. Именно вблизи Чёрной Грязи в поселке Протва жили в оккупации мама и родственники его жены Г.П. Плетневой, но побывать у них Юрий Васильевич так и не смог.

31 декабря 1941 года 60-я стрелковая дивизия была отведена в резерв фронта для доукомплектования и обучения личного состава в тыл под Шатово, в 8 километрах северо-западней Серпухова. Доукомплектование дивизии было закончено к 30 января 1942 года, и её через железнодорожную станцию Серпухов к 4 февраля перебросили эшелонами в пункт сосредоточения в районе станции Чернь на юге Тульской области. Дивизия поступила в распоряжение командования 3-й армии вновь сформированного Брянского фронта.

Брянский фронт в составе 13, 3 и 61-й армий проводил наступательные операции на Орловском и Курском направлениях, содействуя войскам Западного фронта в разгроме южного крыла немецких армий «Центр». 3-я армия занимала полосу обороны в центре Брянского фронта на так называемом «Орловском выступе», по правобережью рек Оки и Зуши. В целях ликвидации «выступа», создававшего постоянную угрозу левому флангу войск Западного фронта, 3-я армия готовилась провести с начала февраля всеармейское наступление на города Орёл и Болхов. Упреждающий удар на Болховском направлении должна была нанести 60-я стрелковая дивизия**[6]**.

Части 60-й сд к 8 февраля выдвинулись к населённым пунктам Троицкое, Снежедь, Миново и другим вблизи устья реки Снеждь. С 9 по

12 февраля они провели бои за населённый пункт Шашкино, расположенный на стрелке междуречья Оки и Зуши, но овладеть этим важным стратегическим пунктом обороны немцев не смогли **[7]**. После этого командование 60-й дивизии приняло решение вести наступление на Болхов через населённый пункт Кривцово, находившийся на левом берегу Оки в 16 километрах восточнее Болхова и связанный с ним автодорогой**[8]**. Полки дивизии за 14 и 15 февраля совершили марши в новые пункты сосредоточения:

– 1281-й сп, в составе которого находился Ю.В. Кондратюк, – в населённый пункт Малые Голубочки в устьевой части речки Исты;

– 1283-й сп – в Средние Ростоки, в четырех километрах к югу от Малых Голубочков, на правом берегу Оки;

– 1285-й сп и командный пункт 60-й стрелковой дивизии – в Стрикино, в восьми километрах от устья Исты, во второй эшелон;

– 491-й медсанбат – в район населённого пункта Хлопово, в километре от Стрикино.

Батальоны 1281-го полка начали наступление на Кривцово 16 февраля, а 1283-й полк – 19 февраля. С 19 февраля наступление обоих полков поддерживали и батальоны 1285-го полка. Бои за Кривцово продолжались 24 дня и шли в два этапа: первый этап – с 16 февраля по 4 марта; второй – с 12 по 19 марта 1942 года. Подготовка частей дивизии ко второму этапу боев за населённый пункт Кривцово проводилась в районе Малых и Больших Голубочков с 5 по 11 марта.

Взять Кривцово 60-я дивизия не смогла. Удалось занять только узкую приречную полосу Левобережья Оки от населённого пункта Ветринцы (Бедринцы, находились севернее Крутогорья – *Ред.*) до Кривцовских выселок с недостроенными блиндажами на переднем крае обороны немцев – так называемый Кривцовский плацдарм. Генерал-лейтенант П.И. Батов, командующий 3-й армией Брянского фронта, объяснял провал наступления тем, что «*противник создал глубоко эшелонированную оборону. Все попытки сбить фашистские войска с этих рубежей не имели успеха: у нас ещё не хватало сил и технических средств*». К этому следует добавить, что позиции немцев господствовали над нашими. Рельеф местности Левобережья был выше правобережного на 60 метров. Он позволял немцам контролировать действия войск 60-й дивизии и наносить им упреждающие удары.

После безуспешного наступления 20-23 марта, полки 60-й сд были отведены из-под Кривцово к райцентру Чернь для отдыха и доукомплектования. Они находились там до конца марта 1942 года. Оборону под Кривцово заняли части другой дивизии. 60-я дивизия не сдавала Кривцовский плацдарм, о чём засвидетельствовал комдив, Герой Советского Союза М.А. Зашибалов, в стенограмме беседы от 20

ноября 1943 года, состоявшейся во время его лечения в Центральном госпитале в Москве.

Ещё на первом этапе боев за овладение населённым пунктом Кривцово взвод связи 1-го стрелкового батальона 1281-го полка, где Ю.В. Кондратюк был командиром отделения связистов, понёс большие потери.

Схема района боевых действий 1281-го стрелкового полка 60-й дивизии на Брянском фронте в феврале-марте 1942 года

Из семи бойцов его отделения уже к 22 февраля выбыло из строя убитыми и ранеными больше половины. В этих условиях Кондратюк сам нёс боевое дежурство на линии связи батальона, наступавшего на правом фланге 1281-го полка. По-видимому, здесь шли наиболее

упорные бои за выход к Кривцово со стороны долины речки Нугрь, то есть в обход фронтальной обороны немцев. Ю.В. Кондратюк мог погибнуть здесь. Не исключено, что укрепления противника переходили из рук в руки, и павший Кондратюк мог оказаться при одной из контратак немцев на их позициях и быть захороненным ими в одной из многочисленных воронок. Только этим и выбытием из строя командного состава 1-го батальона 1281-го стрелкового полка можно объяснить, почему Ю.В. Кондратюка не оказалось в списках безвозвратных потерь 60-й дивизии ни в числе убитых и тяжело раненых, ни в числе пропавших без вести. Таких записей и рапортов в тех условиях просто некому было сделать.

Галину Павловну Плетневу, проживавшую в эвакуации в Уфе, сильно встревожило 16 марта 1942 года. В этот день к ней вернулась обратно почтовая открытка к Юрию Васильевичу, отправленная ею ещё 4 февраля в ответ на его письмо от 2 января 1942 года. На открытке она прочла надпись «*Доставка невозможна*», сделанную, вероятно, на полевой почтовой станции 60-й стрелковой дивизии в конце февраля - в начале марта, когда 1-й батальон 1281-го сп вёл боевые действия на Кривцовском плацдарме. Теплые слова Галины Павловны «*Родной мой Юрочка!*», обращённые к Юрию Васильевичу в её последней краткой весточке, Кондратюку уже не суждено было прочесть. Долгие годы она ждала его и безуспешно искала, храня до конца своей жизни его последнее фронтовое письмо с ласковыми, душевными и ободряющими словами: «*Дорогая моя Галушенька!... Со мной, как всегда, всё благополучно... Крепко, крепко целую и жду письма*».

Многолетняя кровопролитная и изнурительная война разрушила множество семейных очагов, лишила тепла и крова многих искалеченных и больных фронтовиков. Такого обездоленного инвалида в коляске встретила на своем пути и Г.П. Плетнёва, сполна познавшая горечь утраты любимого, и решила стать его женой. В 1979 году она скончалась, прожив свою нелегкую подвижническую жизнь...

После войны биографам Ю.В. Кондратюка удалось высветить многие неясные моменты прожитой им жизни, в том числе и его брачные отношения с Г.П. Плетнёвой, но никому из них до сих пор не удалось документально установить дату гибели и место захоронения Юрия Васильевича. Борис Иванович Романенко, горячий поклонник и биограф Ю.В. Кондратюка, его сослуживец по ПЭКВЭС и однополчанин по 173-й стрелковой дивизии, из отысканных им в ЦАМО расчётных ведомостей на выдачу денежного довольствия личному составу взвода связи 1-го батальона 1281-го полка выяснил, что Юрий Васильевич получил денежное довольствие только за январь 1942 года. В февральской ведомости фамилии Ю.В. Кондратюка уже не оказалось. Б.И. Романенко

удалось отыскать в Москве С.К. Дергунова, бывшего солдата взвода связи, указанного в найденной расчётной ведомости.

Из документов, хранящихся в ЦАМО (г. Подольск), достоверно известно, что:

– до конца января 1942 года Ю.В. Кондратюк командовал отделением взвода связи 1-го стрелкового батальона 1281-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии 49-й армии Западного фронта;

– к 4 февраля 1942 года 60-я сд была переброшена с Западного на Брянский фронт в распоряжение командования 3-й армии;

DER BUNDESMINISTER DES INNERN

V II 6 - 133 700 II

681-3737 -3760

25. September 1991

Herrn
Sergej Alexandrowitsch Koslow
630132 Nowosibirsk
ul. Tscheljuskinzew 26, kw. 81

UDSSR

Betr.: Auskunftsersuchen zum Verbleib fremdländischer Kriegsteilnehmer im 2. Weltkrieg

Sehr geehrter Herr Koslow!

Ihr Schreiben vom 9. Juni 1991 ist von Bundeskanzleramt zuständigkeitshalber an mich weitergeleitet worden.

Ich bedaure, Ihnen mitteilen zu müssen, daß mir auch nach Anfrage bei der Auskunftsstelle "Deutsche Dienststelle - (WASt) -" in W-1000 Berlin - keine Erkenntnisse oder Unterlagen vorliegen, die eine Beantwortung Ihrer Fragen ermöglichen würden.

Mit freundlichen Grüßen
In Auftrag

Dr. Schneider

Ответ Федерального МВД Германии

– 1281-й стрелковый полк 16 февраля 1942 года начал наступление с исходной позиции в Малых Голубочках на Болхов через населённый пункт Кривцово.

Кроме этого, получены:

– письменное свидетельство Дергунова Сергея Кирилловича, бывшего солдата отделения Кондратюка Ю.В. из взвода связи 1-го батальона 1281-го стрелкового полка, раненного в бою под населённым пунктом Кривцово 22 февраля 1942 года, о том, что через 2-3 дня по прибытии в полевой госпиталь 60-й сд он узнал от однополчанина, раненного позже, о гибели Кондратюка 24-25 февраля 1942 года (на самом деле из этого документа следует, что Юрий Васильевич мог погибнуть 22 или 23 февраля, а 24-25 числа Дергунов встречался с раненым бойцом. – Ред.);

– ответ Федерального Министерства внутренних дел Германии от 25 сентября 1991 года на запрос Новосибирского научно-мемориального центра им. Ю.В. Кондратюка о том, что Кондратюка Юрия Васильевича среди пленных Второй мировой войны не было, так как никаких данных или документов о его пребывании в Германии, как участника этой войны, не имеется.

С марта 1942 года, то есть с момента возвращения полевой почтовой станцией 60-й сд в Уфу февральского письма Г.П. Плетнёвой Юрию

Васильевичу Кондратюку, никаких документов или свидетельств, подтверждающих его гибель, ранение, пленение или пропажу без вести, не найдено. Нет данных и о том, что он пережил войну и остался жив. В частности, в сохранившихся списках безвозвратных потерь 60-й сд за февраль-март 1942 года, хранящихся в фонде Управления этой дивизии в ЦАМО, имя Ю.В. Кондратюка не значится.

Возможно, что-нибудь может прояснить поиск его имени в общей картотеке безвозвратных потерь Советской Армии за 1941-1945 годы. При отсутствии сведений о Ю.В. Кондратюке и в этой картотеке можно попытаться проверить ход боевых действий всех подразделений 1281-го стрелкового полка под Кривцово с 16 февраля по 4 марта 1942 года (ЦАМО, ф. 1182, оп. 1, д. 35, л. 7-31; ф. 1187, оп. 1, д. 35, л. 6-27 и другие), а также все донесения командования 60-й сд за февраль-март 1942 года (ЦАМО, фонд Управления 3-й армии Брянского фронта). Может быгь, эти документы помогут определить истинную дату и место гибели Ю.В. Кондратюка.

Что-то может прояснить и тщательное повторное изучение всех материалов комиссии академика А.А. Благонравова, работавшей в начале 60-х годов в связи с подготовкой к изданию книги «Пионеры космической техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк».

Выяснению этих вопросов могут помочь и специальные поисковые экспедиции в места захоронения павших на Кривцовском плацдарме воинов. Первая попытка такого поиска была предпринята в 1995 году силами поискового отряда «Десант» отдела по делам молодежи администрации Заельцовского района города Новосибирска...

Февраль 1994 – май 1995 гг.

Комментарии к очерку С.А. Козлова

[1] В эти части под командованием комдива А.В. Богданова входил основной костяк 173-й сд : части 1313-го сп, 1315-го сп, сапёрный батальон, заградотряд, комендантский взвод и др. подразделения, штаб и политотдел дивизии. После пополнения в Кашире в ноябре 1941 года части дивизии принимали участие в оборонительных боях у городов Тула, Венёв и Кашира. Участвуя в контрнаступлении Красной Армии в декабре 1941 года, дивизия освободила города Венёв и Алексин Тульской области. Удивительно, что части этой бывшей ополченческой дивизии (после Сталинграда преобразованной в 77-ю гвардейскую дивизию), в которой Ю.В. Кондратюк принял свой первый бой в 1941 г., уже в 1943 году, наконец, освободили то место, на котором он сложил свою голову;

[2] В ходе первых боёв октября 1941 года 173-я сд оказалась в катастрофическом положении. Из-за тяжёлых боёв под Кировом и Ухобичами командованию дивизии не удалось своевременно осуществить организованный отход, что привело к полуокружению дивизии. Она была расчленена на части и выходила из него отдельными группами по разным направлениям без связи с армией и фронтом. Так, остатки 1313-го сп, 1315-го сп оказались скованными арьергардными боями в

полосе обороны 26-й армии Брянского фронта и были включены в состав группы войск полковника Аргунова в районе г. Белёв. Артполк под командованием полковника Глотова самостоятельно прорвался к Туле и был присоединён к 238-й сд (в боях за Тулу отличилась батарея этого артполка). Отрезанный от основных сил 1311-й сп выходил из полуокружения мелкими группами. 14.10.41 подразделения 1311-го сп с тылами дивизии в количестве до 1000 чел. с незначительной матчастью были обнаружены в районе Лопасни (ныне г. Чехов) и Серпухова.

[3] Если 173-я сд оказалась расчленённой немцами, то 194-я сд была расчленена не без помощи нашего командования, которое буквально перед операцией «Тайфун» с подготовленных для обороны позиций под Вязьмой сняло данную дивизию для переброски под Харьков. «Тайфун» застал её буквально на колёсах. Клинья немецкого наступления разрезали 194-ю дивизию на 3 группы:

1) 1-я группа во главе с комдивом полковником М.А. Сиязовым (основной состав), проследовав ст. Брянск, выгрузилась на ст. Белые Берега и с ходу вступила в бой, после чего отошла к г. Белёву, где соединилась со 2-й группой (405-й сп,1-й сб 470-го сп, 1, 2, 5 и 6-я батареи 299-го ап и др.).
2) 2-я группа под командованием командира 470-го сп подполковника Подшивалова разгрузилась перед Сухиничами, на разъезде Хотень, затем изменила направление на Козельск–Белёв (2-й сб 470-го сп,, отдельный батальон связи, часть штаба 405-го сп).
3) 3-я группа под руководством комиссара дивизии Ермакова и начштаба майора Чистякова (с Боевым Знаменем) разгрузилась под Калугой 08.10.41 и держала оборону по восточному берегу р. Угры и её притоку р. Шаня (616-й сп, штаб дивизии, 3-й сб 470-й сп; 3 и 4-я батареи 299-го ап, рота бронемашин, МСБ, тылы дивизии), а затем прорвалась к Серпухову. Здесь произошло её переформирование.

2-я группа 194-й сд в период боёв под Козельском подчинялась 49-й армии. При отходе её остатков к Белёву и соединении с частями 1-й группы она вошла в состав 50-й армии. Только в ноябре части этой дивизии были включены в состав 258-й сд 50 А. Таким образом, в боях октября-ноября 1941 г. участвовало две дивизии с одинаковым номером – как их называют дивизии-«сёстры».

[4] Ставке и командованию Западного фронта около двух недель ничего не было известно о состоянии 173-й сд. В результате чего ими было принято решение о формировании нового состава данной ополченческой дивизии на основе вышедших её частей. Командиром был назначен полковник М.И. Сафир. Вот что можно почерпнуть из его рапорта от 17.10.41: «…*К $9^{\underline{00}}$ 17.10.41 в дивизию прибыло из Серпухова 525 человек бойцов различных подразделений 173 сд; вооружённых из них только 180 чел. /168 винт.,12 самоз. винт. и 1 пул./. В дивизии не имеется штаба, нет 1,2,3,5 и 6 частей. Нет командиров полков, начштабов полков, комбатов и командиров рот*». Форсировано принимались меры к её укомплектованию в районе дер. Венюково (к $20^{\underline{00}}$ 17.10.41 в дивизии 2259 чел., а на $24^{\underline{00}}$ 19.10.41 уже 7610). Но к 20.10.41 ситуация прояснилась и стало понятно, что всё время, пока формировалась новая 173-я сд, основная часть старой продолжала существовать и сражаться за Ульяново и под Белёвом уже в составе 50-й армии. С учётом обстановки на фронтах и значительного расстояния между этими дивизиями было принято решение их не объединять. Новую дивизию полковника Сафира решили влить в состав 3-й группы кадровой 194-й сд 49-й армии, тоже оказавшейся расчленённой (см. **[3]** комментарий). 21.10.41 полковник Сафир был назначен комдивом 194-й сд, и в этот же день последовал его приказ № 60, со-

гласно которому личный состав 1311, 1313 и 1315-го сп 173-й сд вливался в состав 616, 405 и 470-го сп 194-й сд. Следующий приказ был подписан 24.10.41 новым командиром 194-й сд комбригом П.А. Фирсовым (см. в Интернете ст. В. Степанова «Неизвестный комдив Московской битвы»).

[5] Из всех предыдущих комментариев вытекает вывод, что Ю.В. Кондратюк добирался до Серпухова, скорее всего, в составе отдельных разрозненных групп 173-й сд, без контакта с частями 470-го сп 194-й сд и по более спрямлённому маршруту (без отклонения на юг в сторону Белёва).

[6] К сожалению, С.А. Козлов писал свой очерк до того, как последовало рассекречивание документов ВОВ. Теперь, исходя из материалов фронта, в частности, «Оперочерка боевых действий Брянского фронта с 13.11.1941 по 01.04.1942» (ЦАМО, Фонд 202, опись 5, дело 189, лист 34-35) можно утверждать однозначно, что это была чисто фронтовая операция на заключительном этапе стратегической Московской наступательной операции, т.е. Московской битвы (поэтому старые советские утверждения о том, что Кондратюк погиб под Москвой, до некоторой степени, верны). Целью её было уничтожение Болховской группировки противника. По сути это была 2-я Болховская наступательная операция, поскольку 1-я проводившаяся тем же Брянским фронтом (в основном 61-й армией) на той же местности в конце декабря 1941-начале января 1942 завершилась огромными потерями и отбросом наших наступающих дивизий за Оку. Такими же итогами завершилась и 2-я, но в начале её проведения удалось захватить Кривцовский плацдарм на левом берегу Оки, который удерживался в течение 1,5 месяцев. 61 армия с середины января 1942 года была передана в состав Западного фронта. Никакого упреждающего удара в планах для 60-й сд не было. Это было обычное наступление в составе ударной группировки 3-й армии из 5 дивизий (3 в первом эшелоне, 2 во втором) с 2-мя новыми танковыми бригадами при поддержке артиллерии и авиации. Поскольку она оказалась неудачна, то наши военные о ней умалчивали до середины 70-х годов, а потом отнесли к «частным».

[7] Согласно документам ЦАМО, представленным на сайте «Память народа», по 60-й сд и свидетельству М.А. Зашибалова, дивизия вступила в бои у Шашкино и Миново в составе 1283 и 1285 полков, без 1281-го сп, в котором служил Ю.В. Кондратюк: из-за сильных снежных заносов своевременный подвоз всех частей дивизии к началу боёв не был выполнен (см. «Рубеж – Ока», сб. «С боями до Эльбы», М.: Мос. рабочий, 1979 – С.80). Ту же информацию можно получить и из ответа ЦАМО на запрос, представленного в самом сборнике «В поисках истины» на стр. 34. Несмотря на опоздание, первый бой 1281-го сп в районе близком к Кривцовскому плацдарму состоялся у д. Кукуевки 11.02.42, однако 1-й батальон, где служил Кондратюк, в нём участия не принимал. В полном составе 1281-й полк вступил в бой при начавшемся наступлении 60-й сд в составе ударной группы дивизий 3-й армии лишь 16.02.42 при взятии высоты 196,1 на левом берегу Оки (см. очерк «Герои высоты 196,1» из сб. «Кривцовский плацдарм», «Библиотечка журнала ОВВ» вып.10, 2017. – С.40-58). Тогда же это был первый бой и для Ю.В. Кондратюка.

[8] В последующем описании данных боёв у Сергея Александровича много ошибок. По данному вопросу см. статью В. Рыбникова «60-я стрелковая дивизия в боях за Кривцовские высоты» («ОВВ» №3, 2017. – С.91-98) и материалы сб. «Кривцовский плацдарм» («Библиотечка ОВВ», вып.10, 2017. – С.107-110)

автор комментариев: В. Рыбников

Сергей Дергунов

В первый год Великой Отечественной*

С.К. Дергунов – однополчанин Ю.В. Кондратюка (1945 г.)

...Прошло очень много лет с тех пор, ведь минуло более полувека жизни, а все так же отчётливо нахлынули воспоминания. Ведь были мы ещё юными, и это много значит. Воспоминания будут звучать несколько суховато.

В июле 1939 года по окончании индустриального техникума я был направлен на завод № 17 Наркомата вооружения (г. Подольск), где проработал до ноября 1941 года мастером участка. Последние два месяца мы были на казарменном положении, занимались демонтажом станков и их погрузкой на железнодорожные платформы.

Работа была закончена к ноябрю 1941 года, а 7 ноября меня призвали в ряды РККА. Время было очень тревожным, враг подходил к Туле и Серпухову, рвался к Москве. Многие подмосковные города подвергались жестокой бомбёжке, в том числе и Подольск. Погибло много людей, а среди них и близкие.

В горвоенкомате создали маршевую команду, человек из двадцати. В основном шли пешком, иногда — попутными автомашинами или по железной дороге. Прибыли на учебный пункт в маршевую роту (г. Муром), и после небольшой военной подготовки нас направили в действующую армию. В конце ноября разгрузились в городе Серпухове и пошли своим ходом на передовую. Всё вокруг напоминало о жесточайших боях под Москвой: разрушения, пепелища - в общем, следы войны.

Наше пополнение, примерно до роты, подошло к передовым позициям 1281-го сп 60-й сд 28 ноября 1941 года. Расположились на опушке леса. Вышел командир полка майор Сидоров**. Напутственная речь. Приняли присягу. Распределили по батальонам. Я назначен был

---

* Из сб. "В поисках истины": Сб. докум. очерков, рассказов и стихов, посвящённых 100-летию Кондратюка, Новосибирск, 1997 г.

** Сидоров Пётр Яковлевич, 1898 г.р., командир 1281-го сп, в период Кривцовских боёв подполковник, орд. «Кр. Звезды» от 09.07.42 за бои при наступлении на Кремёнки, Вязовню, Высокиничи (умер от ран 12.04.45 будучи полковником и ком-ром 496 сп 148 сд, похоронен в г. Краков).

наблюдателем 1-го батальона в составе взвода связи. Наблюдательный пункт батальона скрытно располагался в 100-150 метрах от передовой линии.

На узкой бугристой полосе границы лесного участка, засаженной елями, к этому времени довольно большими, под одной из них сапёры продолбили НП (наблюдательный пункт. – *Ред.)* и ход сообщения, а нижние ветви служили естественной хорошей маскировкой.

Со мной дежурил телефонист. Вооружение: винтовка с полным боекомплектом, ножи, гранаты, телефон, бинокль. Пищу приносили скрытно. Дежурили по 6—8 часов. Задача — наблюдать за нейтральной полосой, движением противника в деревне Малеево и обо всем сразу же докладывать в штаб батальона через телефониста, соблюдая особый шифр.

Это было довольно тяжёлой службой и испытанием, если учесть жестокие (40 и больше градусов) морозы той зимы, непрерывность многочасового наблюдения в непосредственной близости от противника. Иногда в стороне от нас проползали вражеские разведчики, обычно ночью. Сообщали на КП, слышались выстрелы, шум справа. Первого убитого немца увидел после смены дежурства утром у соседей. Лежал рослый человек, рыжеватый, небритый, босой. Подкатил неприятный холодок. А после на фронте к смертям как-то привыкали. Это страшно — привыкать к смертям.

В начале декабря 1941 года дежурство на НП было закончено. Мы прибыли в расположение взвода, который находился вблизи штаба батальона. Никто ничего не знал, но все чувствовали, что готовится что-то очень важное. Готовились, приводили в порядок все средства связи: телефонные аппараты, катушки проводов и другое имущество.

Здесь впервые я встретил Ю.В. Кондратюка, нашего помкомвзвода. На вид ему было за пятьдесят — высокий, худой, седоватые усы и борода лопаткой, очень выразительные темные глаза. Никакого солдафонства. Чувствовались интеллигентность и культура. За два с лишним месяца службы он ни на кого не повысил голос, всегда был внимательным и доброжелательным. Отличный знаток техники, он помогал освоить её, учил нас — молодых, по существу, его сыновей. Таким он мне запомнился надолго.

Командиром взвода был мл. лейтенант Качалин[***], человек сугубо гражданский, призванный из запаса.

Началась битва за Москву.

[***] Качалин Борис Иванович, 1908 г.р. – командир взвода связи 1-го б-на, мл. лейт, мед. «За боевые заслуги» (предст. к мед. «За отвагу») за поддержку взводом всей связи НП комполка в боях 17-24.02.42; умер от ран 23.03.43 д. Избичня, Комарич. р-на Брянской обл.

Боевые действия начали в лесу. Мы тянули нитку (связи. — *Ред.)* в роты, а бойцы выбивали немцев из опорных пунктов у «домов лесника». Во взводе были потери, раненые, которые отправлялись в тыл.

С боями вышли к населённым пунктам. Наступление продолжалось до взятия г. Высокиничи и ближайших трёх деревень.

Дивизия и ее полки несли большие потери и вскоре были направлены на переформирование в деревню Н. Шатово, около Серпухова. Штабы дислоцировались в деревне. Наш взвод под личный состав и имущество занимал два дома. А пополнение полка сосредоточивалось в ближайшем лесу, где оборудовались землянки, проходила военная подготовка. Связь с ротами осуществлялась через оборудованный взводом телефонный селектор. Основную роль в его создании принял Ю.В. Кондратюк.

Переформирование закончилось, и в начале февраля 1942 года дивизия была направлена на Брянский фронт (Тульская и Орловская области). Разгрузились на станции Чернь, и вскоре начались жестокие кровопролитные бои. Была поставлена задача — отогнать врага как можно дальше от Москвы. Но к этому мы не были готовы.

Враг к тому времени организовал прочную оборону, занимая господствующий над нами западный берег реки Оки. Боевой техники у нас было мало, да и та была распылена, и наступления местного значения оканчивались для нас поражением, попросту говоря, истреблением бойцов и командиров. Не знаю, сколько составили наши общие потери за зимнюю кампанию 1942 года, но ясно было, что к весне мы не продвинулись вперед нисколько.

Пришлось с войной повстречаться вплотную, круто и крепко, и узнать почем фунт лиха.

Мы непосредственно находились в боевых порядках и часто в боевой обстановке ходили в атаки. Перед одной из таких атак видел на передовой комдива-60 М.А. Зашибалова, Героя Советского Союза.

Память юности очень цепкая. Всё, как было, встаёт перед глазами. Помню, идут семь танков, за ними — мы, цепь пехоты. Наступление поддерживают 2-3 пушки. Вдруг массированный огонь врага... и семь танковых факелов. Далее, как по расписанию, — шквальный миномётный огонь, сначала перед нашей цепью, затем — сзади. Мы залегли. Идёт огонь по квадрату на уничтожение. А минометов у немцев было множество и разных. Их беспрерывный огонь буквально парализовывал. Он продолжался беспрерывно, потери были очень велики.

Тактика обороны немцев была несложной. На господствующих высотах западного берега Оки близ населённых пунктов строились опорные оборонительные пункты, рубежи минировались, берега реки превращались часто в ледяные горы. Создавались окопы из пластов снега, выставляли наблюдателей со связью. Основная часть немцев укрывалась в тёплых землянках.

Сигнал наблюдателя... Фрицы в маскхалатах выбегают, поливают автоматным огнём, ...и бой заканчивается не в нашу пользу. На моих глазах гибло множество бойцов и командиров.

Однажды принимал участие в захоронении. Готовилась сапёрами взрывным способом огромная братская могила в виде широкой траншеи. Свозили и сносили убитых, укладывали ряд, затем — слой соломы, далее — ещё ряд убитых... Страшная трагическая картина...

А теперь о дне последнем...

Февральским утром, впервые за все дни боёв, надел я выданный мне маскхалат, получил задание проползти до линии занятых нами недостроенных немецких блиндажей на высотке западного берега Оки, сменить телефониста и нести боевое дежурство.

Подползаю к блиндажу, а на нём нет ещё перекрытия. Приподнялся, в правой руке винтовка. Только хотел прыгнуть в блиндаж, пуля снайпера прострелила руку, а не будь маскхалата, была бы в голове. Значит, не судьба...

Кое-как забинтовали мне руку, а как только начало смеркаться, выполз, добрался до полкового медпункта, где мне обработали руку, перевязали, дали спирту, бутерброд и рассказали, как добраться до медсанбата дивизии.

За все дни боёв погода стояла ясная, очень морозная. Была лунная ночь. Шёл я по накатанной дороге, щипал крепкий мороз. Не верилось, что всё пока позади.

Медсанбат от передовой был километрах в трёх-четырёх. Добрался. Определили в огромную палатку, где посередине стояли и топились печки из двух больших бочек. Было тепло. Я прилёг на солому и заснул. Это случилось в ночь с 22 на 23 февраля 1942 года, нашего армейского праздника. Через два или три дня нашёл меня раненый боец из нашего взвода (фамилию не помню) и сообщил, что в этих боях был убит помкомвзвода Ю.В. Кондратюк.

...Почему нет в списках? Не понимаю, как это могло случиться, ведь я его видел перед заданием. Надо спросить и искать в штабных документах, хотя в той страшной неразберихе всё могло быть. В этот день 22 февраля ни артиллерийского обстрела, ни бомбёжки на нашем участке не наблюдалось.

С фронта в тыл меня не направляли, так как была создана дивизионная рота выздоравливающих, которая впоследствии стала школой сержантов и которую я окончил в звании старшего сержанта. Затем был направлен на краткосрочные офицерские прифронтовые курсы, в последующем участвовал в боях в инженерно-сапёрной отдельной части 3-й армии и, в частности, на Курской дуге под Орлом (Брянский фронт), на Брянщине, в Белоруссии, в Польше на реке Висле,

в Германии на реке Одер, под Берлином, где с боями пришла наша великая Победа!!.

И чем больше и всё больше лет отделяет нас от этого великого события, величие Победы будет вставать ещё больше как спасение человечества через миллионы наших жертв. Что случилось после — это очень печально.

В конце шестидесятых на почтовом конверте (исполнен он был в коричневом тоне) увидел портрет Ю.В. Кондратюка и надпись (1897—1942). Узнал его сразу, поинтересовался, кто он. Оказалось, что Ю.В. Кондратюк – крупнейший учёный, вместе с Цандером является первооткрывателем и создателем первых советских ракет, предшественников ракет советской космонавтики «Восток» и «Союз».

Очень хотелось бы уточнить обстоятельства его гибели и место захоронения. А Борису Ивановичу Романенко, сослуживцу Ю.В. Кондратюка, заслуженному фронтовику и следопыту, низкий поклон и пожелания успехов в этом благородном деле. Он и нашёл меня в 1989 году. К сожалению, и большому, я вряд ли по состоянию здоровья смогу принять участие в этом. Ещё раз прошу извинить меня за задержку с ответом — в этом году я трижды лежал в больнице и несколько раз принимался за это письмо.

Если позволит здоровье, обязательно постараюсь посетить места боёв (по вашей карте) в далеком 42-м, ...когда мы были так молоды...

Ноябрь 1993 г.

Краткая справка по фронтовой биографии Кондратюка

06 июля – 21 октября 1941 г. – телефонист роты связи 2/62/ 1313-го сп (майор П.Т. Дуб) 21-й дивизии народного ополчения (21-й МДНО) Киевского района Москвы/173-й сд (полковник А.В. Богданов) 33-й армии (Д.П. Онуприенко) Резервного фронта.

21 октября – конец ноября 1941 г. – рота связи 470-го сп (капитан Н.К. Мазеркин) 194 сд (комбриг П.А. Фирсов) 49-й армии (генерал-лейтенант И.Г. Захаркин) Западного фронта.

Конец ноября – начало декабря 1941 г. – 185-й запасной армейский полк 49-й армии Западного фронта.

Начало декабря 1941 г. – начало февраля 1942 г. – командир отделения взвода связи 1-го батальона 1281-го сп (подполковник П.Я. Сидоров) 60-й сд, бывшей 1-й МДНО Ленинского района Москвы (полковник М.А. Зашибалов) 49 армии (генерал-лейтенант И.Г. Захаркин) Западного фронта.

Начало февраля 1942 года – 23 февраля 1942 г. – командир отделения взвода связи 1-го батальона 1281-го сп (подполковник П.Я. Сидоров) 60-й сд (полковник М.А. Зашибалов) 3-й армии (генерал-майор Ф.Ф. Жмаченко) Брянского фронта.

Подготовил В. Рыбников

Воспоминания о Ю.В. Кондратюке

Ольга Горчакова

Наш милый «фантаст»*

Когда радио принесло радостную весть о запуске в СССР первого искусственного спутника Земли, я невольно потянулась к семейному альбому.

В руках у меня дорогие сердцу фотографии. На одной из них молодой человек с сосредоточенным взглядом. Внимательно всматриваюсь в черты знакомого лица. Вот вздрогнули плотно сжатые губы, слегка прищурились глаза, и улыбка, тёплая, жизнерадостная, по-новому озарила лицо.

Таким я и запомнила на всю жизнь Юрия Васильевича Кондратюка, нашего милого «фантаста», отдавшего всю свою недолгую жизнь честному служению науке. И, откровенно говоря, сейчас немного больно и обидно, что тогда, тридцать лет назад, когда Юрий Васильевич подарил мне только что вышедшую в Новосибирске книгу «Завоевание мировых пространств», я не без иронии спросила у него:

Горчаковы

— Неужели вы действительно верите в осуществимость своей детской мечты?

— Верю, верю, милая Ольга Николаевна, — со свойственным ему оптимизмом ответил Кондратюк и, улыбнувшись, добавил: — Да вы и сами верите. Не правда ли?

Радостно сознавать, что мечты этого замечательного человека уже претворяются в жизнь, что труды Кондратюка нашли широкое признание, а имя его называется рядом с именем пионера космонавтики К.Э. Циолковского.

* Журнал «Сибирские огни», №3, 1960 г., С.163-168

Кондратюк был нашим другом. Юрич, Юрисик, Юрочка — так звали мы его. Мы любили и ценили Юрия Васильевича. С годами он стал не только другом, но и членом нашей семьи.

Познакомилась я с ним в 1927 году в Новосибирске, куда он приехал по вызову моего мужа П.К. Горчакова с Северного Кавказа для работы в Новосибирском отделении «Союзхлеб». Ещё раньше муж отрекомендовал мне Кондратюка как талантливого механика и изобретателя. В дальнейшем я неоднократно сама убеждалась в этом. И, пожалуй, трудно было найти в Сибири крупный элеватор, зерносклад, где бы Юрий Васильевич не приложил свою изобретательность, не ввёл бы каких-нибудь усовершенствований, значительно облегчавших человеческий труд.

Годы стёрли в памяти отдельные детали, но не забыть мне летний день 1928 года, когда Юрий Васильевич принёс к нам на квартиру действующую модель полностью автоматизированного элеватора.

— Представьте себе, друзья, — как всегда, увлечённо говорил он, — один, только один человек сидит у пульта и командует этой махиной! Замечательно?

Мне кажется, что в технике для Кондратюка не было неразрешимых вопросов. Все было доступно этому любознательному человеку, и только одного он не умел — «продвигать» свои изобретения, добиваться признания. Этим занимался П.К. Горчаков, за что и был прозван нами «толкачом».

Всех, кто хоть сколько-нибудь знал Юрия Васильевича, поражала его работоспособность. Приходившие раньше всех на работу уборщицы треста «Союзхлеб» уже не удивлялись, когда заставали «мил-человека» (так все сотрудники называли Кондратюка) спящим на своём рабочем столе или на стульях. На все просьбы друзей не делать этого он неизменно отвечал:

— Увлёкся малость одной задачкой, а ночью как-то неудобно беспокоить квартирных хозяев. Но я прекрасно отдохнул. Не верите? Ей-ей...

В конторе ни для кого не было секретом, что в долгие бессонные ночи Юрий Васильевич сидел над книгами, ещё и ещё раз проверял свои расчёты, соображения, выводы. И вновь десятки листков бумаги покрывались математическими выкладками, формулами. Мечты о полётах в межпланетное пространство вырисовывались всё отчётливей.

Юрия Васильевича называли «бессребреником». Зарабатывал он много, но всегда был без денег. Кого только он не поддерживал материально! Родственников в Киеве, знакомых старушек на Кавказе, студентов в Москве. Убеждать его в том, что надо подумать и о себе, было бесполезно.

— Я достаточно сыт, одет и ни в чем не нуждаюсь, а им туго, — заявлял он тоном, не терпящим возражений.

К сожалению, некоторые лица злоупотребляли его добротой. Они подстерегали его в день выдачи зарплаты и просили одолжить, часто крупные суммы. Юрий Васильевич не умел отказывать, хотя знал, что деньги даёт безвозвратно.

Обиднее всего было то, что на себя он почти не тратился. Помню такой факт. Зима в Новосибирске была в тот год лютая. Кондратюку пришлось позаботиться о шубе. Он довольно легко вышел из положения: где-то достал себе недорогой чёрный тулуп без застёжек, с громадным воротником. Это одеяние он шутливо назвал «моя универсальная ротонда». Тулуп действительно выполнял много назначений. Зимой это была не только прекрасная шуба, но и одеяло, весной и осенью тулуп неизменно сопровождал Юрия Васильевича в командировках и использовался в качестве матраца.

Кондратюк был замечательным, верным товарищем. На него можно было положиться во всем. Особенно хорошо относился он к молодёжи. Думаю, что очень и очень многие до сих пор с благодарностью вспоминают его постоянную готовность помочь, научить, объяснить...

Работать он умел, но умел и отдыхать. Правда, это бывало не часто. Отпуска он вообще никогда не брал. Но если ему удавалось урвать у самого себя вечерок, он превращался в большого ребёнка. Мы всей семьёй принимались шалить, как дети, изощрялись в остроумии, выдумках, отгадывали шарады, ребусы, всякие головоломки. Любимой игрой, кроме настольного бильярда, была игра под названием «Экспромт». Мы её сами выдумали и очень любили. По очереди каждый должен был сочинять стихи о ком-нибудь из присутствующих или общих знакомых, а остальные отгадывали, кто охарактеризован в этих стихах.

Недавно я нашла один «экспромт», вложенный в книгу, принадлежавшую Кондратюку. Эти стишки любопытны тем, что дают представление о Юрии Васильевиче.

Пугает и тревожит
Твой одичалый вид
Оброс ты и не брит,
Что сердце твоё гложет?
Витаешь где-то ты
В погоне за Луною...
Брось детские мечты,
Займись жизнью земною.
Живёшь ты, как монах,
И сыт единым хлебом,
Ты — облако в штанах,
И занят только небом.

Смеёмся над тобой,
Но почему-то верим:
Настанет час такой —
Найдёшь ты в небо двери!

Помню ещё песенку, которую мы сочинили и пели, когда приходил Юрий Васильевич. Он и сам её пел, а мы хором подхватывали припев. Вот первые строки:

Женщин я не признаю,
С детства я Луну люблю.
О свиданье с ней мечтаю,
Экипаж изобретаю...
Полечу я к ней в ракете,
Как в собственной карете.

Были у Кондратюка свои «словечки». Когда он хотел выразить крайнюю степень удивления, он говорил: «Ложусь в обморок», а когда восхищался, например, красивой вазой или розой, или ещё чем-нибудь, говорил: «Какая роскошница!» Много было у него и других забавных выражений, которые употреблялись только в нашей семье.

Мы любили слушать его, когда он говорил о своих мечтах. На эту тему он, вообще молчаливый человек, мог говорить сколько угодно. Нам, конечно, трудно было верить, что его мечта о полёте на Луну осуществится, но нас всегда увлекали и зажигали его непоколебимая уверенность и целеустремленность. Он был совершенно уверен, что именно ему, а не кому-нибудь другому, придётся первым лететь на Луну в ракете собственной конструкции. Когда Юрий Васильевич издал свою книжку с расчётами ракеты, он был счастлив. Мы отметили эту дату чудесным вечером. Юрий Васильевич ничего не пил спиртного, очень любил чай и мог его пить много. Поэтому на вечере мы пили вино, а он — чай. Несколько раз спели песенку, о которой я уже упоминала...

Только восхищение может вызвать отношение Юрия Васильевича к людям. К женщинам он относился с большим уважением. Он не переносил пошлых разговоров и анекдотов. Однажды в присутствии женщин один всеми уважаемый немолодой инженер позволил себе прочесть стихи очень вольного содержания. Так как это была латынь, никто из женщин ничего не понял. Юрий Васильевич, знающий латынь, изменился в лице, подошёл к этому человеку и сказал:

— За то, что вы осмелились сейчас сказать в присутствии женщин, бьют по физиономии. Убирайтесь отсюда немедленно!

Мы онемели, никто не подозревал, что Юрий Васильевич способен на такой поступок — он был миролюбив, кроток и мягок.

Забавно было смотреть, когда Кондратюк репетировал у нас, как будет «разносить» провинившегося рабочего или служащего. П.К.

Горчаков возмущался, обвинял его в том, что он распустил рабочих, которые ничего не делают из-за его добродушия. Ничто не помогало. Юрий Васильевич не в состоянии был не только «разносить» подчинённых, но даже твёрдо сделать кому-нибудь замечание. Но когда ему приходилось отстаивать свою точку зрения по каким-либо техническим вопросам или вообще по работе, он становился твёрдым, непоколебимым. Тут он говорил и спорил невзирая на лица, и подчас очень резко.

Да, Юрий Васильевич не просто работал — он жил работой. Голова его всегда была занята разными расчётами, дерзкими планами. Он был влюблён в свою мечту, в науку.

1941 год. Тогда мы жили уже в Москве. Не помню точно ни месяца, ни числа. Был очень жаркий день. Неожиданно раздался громкий, условный стук в дверь. Так стучал только Юрий Васильевич. С момента объявления войны Кондратюк с головой ушёл в работу, давно не наведывался к нам.

Едва я открыла дверь, как Юрий Васильевич, точно буря, ворвался в переднюю и, схватив меня в охапку, стал целовать.

— До свидания, до свидания! Уезжаю...

Это было так ошеломляюще неожиданно, что я не сразу поняла, о чём он говорит. Сбивчиво, торопясь и волнуясь, Юрий Васильевич сообщил, что друзья предложили ему присоединиться к группе ополченцев, отправляющихся на фронт.

— Все уже на сборном пункте, и только я отстал, забежал к вам попрощаться.

Я пыталась доказать ему, что при его знаниях он может немало пользы принести и в Москве. Но тщетно.

— Я дал согласие... Моё место там, где должен быть каждый, кто в состоянии держать в руках оружие, – твёрдо заявил Кондратюк и с улыбкой добавил: — Я уверен, что скоро вернусь к вам невредимым.

Он выбежал на лестницу и, перескакивая громадными шагами через три ступеньки, побежал на улицу. Я бросилась на балкон. Юрий Васильевич стремительно мчался по безлюдному в этот час переулку. Раза три он оглянулся, чтобы помахать мне рукой, и исчез за поворотом.

Вскоре я получила от него почтовую открытку с просьбой прислать компас. «Пока отдыхаем, но впереди горячие деньки», — писал Кондратюк...

В последующих двух письмах Юрий Васильевич сообщал, что чувствует себя замечательно, готов к любым испытаниям и уверен, что с ним ничего не случится. Потом переписка оборвалась. Долго о нём не было известно. И уже много месяцев спустя я официально узнала о том, что Юрий Васильевич погиб в начале 1942 года, защищая подступы к столице.

Николай Никитин*

Воспоминания о Юрии Васильевиче Кондратюке**

Никитин Николай Васильевич (1907–1973)

Новосибирск. В 1931-33 гг. я работал в строительном отделе ПП ОГПУ и одновременно по совместительству (тогда это было очень принято) – в проектной мастерской «Кузбасстроя». Здесь мне как-то в 1932 г. сказали, что со мной хочет посоветоваться их сотрудник, и познакомили с Юрием Васильевичем Кондратюком. Это был высокий черноволосый человек, лет на 10 старше меня, с чёрной небольшой бородкой и с большими чёрными же глазами. Он проектировал фундамент угледробилки. Угледробилка – небольшое в плане, но довольно высокое кирпичное здание. Юрий Васильевич показал мне свои расчёты. Меня поразил совершенно необычный подход к задаче. Обычно, проектируя фундамент, мы собираем нагрузку на его характерный погонный метр. Юрий Васильевич поступил совершенно иначе. Он определил вес всего здания в целом, добавил к нему вес оборудования и на эту суммарную нагрузку подобрал подошву фундамента. Такой подход значительно умнее, чем традиционный. Юрий Васильевич не знал только, сколько весит чистый пол, какой толщины нужно принимать кирпичные стены.

Мы продолжали встречаться в «Кузбасстрое», и вскоре Юрий Васильевич предложил мне сделать для него небольшую работу. Я пригласил его к себе домой. Сделать нужно было проект необычного сооружения. Это был шахтный копёр в скользящей опалубке. Юрий Васильевич не разумел в расчётах железобетонных конструкций, а это как раз было моей специальностью.

Юрий Васильевич, видимо, хотел предложить этот проект «Кузбасстрою», в замену традиционному рамному копру с наклонной ногой – упором. В скользящей опалубке делают обычно элеваторы, и Юрий Васильевич был знаком с этой техникой.

Копёр представлял собой полый цилиндр эллиптической в плане формы, с тонкими железобетонными стенками. Вверху этот цилиндр пе-

* Николай Васильевич Никитин— советский архитектор и учёный в области строительных конструкций. Лауреат Ленинской премии. Автор проекта Останкинской башни, высотного здания МГУ на Ленинских горах.

** Из сб. "В поисках истины": Сб. докум. очерков, рассказов и стихов, посвящённых 100-летию Кондратюка, Новосибирск, 1997 г.

реходил к квадратному плану, чтобы дать место наклонному тросу подъёмника. Конструкция понравилась мне опять же за свежесть и новизну. Посчитал я толщину стенок, подобрал арматуру, сделал чертёж, определил расход материалов. Не знаю, что сталось с этим предложением. Наверное, забраковали, как всегда это делается, когда с новой идеей приходит человек со стороны.

Позже мы встретились с Юрием Васильевичем у Петра Кирилловича Горчакова. Мне предложили помочь им в разработке проекта мощной ветроэлектростанции (ВЭС). Работа делалась на конкурс. Я уже знал, что Юрий Васильевич и Пётр Кириллович отбывают в Новосибирске ссылку как осуждённые. Тогда это не было диковиной. У меня было полно знакомых ссыльных: архитектор Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев (внук И.С. Тургенева – *С.К.*), инженер М.Я. Мошкунов и другие.

Ветроэлектростанция Юрия Васильевича состояла из железобетонного трубчатого ствола, который коническим основанием опирался на масляный подпятник. Ствол имел высоту около 150 метров. На высоте 120 метров на стволе был сделан консольный воротник из железобетона. По этому воротнику перекатывался «поезд» из тележек с вертикальными и горизонтальными колёсами. На этом «поезде» лежали три наклонные расчалки, удерживающие ствол в вертикальном положении, допуская его вращение вокруг вертикальной оси, чтобы повернуть сооружение по направлению ветра. На вершине ствола установлено машинное помещение с генератором и ветроколесом с четырьмя лопастями диаметром 80 метров.

Юрий Васильевич сам решил несложную задачу оптимального угла наклона расчалок. Если не учитывать провеса расчалок, то легко доказать, что наивыгоднейший угол наклона равен 45 градусам. Чтобы доказать это, нужно составить выражение для веса каната в функции от угла его наклона к горизонту. Взять первую производную и приравнять её к нулю. Юрий Васильевич отлично понимал, что это ещё не всё. Анкерные устройства расчалки тем легче, чем меньше угол её наклона, поэтому следует уйти от оптимума и уменьшить угол наклона. Так и было сделано. Юрий Васильевич ещё сумел, хотя не так ясно, показать, что выгоднее принять вес растяжки не её стрелой провеса, а специальной криволинейной вантой (дополнительной растяжкой. – *Ред.*), расположенной над основной растяжкой и соединяемой с ней тонкими тросиками или даже проволоками.

Разговаривать с Юрием Васильевичем было сущим удовольствием. Он был богато наделён чувством юмора. Мысли его были острыми, быстрыми и блестящими.

Я не мог понять, что связывает Юрия Васильевича с Горчаковым. Горчаков много над ним подшучивал, а Юрий Васильевич был к Горчакову неизменно почтителен. Познакомился я с женой Горчакова Ольгой Николаевной и его дочерью Люсей. Они очень мило относились к Юрию

Васильевичу. Юрий Васильевич любил сладкое, за что его часто вышучивали.

Юрий Васильевич был знаком и с моей сестрой Валей, она работала копировщицей в «Кузбасстрое».

Проект ВЭС был отправлен в Москву. Довольно скоро Юрий Васильевич и Горчаковы уехали из Новосибирска.

Харьков. В июне 1933 года я получил от Юрия Васильевича письмо из Харькова с сообщением, что проект ВЭС признан на конкурсе лучшим. Юрий Васильевич приглашал меня принять участие в разработке технического проекта, и приехать для этого в Харьков. Юрий Васильевич и Горчаков уже работают в Харькове в Институте промэнергетики.

2 июля 1933 года я приехал в Харьков. Юрий Васильевич и Горчаковы жили в гостинице на Сумской улице. Здесь же и меня поселили.

Своё увольнение из ПП ОГПУ я не оформил (боялся, что не пустят), поэтому тут же пришлось писать в Новосибирск ходатайство о моём увольнении. Горчаков был мастер писать такие бумаги. Он раздобыл целый особняк на той же Сумской. Это было чудное здание из одной большой комнаты, в которую зимой поставили большую железную печку. Здесь мы и начали делать технический проект. Откуда-то появились сотрудники: Л.А. Лившиц, Казеев, К. Шеманский, механик А.А. Даманский и другие, всего человек 6-8.

Скверное это было время (на Украине в то время был голод, из-за насильственного сбора и вывоза хлеба для поставок за границу. – *Ред.*). На тротуарах, ступеньках лестниц сидят голодающие люди от дряхлых стариков до ручных детей. Они опухли от голода и обильно украшены зелёнкой. Клянчат кусок хлеба.

Для меня с женой вскоре нашлась комната в пригороде Лыповый Гай.

…Утром идёшь перелеском на вокзал. Лежат десятки трупов, их складывают на грузовик. Поперёк Сумской протянуто красное полотнище «Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь!».

Кроме служащей карточки, Пётр Кириллович отхлопотал нам столовую, где мы обедали (на это он тоже был мастер). Постный супчик и «бифштекс» из… рубленого хлеба, но главное – это кусок настоящего хлеба.

Голодающие всю ночь стоят в очереди за хлебом. Длинный-длинный хвост. Люди стоят плотно друг к другу, чтобы никто не мог втиснуться. Иногда от плотного сжатия очередь теряет устойчивость и выпучивается в сторону, люди падают.

Эти мрачные картины и подтянутые животы не портили нашего настроения. Работа ладилась. Мне пришлось делать все строительные чертежи: и рассчитывать, и вычерчивать, и копировать. Очень трудно давалась динамика. Юрий Васильевич считал совершенно необходимым рассматривать динамическое действие ветровой нагрузки. Он от-

лично чувствовал, что порывы ветра могут вызывать усилия, совершенно отличные от усилий при статическом действии ветра, но помочь мне в расчётах не мог, так как теории колебаний не разумел.

Мне же пришлось рассчитывать и конструировать ветроколесо и воротник башни с тележками. Юрию Васильевичу понравилась конструкция «поезда» тележек под расчалки, которую я придумал.

У Юрия Васильевича появилась новая мысль – поставить на ствол второй агрегат с ветроколесом под расчалками. Удвоить мощность ВЭС!

Одновременно с нами в Промэнергетике разрабатывался другой конкурсный проект ВЭС. Мощность нашей станции удваивается! Вот «сюрприз» нашим конкурентам! Но это нужно держать пока в секрете. Всё это подогревало наш энтузиазм. Какие-то изменения внёс Юрий Васильевич в электротехническую часть. Помню разговоры о «вращающемся статоре» и «неподвижном роторе», но в суть дела я не вникал. Вместо 5000 кВ в агрегате стало 6000 кВ, а всего 12 000 кВ.

Набросок Крымской ВЭС.
Рисунок Н.В. Никитина

Как-то в воскресенье мы все большой компанией поехали за город купаться. У Юрия Васильевича была знакомая, у которой мы остановились и пили чай. Юрий Васильевич не признавал никаких спиртных напитков, даже пива.

– Раз попробовал, убедился, что голова хуже работает, глупости это.

Юрий Васильевич был крепкий, жилистый. В отличие от Горчакова, который насмешил нас, хорошо плавал. Тот надел дамские панталоны вместо трусов и ладошкой плескал себе воду на толстый живот. Шуму и смеху мы произвели в этом пруду очень много.

Помню, Юрий Васильевич недоумевал:

– Что за идиотство – «отдыхание». Как это можно пребывать в полном бездействии длительное время?

Я думаю, что за всю свою жизнь он не имел ни одного отпуска.

Про Циолковского он рассказывал:

– Слишком много почестей и никакого дела. Даже модель дирижабля не могли построить.

Появился указ об учёных степенях и званиях. Юрий Васильевич говорил мне:

– Сделайте всё, что сможете, добивайтесь учёной степени. Жить куда легче будет.

Его тогда уже досаждали разные учёные, которых он звал «старперы». Помню какого-то Шателена.

Получили мы все впервые паспорта.

– Паспорт нужно беречь как зеницу ока. Отдам левую руку за паспорт, – говорил Юрий Васильевич. Видимо, освобождение из ссылки принесло много хлопот и неприятностей (Н.В. Никитин тогда не знал настоящей биографии Кондратюка и не понимал истинного значения сказанных ему слов. – *Ред.*).

В феврале 1934 года технический проект был закончен. Я сподобился вычертить перспективу, отмыть её сепией. На пейзаж духу не хватило.

Москва. Все вместе с проектом поехали в Москву. Я приехал в марте и определился на работу на строительство вагоноремонтного завода в Лианозово. На первых порах мы с женой жили в проходной будке, в крохотном клоповнике. Потом нас поселили в специально построенном по моему проекту щитовом бараке: на первом этаже – строительная лаборатория, я её начальник, на втором – большая комната с террасой и крохотная кухня. Здесь бывал у меня Юрий Васильевич.

Проект поступил в специальную экспертную комиссию под председательством академика Б.Г. Галёркина. Осенью 1934 года мне пришлось поехать в командировку в Ленинград с претензиями по проекту завода, который мы строили. Юрий Васильевич попросил меня встретиться с экспертами по проекту ВЭС. Я встретился с инженером Голушкевичем, давал ему разъяснения по динамическим расчётам. К моему изумлению, как мне показалось, расчёты он признал удовлетворительными.

В ноябре 1934 года Юрий Васильевич вручил мне письмо, напечатанное на «четвертушке».

Штамп: «Центроэнергострой». *Москва. Неглинная, 6/2*

Инженеру Никитину Н.В. Москва, Савёловская линия, ст. Лианозово. Строительство вагоноремонтного завода.

Ввиду того, что Вы принимали активное участие в составлении проекта мощной ветроэлектростанции в 1932 году, просим Вас в качестве руководителя строительной группы, с окладом 900 рублей в месяц, принять участие в составлении рабочего проекта мощной ветроэлектростанции 10 000 кВ. для Крыма.

В случае Вашего принципиального согласия будет возбуждено ходатайство об увольнении Вас с места Вашей теперешней работы.

Управляющий «Центроэнергостроя» Г.Д. Цюрупа

Подпись. 16/X-34 г.»

В марте 1935 г. я перешёл на работу в «Центроэнергострой». Здесь на Неглинной, расположилась небольшая группа проектировщиков. Из Харькова приехал Л.А. Лившиц, появились новые люди, в частности Б.А. Злобин, которому для дипломного проекта пригодилась перспектива ВЭС, которую я изготовил в Харькове.

Взялись мы за рабочие чертежи, и сразу началась новая экспертиза. (В двадцатых годах была издана книжечка Г. Форда, в которой он писал: если я хочу отклонить под благовидным предлогом предложение, я передаю его экспертам).

Металлисты критиковали железобетонный ствол. Но работа шла себе. Не ожидая необходимых исправлений, мы выдали «на-гора» рабочие чертежи фундамента. Это такое немудреное коническое массивное сооружение. Наши сотрудники жили уже в Крыму и умудрились на Ай-Петри соорудить этот фундамент.

В Москве П.К. Горчаков получил (через С. Орджоникидзе) отдельную квартиру. Юрий Васильевич ютился по углам частных квартир. Мне пришлось уехать жить в Загорск. Здесь у нас образовался филиал проектной конторы: Б.А. Злобин, К. Шеманский, Чернов. Здесь мы и работали, выезжая за зарплатой в Москву. Юрий Васильевич часто бывал в Загорске. Штаб был в моей квартире на Трудовой улице. Сохранилось несколько фотографий. Все обещали нам квартиру в Москве - и никак. В «Центроэнергострое» появился наш конкурент, некий инженер Дзюба. Он тоже разрабатывает ветроэлектростанции, но поменьше и без железобетона, сотрудников у него нет, поэтому он делает эту работу нашими силами. В те времена возможна была такая ситуация: работать в двух отделах одной и той же конторы и получать две зарплаты. Деньги нам нужны. Квартира стоит дорого, да и жизнь в Загорске тоже.

Чернов, Кондратюк, Злобин, Шиманский.
1935 г., Загорск

Переделывается проект ветроколеса, вместо 4-х лопастей – 3. Пытаюсь сосчитать влияние вращающего колеса на усилия в стволе. Теперь-то я знаю, что это – сложнейшая задача, которую для самолётов решали экспериментальным путём. Тонем в трудностях. В феврале 1937 г. умер (покончил с собой. – *Ред.*) С. Орджоникидзе, который был энтузиастом мощных ВЭС и оказывал этому делу большую поддержку.

Юрий Васильевич начинает сдаваться и соглашается с тем, что нужно начинать с меньших ВЭС и постепенно увеличивать масштаб. Это уже совсем другое дело, и это означает, что Юрий Васильевич потерпел поражение. Конечно, это было большим ударом для него. Ничего он не

добился: ни положения, ни квартиры и даже пришлось отказываться от своего последнего детища – большой ВЭС.

Наша контора преобразуется в ПЭКВЭС. Видимо, это означает: проектирование экспериментальных конструкций.

У ПЭКВЭСа был под Москвой полигон. На этом полигоне Юрий Васильевич организовал исследование ветровой нагрузки. Он смеялся над записями скорости ветра по крошечному прибору.

– Нужно иметь представление о действии ветра на большое сооружение. Скорость ветра может быть совершенно разной в двух точках на расстоянии всего в полметра.

На полигоне был сооружён прибор, имеющий в своей основе шарнирный квадратный лист фанеры со специальным противовесом, обеспечивающим ему период колебания в 1 секунду. Колебания этого щита фиксировались самопишущим прибором и позволяли получать представление о действии ветрового потока на объект с площадью сопротивления в 2 м^2. Юрий Васильевич самолично монтировал и снимал показания с этого прибора.

Я уволился с 1 сентября 1937 года и поступил на работу в проектную мастерскую строительства Дворца Советов, где вскоре получил квартиру.

Юрий Васильевич хотел сохранить связи со своими сотрудниками. Предложил мне написать указания о динамических расчётах. Я делал эту работу в вечернее время. Тогда для этого не требовалось разрешения.

Изредка приезжал в ПЭКВЭС, показывал работу Юрию Васильевичу, сдавал в оформление, но даже это было уже трудно. Одна неоформленная работа валяется у меня по сие время. ПЭКВЭС был в состоянии агонии. Дзюбу арестовали.

Я пытался получить авторское свидетельство на систему регулирования ветроколёс. Сохранились положительный отзыв об этом изобретении от Юрия Васильевича и отказ от экспертизы.

Вскоре на моей новой работе мне напомнили о нашей ВЭС. Председатель государственной экспертной комиссии по рассмотрению проекта Дворца Совета академик Б.Г. Галёркин захотел иметь расчёт здания на динамическое действие ветра, по его указанию разыскали группу, проектировавшую ВЭС, а оттуда их направили на новое место работы Никитина – проектную мастерскую Дворца Советов. Мне предложили, за отдельную плату, выполнить динамический расчёт здания Дворца Советов на ветровую нагрузку, что я и исполнил, передав расчёт профессору И.М. Рабиновичу (крупнейшему учёному в области строительной механики. – *Ред.*).

(Дворец Советов с гигантским памятником вождю пролетариата В.И. Ленину сверху – предполагали возвести на месте храма Христа Спасителя, взорванного 5 декабря 1931 года. Дворец не был построен в связи с началом Великой Отечественной войны. Впоследствии на том месте разместили открытый бассейн «Москва». В

наши дни на фундаменте планировавшегося Дворца вновь к небу вознёсся новый храм Христа Спасителя – *Ред.)*

Вскоре после начала войны кто-то сказал мне, что Юрий Васильевич пошёл добровольцем в ополчение и его сразу же убили. Мы все тогда записывались в добровольцы, но инженерам, представляющим какую-нибудь ценность, выдавали броню и отправляли в эвакуацию.

Зимой 1942 года в Новосибирске на концерте Ленинградской филармонии я встретил В.П. Ветчинкина, мы вспомнили Юрия Васильевича и пожалели о судьбе покойного[*].

Печальна судьба инженерного гения без признания.

25 июня 1972 г.
гор. Москва

Леонид Лифшиц[**]

Человек глубокой творческой мысли

Память об этом необыкновенном человеке мне неизмеримо дорога. Считаю большим счастьем, что вначале своей трудовой деятельности я встретился с Юрием Васильевичем Кондратюком и под его непосредственным влиянием формировался как инженер и человек.

Познакомился я с ним в июле 1933 года в Харькове, в Украинском научно-исследовательском институте промышленной энергетики, куда я поступил работать после окончания техникума.

В институте промэнергетики были две секции, которые разрабатывали два варианта технического проекта мощной ветроэлектростанции (ВЭС): один вариант – под руководством Ю.В. Кондратюка и второй под руководством Дмитрия Яковлевича Алексапольского. Я попал в секцию, которой руководил Юрий Васильевич.

Не могу восстановить в памяти первое впечатление, которое он произвёл на меня. Это объясняется, очевидно, тем, что в короткое время Юрий Васильевич стал мне настолько близким, что трудно представить его глазами незнакомого.

Внешний вид Юрия Васильевича был не совсем обычным. Достаточно сказать, что в свои 33 года[*] он выглядел значительно

---

[*] Вероятнее всего, Никитин здесь ошибается. Происходило это не зимой 1942 г., а весной. Согласно книги о нём Игоря Сорокина («Покорение высоты», 1983, с. 95.) в Новосибирск он был направлен из Москвы весной 1942 г. «…для укрепления вновь созданной организации Промсстройпроект».

[**] Журнал "Сибирские огни", №3, 1960 г., С.159-163. Воспоминания подписаны «*Л.Лившиц*», но из их текста и дальнейших публикаций следует более правильное написание фамилии – «*Лифшиц*» (В.Р.).

[*] Автор воспоминаний в 1960 году не знал, что в реальности Ю.В. Кондратюку тогда было 36 лет.

старше. Седая, всегда немного всклокоченная шевелюра (от привычки ерошить волосы концом логарифмической линейки), такая же седая борода и пронзительный взгляд могли бы придать ему облик средневекового фанатика, если бы не весёлые искорки, никогда не потухавшие в глазах. Этот человек сочетал в себе бесконечную жизнерадостность с полнейшим пренебрежением ко всяким жизненным удобствам. Работал он очень много, часто забывал о времени. Я знаю, что в Харькове он несколько месяцев не имел комнаты и ночевал прямо в конторе на столе. Питался он также нерегулярно, часто заменяя обед хлебом и сахаром, которые держал в ящике стола.

Работать под руководством Юрия Васильевича было необыкновенно легко и интересно. В тот, харьковский, период нашей совместной работы я ещё не мог понять всей широты его таланта и эрудиции. К тому же из недостатка личного опыта я тогда ещё не мог сравнить его с другими руководителями, но помню, что очень быстро привязался к нему всей душой. Он тоже относился ко мне, молодому технику-конструктору, очень сердечно, уделял много внимания моей работе и в то же время никогда не подавлял моей инициативы своим авторитетом. Ставя перед конструктором какую-нибудь задачу, он не предлагал готового решения и высказывал своё мнение только тогда, когда конструктор приходил к нему уже с предварительно продуманным вариантом.

Юрий Васильевич не ограничивался шаблонными решениями, не боялся новых, на первый взгляд совершенно неожиданных путей, широко применял аналогии с различными, зачастую весьма отдалёнными областями науки и техники, избегал применения в расчётах готовых формул и выводил их самостоятельно, исходя из основных научных законов. Всё это, вероятно, объяснялось отсутствием в его образовании официальной научной школы, привычкой до многого доходить своим умом. Но эти принципы были весьма плодотворны в нашей работе, и я старался придерживаться их впоследствии.

Наша ветросекция находилась на Сумской улице (ныне улица К. Либкнехта) в небольшом флигеле. Помещение секции состояло из одной большой комнаты с печью посредине и двух кабинетов руководителей секций «а» и «б». Стремясь поскорее закончить проект, мы часто работали вечерами и по воскресеньям. Но я не помню случая, чтобы кто-нибудь жаловался на усталость. И неудивительно – ведь с нами был неутомимый Кондратюк, с его неисчерпаемым юмором.

Помню, однажды в воскресенье старушка-уборщица никак не могла растопить печку. Юрий Васильевич подошёл к ней и ласково сказал: «*Тут, бабуся, всё дело в химии и термодинамике*». – Мягко отстранив старушку, он принялся орудовать у печки, и через несколько минут дрова весело запылали. «*Ну и начальник!*» – всплеснула руками довольная женщина.

Главный корпус института промэнергетики помещался на Екатеринославской улице (ул. Свердлова). Помню, как мы ходили с Сумской на Екатеринославскую. Я, щуплый подросток, еле поспевал за рослыми сибиряками – Юрием Васильевичем Кондратюком, Николаем Васильевичем Никитиным и Александром Александровичем Даманским. В институте проходили заседания техсовета. На этих заседаниях шла ожесточённая полемика по ряду теоретических и технических вопросов между Юрием Васильевичем и известным специалистом по аэродинамике академиком Георгием Фёдоровичем Проскурой. Академик Проскура шефствовал над проектом Алексапольского и, отстаивая последний, всячески нападал на вариант Юрия Васильевича. Юрий Васильевич, несмотря на обычную скромность и деликатность в отношениях с людьми, никогда не склонялся перед авторитетами и до конца отстаивал свои взгляды. И все эти споры, несмотря на численное превосходство «противника», заканчивались триумфом Юрия Васильевича.

Расхождения по отдельным вопросам не мешали Юрию Васильевичу глубоко уважать Г.Ф. Проскуру, а с Д.Я. Алексапольским он всегда поддерживал дружеские отношения. В частности, первой книгой, которую Юрий Васильевич дал мне почитать для расширения кругозора, была книга Г.Ф. Проскуры «Экспериментальная аэрогидромеханика».

В январе 1934 года технический проект ВЭС был закончен и отправлен на экспертизу в Академию наук СССР. В это же время закрылось вечернее отделение Харьковского университета, где я учился на математическом факультете. В связи с окончанием проектных работ я был освобождён от работы в институте промэнергетики и перешёл на дневное отделение университета.

Академия наук одобрила вариант ВЭС, предложенный Ю.В. Кондратюком. По распоряжению С. Орджоникидзе в Москве при тресте «Центроэнергострой» была организована контора по рабочему проектированию и строительству Крымской ВЭС на 12000 киловатт. В ноябре 1934 года по приглашению начальника этой конторы П.К. Горчакова я оставил университет и переехал на работу в Москву.

Должен сказать, что Юрий Васильевич, несмотря на то, что хотел, чтобы я у него работал, не очень одобрял мой уход из университета. Но лично я никогда не раскаивался в этом. Хотя я и с большим удовольствием занимался математикой, но всё же считаю, что «университет», пройденный под руководством Юрия Васильевича, дал мне больше, чем учёба в вузе. И впоследствии, когда я учился в Киевском индустриальном институте, я, благодаря закалке, приобретённой у Юрия Васильевича, смог взять от учёбы в институте гораздо больше знаний, чем мои сокурсники.

Несмотря на весьма квалифицированный состав участников и консультантов проекта, душой всех работ был Юрий Васильевич

Кондратюк. Можно было без конца изумляться его необычайно широкой эрудиции, неистощимой изобретательности и оригинальности мышления. Все консультанты и эксперты отмечали, что разработанный под его руководством проект первой в мире мощной ВЭС и отдельные её части и детали представляют большой технический интерес.

ВЭС была запроектирована в виде цилиндрической полой железобетонной башни диаметром 6,5 метра и высотой 165 метров. На башне монтировались два машинных зала: один на вершине, а второй перерезал башню пониже её середины. Башня стояла на гидравлическом подпятнике, представляющем собой литой резервуар, заполненный смесью вискозина с канифолью. На эту жидкость опирался своеобразный поршень, которым заканчивалась снизу башня. Поршень состоял из пакета стальных листов, стянутых между собой таким образом, что при наклоне башни на некоторый угол они могли сдвигаться один относительно другого наподобие колоды карт. Это обеспечивало шарнирность закрепления башни, не нарушая герметичности уплотнения поршня в цилиндре подпятника.

Между машинными залами башня была схвачена в пояс, к которому были прикреплены три растяжки с чугунными грузами, скользившими по рельсам в наклонных штольнях. Грузы были соединены с гидравлическими амортизаторами для гашения колебаний башни. Растяжки были подвешены к параболическим поддерживающим тросам. Поворот башни производился электровозом, который двигался по рельсам вокруг основания башни. Управление электровозом осуществлялось автоматически от устройства, улавливающего изменения направления ветра и поворачивающего башню до тех пор, пока ветроколёса на станут против ветра.

Каждый машинный зал представлял собой самостоятельную ВЭС мощностью 6000 киловатт. В каждом зале в гигантских подшипниках Митчеля монтировался пустотелый главный вал диаметром 1100 миллиметров. На внешней консоли главного вала было закреплено ветроколесо диаметром 80 метров. Главный вал вращался со скоростью 20 оборотов в минуту. Передача с главного вала на вал генератора, совершавший 500 оборотов в минуту, производилась с помощью гидроредуктора, состоящего из пластинчатого масляного насоса и турбины Пельтона. Специальная конструкция генератора с вращающимся статором позволяла получать электрический ток постоянной частоты при переменном числе оборотов главного вала.

Ветроколёса имели по три поворотных крыла, насаженных на полые оси-махи. Каждое крыло состояло из двух частей – внутренней и внешней с самостоятельными механизмами поворота. Система поворота крыльев позволяла выполнять три задачи: 1) автоматически ограничивала мощность ветроколеса в пределах, определённых расчётной прочностью главной передачи, путём изменения угла атаки

крыльев соответственно изменению скорости ветра, 2) обеспечивала принудительный поворот крыльев с целью изменения режима работы ВЭС, 3) позволяла лопастям свободно откатываться в нейтральное положение при внезапных толчках ветра и возвращаться в исходное положение с одновременным гашением колебаний.

В конструктивных решениях всех элементов ВЭС было вложено много творческой мысли и изобретательности, главным вдохновителем и неиссякаемым источником которых был Кондратюк. По-моему, он впервые предложил способ обеспечения герметичности литья путём продавливания через его поры легкоплавкого, застывающего при обычных температурах, материала. Интересный принцип, могущий найти более широкое использование, был применим нами при проектировании привода поворотных лопастей. Для привода каждой лопасти применялись два мотора, соединённые через дифференциал таким образом, что в случае выхода из строя одного из них лопасть могла поворачиваться вторым мотором.

Таких примеров можно было привести немало.

Но, пожалуй, самым интересным в этом проекте и характерным для всего творчества Кондратюка была не столько оригинальность конструкции, сколько необычная теоретическая глубина и точность расчётов. Наиболее показательным в этом отношении является расчёт железобетонной башни ВЭС, произведённый Юрием Васильевичем Кондратюком и Николаем Васильевичем Никитиным. Наш консультант по строительной части профессор Пастернак был изумлён смелостью и убедительностью этих расчётов.

Когда сейчас, через 25 лет, вспоминаешь ту большую расчётно-конструкторскую работу, которая была проведена за два года нашей небольшой группой, то просто удивляешься, какие свежие головы были у нас тогда, с каким энтузиазмом мы работали. Но особенно восхищаешься талантом и энергией Юрия Васильевича.

Это было подлинное творческое содружество группы товарищей-единомышленников, целиком отдавшихся работе. Хотя у каждого из нас было своё дело, все наиболее интересные вопросы мы обсуждали сообща, главным образом по вечерам, зачастую засиживаясь до поздней ночи. Эти вечерние беседы, на которых затрагивались самые различные области науки и техники, сыграли исключительную роль в нашем развитии. Мы много читали и старались из всего прочитанного извлечь пользу. Юрий Васильевич всегда поражал нас глубиной своих познаний в самых различных науках: математике, физике, механике, аэродинамике, термодинамике, электротехнике, химии, теории упругости, строительном деле. Он прочно усвоил основные принципы каждой науки и свободно ими оперировал. В то же время он не стеснялся признаться, если чего-нибудь не знал, и консультировался у всех, у кого было можно. Помню, как попало к нему незнакомое слово

«аброзия». Он всех расспрашивал, что это такое, и бормотал: «*Аброзия – безобразие*». Он любил интересные звукосочетания и часто повторял шуточную поговорку: «*Кому – таторы, а кому – ляторы*».

Юрий Васильевич с удовольствие разгадывал всякие головоломки. Особенно нравилась ему одна логическая задача, которую он всем предлагал с условием, что ответ он не скажет, и, тот, кто решит задачу, может задавать её другим, но тоже не говорить ответа:

– Сидят три человека. У каждого из них лицо выпачкано сажей. Каждый смотрит на двух и смеется, не подозревая, что он тоже выпачкан. Спрашивается: каким образом, без каких либо слов и жестов, каждый должен был догадаться, что его лицо тоже выпачкано?

Подобные упражнения для ума, а также игру в шахматы Юрий Васильевич охотно признавал, но терпеть не мог бессмысленной траты драгоценного времени. Особенно презирал он карты и людей, губящих своё время на это пустое занятие. Отрицал он и алкоголь, никогда не брал в рот ни капли спиртного.

Он любил весёлые каламбуры и анекдоты, но не терпел похабщины. Никогда не слышал я от него нецензурного слова, да и другие не решались рассказывать при нём что-нибудь неприличное.

Кондратюк ценил искусство и охотно, хотя и редко (из-за недостатка времени) посещал театр. Помню, ему очень понравилась пьеса Бернарда Шоу «Шоколадный вояка», которую ставили тогда в саду «Эрмитаж», и всем советовал её посмотреть.

Юрий Васильевич был так хорошо воспитан, что к нему вполне подходило определение, которое вкладывал Чехов в понятие «воспитанный человек»: «*воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы… Они чистосердечны и боятся лжи, как огня… Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие… Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой …*»

Мне на всю жизнь запомнился такой эпизод. При обсуждении какого-то вопроса нам потребовался один документ. Я с юношеской неразборчивостью в выражениях, свойственной, к сожалению, и многим «солидным» людям, сказал: «*Можно послать за ним Варвару Аркадьевну*» (нашего секретаря). Юрий Васильевич тут же меня поправил: «*Варвару Аркадьевну можно попросить, но не послать*».

Большой заслугой Кондратюка был подбор и воспитание нашего конструкторского коллектива. Он умел находить способных людей и выращивать их. В нашей группе были и инженеры, и техники, и люди без всякого образования. Юрий Васильевич оценивал работников по их действительным способностям, не взирал на чины и звания. Костю Шиманского, молодого слесаря, Юрий Васильевич нашёл в одной

мастерской, где заказывал макеты и опытные узлы электростанции. Он увидел, что у Кости не только золотые руки, но и ясная голова, взял его к нам в контору, и в короткий срок воспитал из него прекрасного конструктора. Очень быстро вырос у нас до инженерной квалификации молодой чертёжник-конструктор Е.З. Штеллинг. Много внимания уделял Юрий Васильевич Б.А. Злобину, заканчивающему параллельно с работой Московский инженерно-строительный институт. Я помню, как мы все ездили в институт, чтобы присутствовать при защите Злобиным дипломного проекта.

О том, с каким вниманием относился Юрий Васильевич к своим кадрам, свидетельствует следующий эпизод. Однажды утром Варвара Аркадьевна встретила меня весёлой улыбкой: «*Вас можно поздравить с повышением?*» Я буквально вытаращил на неё глаза. В то время я, двадцатилетний техник-конструктор, был на должности инженера и получал вполне приличный по тому времени оклад – 450 рублей в месяц. Требовать чего-то большего мне и в голову не приходило.

Варвара Аркадьевна тут же отпечатала копию докладной записки Юрия Васильевича и дала её мне на память. В докладной записке он просил главного инженера ВЭС «*увеличить оклад тов. Лифшица до 500+21 руб.*».

Я уже говорил, что многие видные учёные глубоко уважали Кондратюка и давали высокую оценку нашим работам, но было немало и таких, даже высокопоставленных людей, которые, пугаясь смелых идей Юрия Васильевича и не давая себе труда понять их всячески тормозили нашу работу.

Главным источником рутины и косности в ветротехнике был существовавший до 1935 года Центральный ветроэнергетический институт (ЦВЭИ), в ликвидации которого немалое участие принял Юрий Васильевич. Должен сказать, что в самом «Центроэнергострое» наш коллектив был чем-то вроде белой вороны. К нам относились с явным недоверием и недружелюбием. Однажды управляющий трестом даже назначил комиссию по «расследованию» нашей деятельности. Работу моей группы проверял один маститый старший инженер, фамилии которого не помню. Как раз был оформлен расчёт динамики колебаний и разработана схема автоматического управления ветроколесом. Эти материалы смотрел и одобрил В.П. Ветчинкин, и поэтому я с лёгким сердцем представил их комиссии. Мой «эксперт» полистал объёмистые труды, ничего в них не понял и написал сначала весьма похвальный отзыв, но когда на заседании у управляющего «Центроэнергостроем» он узнал, что я по образованию всего лишь техник, то заявил, что берёт своё заключение обратно, так как считает, что такую работу не может выполнить человек без высшего образования.

С подобными «экспертизами» Юрию Васильевичу пришлось повоевать немало. Однажды, выведенный из терпения, он написал

острый фельетон под названием «Экспертиза» и послал его, если не ошибаюсь, в газету «Известия»[***]. В этом фельетоне он весьма образно представил, какую рецензию написали бы такие «человеки в футлярах», если бы им на экспертизу попал бы первый автомобиль или швейная машина системы «Зингер».

Должен сказать, что Юрий Васильевич обладал прекрасным литературным слогом, что видно и по его книге «Завоевание межпланетных пространств». Правда, основную часть этой небольшой книжки занимали расчёты и формулы, но текстовая её часть, при всей своей лаконичности, отличается не только богатством мыслей, но и стройностью изложения.

Несмотря на ежедневное общение с Кондратюком, мы почти не разговаривали с ним о его работах, не связанных с ВЭС. Это объяснялось отчасти тем, что и одной электростанции было достаточно, чтобы занять наши умы. С книгой «Завоевание межпланетных пространств», которую он мне подарил, я в то время познакомился лишь поверхностно. Гораздо позже, когда Юрия Васильевича уже не стало, я много раз с благоговением перечитывал эту книгу и только тогда понял, какие научные богатства в ней заложены. Но я знал, что он и в те годы (1934-1936) не бросал работы над ракетами и сотрудничал в бюро ракетоплавания при Центральном совете Осоавиахима. Я знаю, что он состоял также в Техническом Совете Наркомтяжпрома и занимался там проектом какого-то миноносца. Упоминал он иногда и о своих работах в Сибири по элеваторам.

Расстался я с Кондратюком в августе 1936 года. К этому времени рабочий проект ВЭС был в основном закончен, а начало строительства почему-то задерживалось. В Крыму делать было нечего, поэтому я, решив закончить своё образование, поступил в Киевский индустриальный институт. В течение года или полутора я изредка получал письма от Юрия Васильевича, всегда очень содержательные и интересные, но потом наша переписка прекратилась. Во время войны я сделал попытку разыскать его. Послал запрос в Московский адресный стол и получил ответ, что Юрий Васильевич проживает в Скатертном переулке. Написал туда, но ответа не получил.

В 1946 году я был в Москве, зашёл в Скатертный переулок, но Юрия Васильевича никто там не знал. Я поехал в Энергетический институт Академии наук. В одном из залов института в это время слушался какой-то доклад по ветродвигателям. Среди слушателей я нашёл человека знавшего Юрия Васильевича. Он мне сказал, что Юрий Васильевич был в ополчении и погиб при обороне Москвы. О судьбе трудов Юрия Васильевича, и в частности проекта ВЭС, никто ничего не знал.

Так оборвалась жизнь этого замечательного человека.

[***] «Экспертиза» в соавторстве с П.К. Горчаковым была опубликована в номере газеты «За индустриализацию» от 3 марта 1935 года (В.Р.)

Для меня Юрий Васильевич Кондратюк был и навсегда останется не только замечательным учёным и изобретателем, не только близким другом и наставником, но и совершенным идеалом человека в самом благородном значении этого слова.

Отрадно знать, что память о Юрии Васильевиче не забыта, что идеи его нашли воплощение в летающих спутниках Земли и Солнца.

Зоя Ценина

Воспоминания о Ю.В. Кондратюке

З.М. Ценина

О Юрии Васильевиче я впервые услышала в 1930 году в «Хлебострое», куда устроилась работать чертёжницей уже после его увольнения. «Хлебострой» размещался в двухэтажном деревянном доме на Красном проспекте, на месте магазина «Гастроном», что напротив Облсофпрофа. В словах сослуживцев, работавших с Кондратюком, звучало уважение к нему.

Было так. Когда конструкторы-механики затруднялись с решением какого-либо вопроса, то групповод говорил:

— Над чем голову ломаете? Зря время теряете. Возьмите решение Кондратюка, лучше не придумать!

Познакомилась же я с Юрием Васильевичем позднее, в 1931 году в проектном бюро № 14.

Бюро находилось в двухэтажном деревянном здании на нечётной (северной) стороне улицы Коммунистической, между Серебренниковской и Каменской, ближе к последней. Проектировщики работали на втором этаже.

Помню, не закончив дневного задания, я задержалась поработать. Ко мне кто-то незаметно подошёл и тихо спросил:

— Над чем мы так упорно трудимся?

Это был Юрий Васильевич. Так произошло наше знакомство с ним. Он был высокий, очень худой, с небольшой сутулостью. Первое, что запечатлелось и поразило меня в нём — это его глаза, смеющиеся, необыкновенно добрые. Их невозможно описать!

Одевался он просто, всегда в чёрный хлопчатобумажный костюм и чёрную рубашку-косоворотку навыпуск. Руки, необыкновенно длинные, он по-толстовски часто закладывал за пояс. Имея малоразвитый

подбородок, носил бороду. Его день, вернее сутки, были очень загружены.

В дневные, рабочие часы он консультировал, а основной своей работой занимался вечерами и даже ночами. Жил Юрий Васильевич на одной усадьбе с бюро, в одноэтажном деревянном доме-общежитии.

Он никому не отказывал в своей помощи по работе и каким-то необыкновенным чутьём понимал, где она необходима. К нему шли инженеры всех специальностей. Не консультировались только архитекторы. Здесь он говорил:

— *Это не моя область*.

В обращении со всеми был одинаково прост, независимо от положения на служебной лестнице и возраста.

В начале весны 1932 года бюро переехало на четвёртый этаж четырёхэтажного кирпичного здания «Кузбассугля» на углу улиц Кузнецкой (Ленина) и Советской. Сейчас его адрес: Советская, 18 (В нём размещаются структуры СО РАН, а также магазин, который сторожилы Новосибирска и теперь называют «Кузбасс»).

Я жила в те годы на частной квартире, в одноэтажном деревянном доме Фёдорова по улице Нерчинской, 27, в небольшой комнате. Эта квартира мою семью из трёх человек не устраивала, поэтому я перешла в более удобную по соседству, на Нерчинской, 25.

Как-то вскоре после переезда бюро на улицу Советскую Юрий Васильевич сказал мне, что ему нужна квартира. Я предложила ему свою прежнюю на Нерчинской, 27. Он согласился и переехал туда из общежития на Коммунистической. Это было где-то в начале апреля 1932 года. Сейчас улицы Нерчинской в Новосибирске нет, она застроена многоэтажными домами. На месте дома Фёдорова и других соседних с ним деревянных домиков стоит пятиэтажный панельный дом с новым адресом — ул. Челюскинцев, 38. Если до переезда Юрия Васильевича на Нерчинскую я общалась с ним только по работе, то теперь мы встречались с ним чаще, как соседи. В его квартире на столе стоял портрет красивой женщины, его матери. Он был похож на мать.

Юрия Васильевича отличали воспитанность, тактичность и удивительная доброта и бескорыстие. Он всегда был готов помочь и как-то сказал мне, что у него постоянная потребность о ком-то заботиться, что так легче жить. Когда я посоветовала ему, чтобы он купил себе новый костюм, он меня отчитал:

— Как это я могу расходовать деньги на костюм, когда у меня так много нуждающихся друзей.

Мне он оказывал помощь не только по работе, но и в быту. Юрий Васильевич был умнейший и образованный человек. Меня удивляли его отношения с сослуживцем П.К. Горчаковым. Казалось, что П.К. Горчаков был его «злым гением». Создавалось впечатление, что, будучи посредственным специалистом, он беззастенчиво использует

одарённость Юрия Васильевича в интересах собственной карьеры. Когда же я сказала об этом Юрию Васильевичу, то он запротестовал:

— Я обязан Петру Кирилловичу за помощь, оказанную мне в трудном положении.

Это характеризует порядочность Юрия Васильевича.

Попытки приоткрыть мир его детства и юности всегда наталкивались на молчание. Он уходил в себя и начинал разговор о другом.

Он мог говорить много и с увлечением о музыке, о любимых операх. Однажды летним вечером, во время прогулки, мы вышли с нашей Нерчинской на Сибирскую, миновали сад «Альгамбра» и на площади перед зданием школы, над кровлей которого находилась недостроенная пожарная каланча, устроились посидеть на штабеле брёвен.

Дочка Галочка крутилась у наших ног. Было тепло и тихо. На фоне неба, над очертанием одноэтажной городской застройки выделялись только пожарная каланча и левее — остроконечный минарет татарской мечети. Юрий Васильевич заговорил о полёте к планетам. Он убеждал, что уже в недалёком будущем такие полёты станут явью. Я внимательно слушала его, но не верила, считая всё это его богатой фантазией.

Помню также, как он ознакомил меня с письмом к нему К.Э. Циолковского, из которого запомнилась фраза: «*Дерзайте, Вы близки к истине…*»

Юрий Васильевич позволял себе и ребячество. Представьте, например, такое. Прошёл ливень. На Нерчинской, в поросших травой низинах, образовались большие лужи. По этим лужам бродит моя Галочка, а за ней босиком, в закатанных выше колен брюках — Юрий Васильевич.

Работая в бюро № 14, Юрий Васильевич одновременно занимался в «Запсибэнерго» над проектом ветроэлектростанции. «Запсибэнерго» помещался тогда по соседству с бюро, в четырёхэтажном кирпичном здании, на углу улиц Советской и Трудовой. Его комната на Нерчинской была завалена чертежами и расчётами этой ветроэлектростанции.

Осенью 1932 года он ушёл из бюро в «Запсибэнерго», однако проработал там недолго. Вскоре с готовым проектом ветроэлектростанции уехал в Москву.

В декабре 1932 года Юрий Васильевич возвратился в Новосибирск, чтобы забрать какие-то оставленные здесь чертежи и вещи, рассчитаться по квартире, и покинул наш город окончательно.

Это была наша последняя встреча.

Новосибирск,
2 августа 1982 г.

Владимир Сидоров

Укрощение ветра*

Наибольшую известность при жизни Юрия Васильевича получили его проекты в области промышленной энергетики, также намного опередившие своё время. Впрочем, здесь, как и во всей жизненной и творческой биографии Юрия Васильевича, немало «белых пятен». Наш специальный корреспондент Александр Перевозчиков встретился с генеральным конструктором ветроэнергетической техники, лауреатом Государственной премии СССР Владимиром Иосифовичем Сидоровым, хорошо знавшим Ю.В. Кондратюка. Публикуем его воспоминания.

5 декабря 1937 года в конференц-зале Технического отделения АН СССР состоялось совещание об использовании энергии ветра в условиях Крайнего Севера. В президиуме академики Г.М Кржижановский, А.В. Винтер, В.М. Кирпичев, председатель — академик С.А. Чаплыгин.

Заслушивалось моё сообщение о работе быстроходного ветроэлектрического агрегата ЦВЭИ-Д-12 в Арктике, на полярной станции Мыс Желания. Я только что вернулся с северной оконечности Новой Земли, где два с половиной года наблюдал за работой агрегата с диаметром крыльев 12 м и мощностью в 20 кВт. В сущности, это была уменьшенная в 50 раз модель ветроэлектрической установки ЦВЭИ-Д-50 мощностью 1000 кВт, разработанной к тому времени в Центральном ветроэнергетическом институте. Я рассказал об особенностях эксплуатации ветростанции в экстремальных условиях новоземельского района.

Сообщение вызвало интерес у собравшихся, среди которых было много специалистов по аэродинамике, конструкторов ветротехники, энергетиков и экономистов. Вопросы задавали самые разные, от глобально-технических до мелочно-бытовых и в таком количестве, что С. А. Чаплыгин в конце концов предложил: «*Дадим докладчику отдых, а сами обсудим вопрос о внедрении на Крайнем*

* Публикация воспоминаний В.И. Сидорова из журнала «Техника-молодёжи», №7, 1988. – С.6-9

Севере более мощных ветроэнергетических установок, при разработке которых можно использовать материалы, собранные товарищем В.И. Сидоровым. Кстати, на следующем совещании, — добавил он, — *мы рассмотрим технические проекты ветроустановок мощностью 5 и 10 тыс. кВт. Докладывать будет их главный конструктор товарищ Ю.В. Кондратюк*».

Надо ли говорить, что меня заинтересовали и установки, самые крупные в мире, и их создатель.

Совещание закончилось. Пока я собирал свои материалы, зал опустел. Только с профессором Н. В. Красовским — он просил стенографисток побыстрее напечатать стенограмму — продолжали разговор двое. Я обратил внимание на скромно державшегося высокого худощавого брюнета, носившего бородку клином с проседью и похожего на Дон Кихота.

Когда я подошёл к Красовскому, чтобы взять у него телефон и адрес академика Александра Васильевича Винтера, Николай Васильевич живо ко мне обернулся и сказал: «*Владимир Иосифович,* знакомьтесь: Юрий Васильевич Кондратюк. — Он представил меня Дон Кихоту. — *Вам, как молодому практику*, — продолжал он с чуть заметной улыбкой, — *полезно поделиться своим опытом с нашими ведущими теоретиками в области конструирования ветроустановок. Полагаю*, — заключил он все с той же улыбкой, — *что на следующем совещании, когда Юрий Васильевич доложит нам о своих мощных ветроэлектрических установках, вы, Владимир Иосифович, также сможете участвовать...*»

Я, разумеется, согласился, хотя, честно говоря, после длительной зимовки планировал сразу же уехать к родителям.

Позже, когда мы продолжили наш разговор с Юрием Васильевичем, он также попросил меня задержаться с отъездом. У него возникли важные вопросы, стеснительно сказал он, на которые ему хорошо бы получить от меня ответ. Чувствуя его большую заинтересованность, я, не раздумывая, подтвердил согласие.

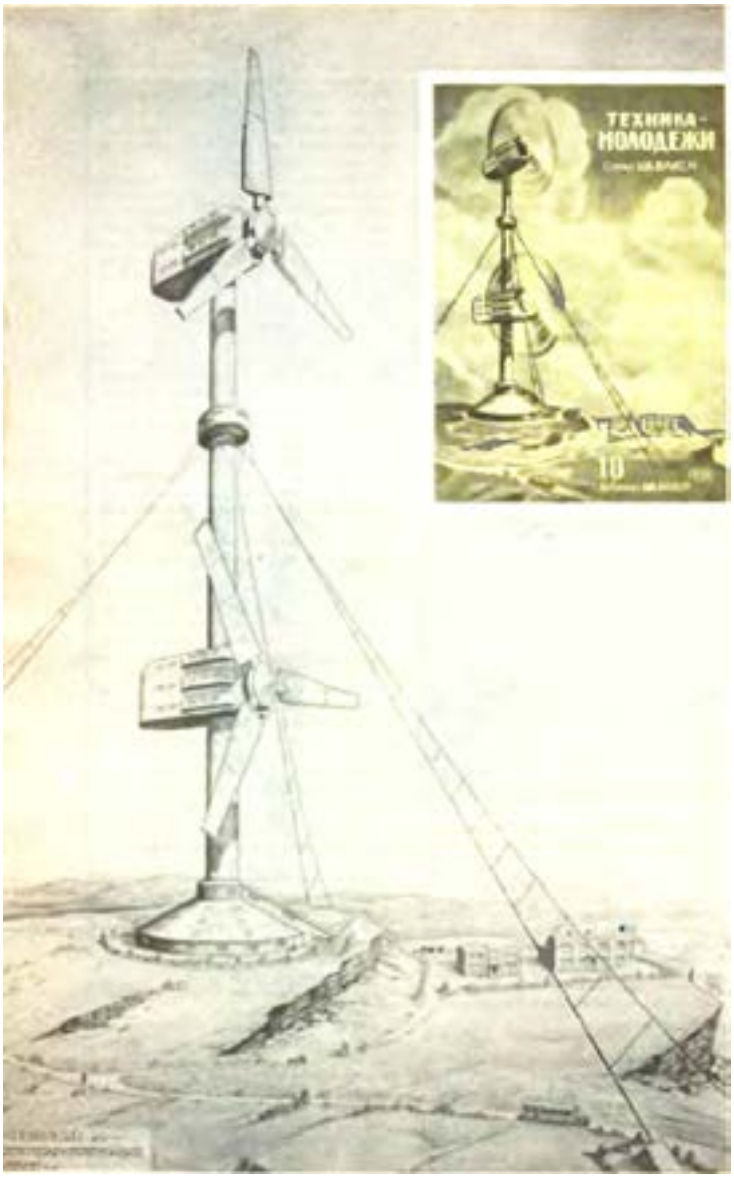
С первых же слов Юрия Васильевича стало ясно: речь идёт о незаурядном по смелости проекте ВЭС. Несомненная находка проекта — уникальный двухроторный ветроэнергетический агрегат большой мощности. Не нужно было быть большим специалистом, чтобы понять: уровня заложенных в него технических решений ещё не достигала мировая ветротехника. Важная особенность конструкции — её оснащение двумя ветроколесами диаметром по 60 м (при мощности ВЭС 5 тыс. кВт) или 80 м (в этом случае мощность ВЭС достигнет 10 тыс. кВт).

Затем разговор перешёл на Арктику. Юрий Васильевич стал обстоятельно выяснять, каковы максимальные скорости и продолжительность ветров на Новой Земле. Каковы минимальные температуры полярной ночью? При каких условиях образуется гололёд на крыльях? Дотошно

интересовался характеристиками скальных грунтов, вечной мерзлоты и особенностями закладки в них фундаментов. Подробно расспрашивал о способах доставки габаритных грузов в районы Арктики. Меня поразила способность Кондратюка точно сформулированным вопросом прицельно рассекать самую сердцевину проблемы.

Очень скоро наш разговор принял доверительный характер.

Чувствуя моё расположение, Юрий Васильевич поведал о весьма непростой обстановке, которая складывалась вокруг его проектов. Строительство ветроустановки на 10 тыс. кВт намечено в Крыму на Ай-Петринской яйле, но окончательное решение должно последовать вслед за рассмотрением его проекта на Техническом отделении АН СССР.



В первой половине апреля 1938 года на совещании, которое также вёл академик С.А. Чаплыгин, Юрий Васильевич докладывал о своих ветроустановках. Подробно охарактеризовал механическую и электрическую часть ВЭС на 10 тыс. кВт, сооружение которой уже началось на Ай-Петри. Его содокладчиком был Н.В. Никитин, более подробно остановившийся на строительной части проекта, в особенности на оригинальной конструкции железобетонной башни, своего рода прообразе Останкинской. У них не только внешняя схожесть. Многие из тех технических «изюминок», что впоследствии Николай Васильевич использует при строительстве высочайшей телевышки мира, впервые были заложены в проект Ай-Петринского «ветряка»!

Со времени предыдущего совещания по ветроэнергетике прошло всего четыре месяца, однако настроение у собравшихся резко изменилось. Это почувствовалось сразу, когда в прениях по докладу пошли выступления с необычно резкой критикой.

«*Это — стремление к гигантомании!*» — безапелляционно характеризовал проект один оратор, рубя рукой воздух. «*Подобных разработок нет даже за рубежом!*» — вторил ему другой, как будто повторение чьих-то зарубежных «задов» в конструкции может считаться её достоинством. Голоса сторонников проекта были немногочисленны. Хотя в его защиту и выступили такие признанные авторитеты, как профессора В.П. Ветчинкин, Н.В. Красовский и даже работавший в ЦВЭИ ведущим конструктором по «альтернативной» ветроустановке Д-50 В.В. Уткин-Егоров.

Примирить оппонентов попытался в своём итоговом выступлении академик А.В. Винтер. Эти проекты, напомнил он, разрабатываются по решению Комиссариата тяжёлой промышленности, утверждённому Г.К. Орджоникидзе. Чтобы подтвердить основные характеристики ветроэнергетической установки мощностью 10 тыс. кВт, необходимо ускоренными темпами изготовить её модель мощностью, скажем, до 10 кВт и испытать её. Ясно, что эксперименты должны проводиться на той же территории, где будет сооружаться и основная установка. Полагаю, заключил без обиняков Александр Васильевич, что на этом дискуссию по вопросу сооружения столь важного для энергетики объекта можно закончить.

Совещание решило «*рекомендовать Народному комиссариату тяжёлой промышленности изготовить и испытать модель ветроэнергетической установки мощностью 100 кВт с двумя ветроколесами диаметром по 2 м*».

Итог известен: приостановив сооружение ВЭС на 5 и 10 тыс. кВт, Главэнерго приступило к проектированию модели на 100 кВт.

Последняя и, пожалуй, самая запоминающаяся встреча с Кондратюком произошла в начале 1941 года. Примерно в конце апреля, когда я был вызван в Наркомат тяжёлой промышленности, мы случайно встретились с ним в сквере на площади Ногина.

Не без сожаления Юрий Васильевич рассказал, что башню ветряка с кабинами и помещением для электрогенератора пришлось выполнять не в железобетоне, как задумывали, а по старинке, цельнометаллическими. Но есть и хорошая новость. Только что он был у академика А.В. Винтера, просил помочь получить два 50-киловаттных электрогенератора. И академик прямо в его присутствии решил вопрос. В ближайшее время машины прибудут на Перовский механический завод, там уже вовсю идёт изготовление двухколёсного модельного агрегата.

Я, в свою очередь, тоже поделился новостями. Удачно шла разработка конструкции ветроагрегата мощностью 250 кВт. Он станет обслуживать крупный арктический объект связи Главсевморпути. В июне проект будет закончен и передан на завод-изготовитель.

Юрий Васильевич был удивлён тем, что в Главсевморпути удалось, причём весьма оперативно, решить вопрос не только по разработке конструкции, но и по её изготовлению. И вновь с горечью посетовал, что у него дело движется очень медленно, с помехами, которые, как он выразился, создают некоторые товарищи, пристрастно следящие за его работой.

— *Вы так интересно, так талантливо работаете,* — воскликнул я, — *что у вас всегда найдутся завистники!*

— *Чему же завидовать, Владимир Иосифович*, — вздохнул он. — *Ведь у меня же ничего нет.* — Помолчав, тихо договорил: — *Кроме твёрдой веры в то, что я делаю очень нужное для прогресса моей Родины дело!*

После такого откровенного высказывания у меня защемило сердце. Я понял, что Юрию Васильевичу приходится трудиться в непростой обстановке. Тогда мне уже были известны его труды в области реактивных полётов в космос, в частности, к Луне, по разработанной им схеме. Многое хотелось тогда расспросить, вникнуть в подробности, в детали этой интересовавшей меня работы. Но видя, что мой собеседник возбуждён, перевёл разговор на другую тему...

— *Что вы думаете о водороде как топливе?* — спросил я (не из праздного, разумеется, любопытства). Дело в том, что ещё в 1936-м на полярной станции Мыс Желания, я одновременно с ветроэнергетическими проводил и водородные эксперименты. В частности, мне удалось запустить и в течение часа заставить работать на чистом водороде бензиновый двигатель.

— *А каким же образом,* — оживлённо спросил Юрий Васильевич, сразу, по-видимому, смекнувший, что водородное топливо можно использовать в ракетных двигателях космических аппаратов, — *вы намерены получать этот газ?*

— *У меня разработана схема производства водорода путём электролиза воды,* — ответил я. — *В процессе используется энергия ветра.*

Это заинтересовало моего собеседника, сразу оценившего достоинства этой идеи. Тут же мы обменялись суждениями и даже наметили мероприятия, чтобы в дальнейшем разработать комплексную программу по производству водорода с помощью энергии ветра. Условились, что в течение июня заканчиваем программу, а затем представляем её в ЦК ВКП(б).

Увы, война сорвала наши планы. Самое же трагичное то, что эта встреча с Юрием Васильевичем, столь плодотворная и столь обнадёживающая в творческом плане, была последней. **Об этом мне стало известно 4 октября 1944 года...** Но об этом я скажу чуть позже.

В конце сентября 1944 года по указанию ЦК ВКП(б) в Народном комиссариате электростанций (ВКЭС СССР) была создана экспертная комиссия под председательством академика Александра Васильевича

Винтера. Цель — рассмотреть конструкции ветродвигателей, отобрать лучшие их проекты, рекомендовать к серийному производству. Я ожидал, что встречу на заседании Ю.В. Кондратюка...

На совещании экспертов меня сразу удивило и встревожило то, что о ветроустановке ВЭС-2-Д-20 системы Ю. В. Кондратюка докладывал не автор, а один из экспертов, профессор Н. В. Красовский. Вся техническая документация по этому проекту, заключил он своё сообщение, находится в архиве Народного комиссариата электростанций СССР. К великому сожалению, её автора — талантливого конструктора и изобретателя Кондратюка — среди нас сегодня нет. Юрий Васильевич пошёл добровольно на фронт и погиб.

В наступившей тишине академик А.В. Винтер предложил почтить память Юрия Васильевича вставанием.

После минуты молчания выступили профессора Владимир Петрович Ветчинкин и Николай Валентинович Красовский. Они с большой теплотой рассказали о разносторонней деятельности Юрия Васильевича, учёного, инженера, изобретателя.

16 января 1945 года экспертная комиссия закончила свою работу. Отчёт и выработанные комиссией предложения и рекомендации по сооружению мощных ветроэнергетических установок были переданы в ЦК ВКП(б).

В конце марта 1945 года были приглашены члены экспертной комиссии в ЦК ВКП (б) на совещание. Рассматривались также и предложения НКЭС об организации производства ветродвигателей. Академик А. В. Винтер рекомендовал запустить в производство пять типов ветродвигателей мощностью от 3 до 20 л. с. Вместе с тем он подробно охарактеризовал ветроэнергетические установки ЦВЭИ-Д-50 мощностью 1,5 и 10 тыс. кВт. Целесообразно, подчеркнул академик, изготовление и строительство этих ветроустановок поручить НКТП и НКЭС СССР. Ввод в действие этих ВЭУ пополнит мощности энергосистем страны за счёт использования энергии ветра.

Тот, состоявшийся накануне войны последний разговор с Юрием Васильевичем относительно водородной ветроэнергетики я, конечно же, не забыл! В 1945—1946 годах, работая в Главсевморпути, я завершил схему ветроводородной энергетической системы. Продолжал и эксперименты с двигателями внутреннего сгорания, работавшими на водороде. Испытания подтвердили, что это топливо является лучшим по своей чистоте, надёжности и безопасности использования. Я убедился в том, что мощная ветроэлектростанция, работающая в одной «упряжке» с блоком электролизеров, позволит за счёт энергии ветра в больших количествах получить «голубое топливо».

5 февраля 1947 года на научно-технической конференции с участием академика А.В. Винтера, профессоров В.П. Ветчинкина, Н.В. Красовского, Н.В. Погоржельского, Н.Н. Зубова и других крупных специалистов в

области энергетики я кратко доложил результаты своей работы. Вывод: водород в перспективе может заменить минеральные топлива (нефть, газ, уголь, ядерное топливо). Следовательно, для электрификации народного хозяйства можно и нужно создавать ветроводородные энергетические системы.

В 1949 году на окраине города Истры Московской области была построена опытная установка мощностью в 50 кВт со всеми элементами ветроводородной системы. Здесь изучались физические свойства водородного топлива, а также освоена новая технология электролиза воды. Так впервые в мировой практике было положено начало новому направлению в области использования энергии ветра для промышленных целей.

Был разработан комплекс мер по усилению и ускорению важнейших научно-исследовательских работ, связанных с получением и использованием водорода, как топлива, в тепловых двигателях, особенно в районах Крайнего Севера. Опытную ветроводородную электростанцию предлагалось в нем реорганизовать в научно-исследовательскую лабораторию по ветроводородным электростанциям (НИИЛ-1). Разработать в 1952-53 годах, говорилось в нем далее, конструкцию ветроводородной электростанции мощностью до 5000 кВт для обеспечения электроэнергией промышленных объектов в районах Крайнего Севера.

В новом проекте ветроводородной электростанции (ВВЭС) намечалось использовать ветроэлектрическую установку Ю. В. Кондратюка. Техническую документацию на неё удалось разыскать в архивах НКТП СССР и НКЭС СССР. Правда, дело с места так и не сдвинулось.

...И по сей день рабочие проекты ВЭС-2-Д-60 и ВЭС-2-Д-80 — установок, равных которым даже полвека спустя ничего в мире не создано, хранятся в архиве НПО «Ветроэн», возникшего на базе научно-исследовательской лаборатории. И хотя размещается НПО на той же территории и в тех же зданиях, работы на перспективном, некогда приоритетном направлении энергетики давно не ведутся.

Сегодня здесь в ходу мнение, что при современном уровне отечественного машиностроения, создающем энергогиганты-миллионники, крупные ветроустановки не нужны. А нужны, напротив, агрегаты мощностью от десятков ватт до четырёх киловатт. Ясно, что при таком взгляде на ветроэнергетику уникальные проекты есть не что иное, как архивный балласт, от которого лучше избавиться.

Избавиться, конечно, недолго. Но вот только что в зарубежной печати одно за одним промелькнули сообщения, что энергетики в Калифорнии (США), в Канаде, в Англии, Японии готовятся приступить к испытаниям мощных — до 3 МВт — ветроустановок. Это всего лишь в три с небольшим раза меньше того, что более полувека назад создано Юрием Васильевичем Кондратюком. Похоже, что вскоре опять придётся догонять ветроэнергетиков Запада в том, что некогда было нашим приоритетом...

События Орловщины. В память о Кондратюке

Вячеслав Рыбников

Исторический визит

(В древнем Болхове – космонавты,
в месте гибели Ю.В. Кондратюка – венки)

Не думаю, чтобы за 60-лет существования советской, а затем и российской космонавтики, районный дом культуры, Кривцовский мемориал, да и, пожалуй, весь наш патриархальный городок Болхов официально посещали космонавты. Такое неординарное событие произошло в начале июля 2018 года.

В советское время была переписка болховских школьников с космонавтом-13, командиром «Союза-4» Владимиром Шаталовым. Было это на моей памяти в 1969 году, когда я ещё был восьмиклассником. По тем временам событие невероятное. Что правда, то правда! Как сейчас помню эту долго хранимую мной газету «Болховская новь» с фотографиями и текстом самого письма.

А времена конца 60-х годов прошлого века были воистину удивительными! Мировая космонавтика находилась на пике своей популярности. Американцы штурмовали Луну. Вся эта информация доходила до нас в урезанном виде, маленькими заметками в полосах советских газет, отданных рубрике «За рубежом» (чтобы хоть как-то пополнить знания подробностями об астронавтике соперника приходилось слушать вражеский «Голос Америки»). Но, несмотря на это, уже после американского облёта Луны вторым запущенным кораблём серии «Apollo» («Apollo-8») в конце 1968 года, стало явно видно наше отставание. Всем было ясно, что после такого прорыва, полёт «Союзов-4 и 5» в начале 1969 года с первой в мире стыковкой пилотируемых кораблей был слабой попыткой хоть как-то дотянуться до американцев. Тем не менее, сами космонавты не были в том повинны. Они продолжали носить ореол героев.

Горсткой людей, увидевших нашу планету со стороны, восхищались не только простые граждане, но и ведущие писатели-фантасты. Как сви-

детельство привожу выдержку из воспоминаний польского писателя Станислава Лема о его встрече с космонавтами в Москве.

«…*Мне даже в голову не приходило, что я когда-нибудь смогу увидеть и коснуться рукой человека, который вернулся из космоса на Землю. Именно поэтому я считаю их* [космонавтов Б. Егорова и К. Феоктистова – В.Р.] *самыми экзотическими людьми из тех, с которыми я подружился в Советском Союзе. Фотографию, на которой я снят вместе с ними, а также другую, подаренную мне, где изображены все советские космонавты, побывавшие к тому времени в космосе, я бережно храню в папке, где лежат у меня снимки Земли, сделанные с орбиты. Позже делались снимки и получше, но те, которые я получил от Бориса Егорова, имеют для меня особую ценность, потому что на них стоит его автограф, а иметь портрет Земли, снятый человеком, который наблюдал её как планету,– это всё же совсем не то, что разглядывать такие изображения в журналах или в кино*».

После тех романтических лет развития космонавтики прошло полвека. За это время человеческий прогресс исподволь пробивал себе дорогу и в нашей местности. Так в том самом 1968 году, о котором выше и говорилось, в городе появилось предприятие по производству электроники, теперь носящее название Болховский завод полупроводниковых приборов (БЗПП). Судьба многих болховчан была связана именно с ним. Предприятие по тем временам было закрытое и продукцию его относили к разряду оборонной. Им также производились приборы и для аппаратуры космического назначения, приобщая тем самым и наших земляков к трудному делу освоения космоса.

Как раз 50-летний юбилей БЗПП, отмечаемый в 2018 году, привлёк внимание к городу в начале июля этого года делегации Федерации космонавтики России (ФКР), прибывшей отметить труд коллектива завода на данном поприще. В составе делегации было два лётчика-космонавта – Сергей Авдеев и Сергей Трещёв. Они и оказались из разряда первых, оставивших свои следы «на пыльных тропинках» Болхова. Вначале делегация ФКР за вклад в развитие космической отрасли и успехи в труде отметила ряд работников завода наградами. Об этом праздничном мероприятии довольно подробно писали газеты, как «Орловская правда» (от 6 июля 2018 г.), полностью предоставившая этому юбилейному событию свою 8-ю страницу, так и «Болховские куранты» (от 7 июля) с репортажем-передовицей под названием «Предприятие, которым мы гордимся». По этой причине останавливаться я на нём не буду.

Слабо освещённым прессой оказался второй день пребывания делегации ФКР в Болхове. А он тоже оказался насыщенным. Именно в этот день 3 июля члены делегации встретились и пообщались в доме культуры с коллективом БЗПП и неравнодушными к их приезду болховчанами. Встреча эта, несмотря на обыденность теперешнего восприятия слова

«космонавтика», была довольно интересной и продолжалась более 2-х часов.

О деятельности ФКР рассказал его вице-президент, ответственный секретарь **Вячеслав Бардёнков**. Затронул он и некоторые проблемные вопросы космонавтики.

На встрече с делегацией ФКР в районном доме культуры

Длительное время основное внимание зала было приковано к Сергею Авдееву. Он хотя и родился на заре начала космической эры (в 1956 году), и, как космонавт России, получил свой очередной 74-й номер, его вполне можно отнести к той горстке людей из когорты первых покорителей космоса 60-х годов, которыми восхищался весь мир: во-первых, уровень образования – МИФИ, во-вторых, начиная с 1992 года, три полёта, мировой рекорд пребывания в космосе 747 суток и 10 выходов в открытый космос, к тому же и сам по себе – это удивительный человек. Его занимательное повествование о космических полётах, космонавтике и её проблемах лично мне напомнили увлекательные беседы космонавта-телеведущего Виталия Севастьянова. Аудитория была не равно-

душна к подробным рассказам очевидца – посыпались многочисленные вопросы.

Вопросы задели и нашего земляка (уроженца д. Дубовая Роща) и вместе с тем члена Президиума ФКР ***Евгения Филипповича Мартынова***, принимавшего участие в возведении первых советских космодромов. Именно этот неравнодушный человек, родившийся в суровое военное время на Орловщине, организовал посещение делегацией Кривцовского мемориала, чтобы почтить память одного из основоположников космонавтики Ю.В. Кондратюка (А.И. Шаргея), погибшего в боях 1942 года за Кривцовский плацдарм. Думаю, что событие это было не менее значимое, чем торжества по случаю 50-летия БЗПП и встреча в районном доме культуры, поскольку происходило впервые за 76 лет после трагической гибели учёного, открывшего своими расчётами человечеству дорогу к Луне.

Такая «громада набежавших лет» понадобились исследователям его непростой биографии, чтобы пробить стену замалчивания, разыскать документы, свидетелей и добиться официального заключения Министерства обороны о месте и времени гибели этого человека. Причём сам процесс поиска был непростым, наслаивался на ряд ошибок самих биографов, работников военкоматов и центральных ведомств. Эти ошибки получили отражение и укоренились в постаментах, «Книгах Памяти» и энциклопедиях. Кое-что удалось поправить ещё в 90-е годы. Но насколько тяжело было преодолевать эти ошибки, может засвидетельствовать и ФКР, ведь даже ***на медали Ю.В. Кондратюка,*** награждаемой этой организацией, последним годом его жизни до сих пор ***указан 1941 год, а не реальный 1942***.

Как раз в процессе посещения мемориала делегацией ФКР у памятной плиты Ю.В. Кондратюка эти медали были вручены людям, продолжавшим искоренять эти ошибки своими публикациями, изданиями и действиями. В числе их: ***Сергей Ветчинников*** – главный редактор журнала «Орловский военный вестник», издатель двух специальных его выпусков («Земной рубеж Юрия Кондратюка» за 2014 год и «Кривцовский плацдарм» за 2017 год); ***Николай Красиков*** – руководитель поискового объединения «Костёр», инициатор создания памятной плиты Ю.В. Кондратюку (А.И. Шаргею) на Кривцовском мемориале; болховская поэтесса ***Клавдия Балашова***, одна из авторов в сборнике «Кривцовский плацдарм».

Но всё же, основным мероприятием посещения мемориала было не вручение наград, а дань памяти гениальному учёному – человеку, в труднейшее для Родины время вставшему на её защиту, до конца честно выполнявшему свой воинский долг и погибшему в тяжёлых переломных боях 1942 года.

Выпуски «Орловского военного вестника»

К сожалению, информация о гибели Ю.В. Кондратюка до сих пор закрыта. Понять это можно, поскольку война – не только героические дела, но и масса непредвиденных случайностей. Но каковы бы они ни были, сомневаться в том, что имя его оказалось запятнанным не приходиться. Будь это не так, никто бы не позволил: по окончанию войны публиковать его работы, вначале 60-х годах присваивать его имя центральным улицам столичных городов, а в 70-х – астрономическим объектам, в 80–90-х годах создавать его музеи и возводить памятники.

Е.Ф. Мартынов вручает медаль Ю.В. Кондратюка Николаю Красикову

Память о Кондратюке, как об учёном с мировым именем, так и честном человеке – рядовом добровольце, связисте 1-й дивизии московского ополчения, пожертвовавшим своей жизнью в трудные годы решающих сражений за судьбы отчизны, не должна быть забыта. И отрадно видеть, что это понимают как в ФКР, так и в БЗПП. Свидетельство тому ***возложение венков*** у его памятной плиты на мемориале ***от Федерации космонавтики России» и Болховского завода полупроводниковых приборов***.

Перед возложением венков

11 апреля 2019 года на Кривцовском мемориале состоялось открытие памятного знака основоположнику мировой космонавтики Юрию Кондратюку

Накануне Дня космонавтики, 11 апреля, в Болховском районе был открыт памятный знак основоположнику мировой космонавтики Юрию Кондратюку, погибшему в боях за Кривцовские высоты.

Участниками церемонии стали Губернатор Орловской области Андрей Клычков, главный федеральный инспектор Орловской области Леонид Соломатин, первый заместитель председателя Орловского областного Совета народных депутатов Михаил Вдовин, члены регионального Правительства, руководство Болховского района, поисковики, местные жители, а также военнослужащие Росгвардии Республики Бурятия.

«*С гордостью вспоминая о беспримерном мужестве и героизме советского народа, мы никогда не забудем о той огромной, неизмеримо высокой цене, которой оплачена наша свобода и мирная жизнь,* − отметил глава региона, открывая торжественный митинг. − *Как жители опалённой войной героической орловской земли мы делаем всё, чтобы память о бессмертном подвиге защитников Родины никогда не угасала. Сегодня, в этом святом для каждого орловца месте, выполняя священный долг перед павшими героями, мы открываем памятный знак одному из достойных сынов нашего Отечества – Юрию Васильевичу Кондратюку. Его биография, ратный и мирный труд – это пример истинного патриотизма и беззаветной верности своей стране*».

Было отмечено, что выдающийся советский учёный Юрий Кондратюк добился ярких успехов в науке и по праву вошёл в число основоположников космонавтики. Он – создатель ряда проектов, реализованных в области ракетной техники, ветроэнергетики, строительства. В начале XX века Юрий Кондратюк рассчитал оптимальную траекторию полёта к Луне. Эти расчёты были использованы NASA в лунной программе «Аполлон». Предложенная им в 1916 году траектория была впоследствии названа «трассой Кондратюка».

Памятный знак представляет собой стену из гранитных плит

В годы Великой Отечественной войны московский ополченец-связист участвовал боях под Кировом, Серпуховом, освобождал город Высокиничи в Калужской области. Погиб зимой 1942 года на Болховской земле.

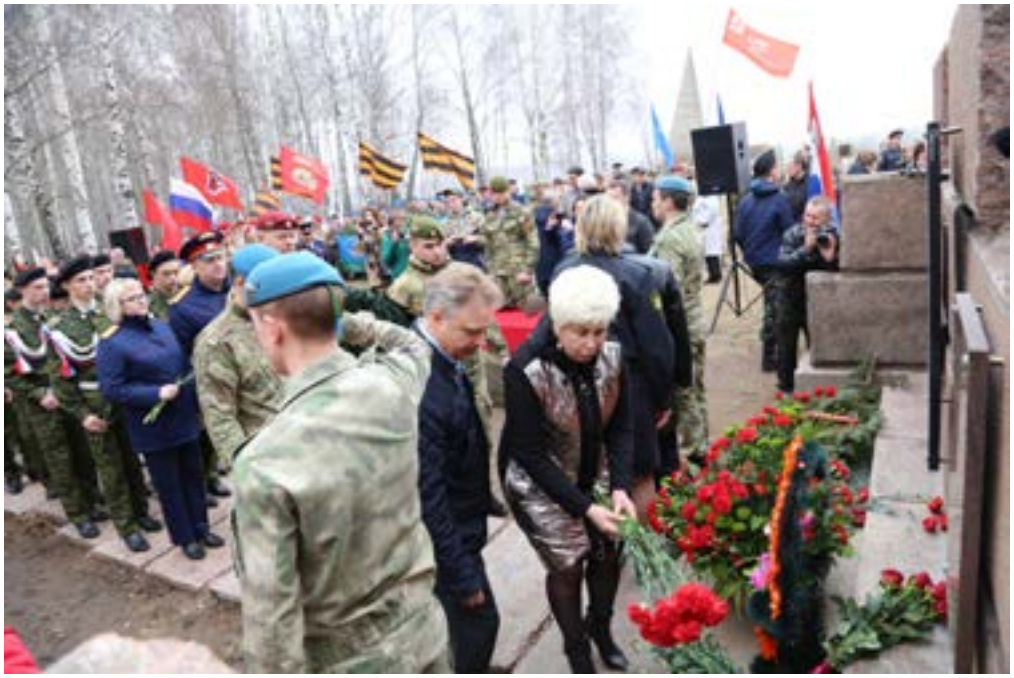
«*Открывая этот памятный знак, мы отдаём дань глубокого уважения герою, который за свою короткую, яркую и полную свершений жизнь так много успел сделать для родной страны и остался верен ей до последнего вздоха*», − отметил Андрей Клычков.

Глава региона сердечно поблагодарил бойцов поисковых отрядов, а также всех, кто принял участие в установке памятного знака. Серьёзную помощь оказали орловский региональный благотворительный фонд «ПОБЕДА», ОАО «Болховский завод полупроводниковых приборов», благотворительный фонд «НОВОТРАНС – 5П», ООО «Обелиск», Орловская региональная поисковая общественная организация «Отечество».

Видеообращение к участникам торжественного митинга адресовал космонавт-испытатель, Герой России, Почётный гражданин города Орла Александр Мисуркин. Он поздравил орловцев с предстоящим Днём космонавтики.

В этот же день руководитель межрегионального поискового объединения «Костер» Николай Красиков передал останки двух советских бойцов, найденные в ходе проведения Вахты памяти, землякам. Имя одного из них удалось установить – это Михаил Афанасьевич Савельев, уроженец села Бичуры Республики Бурятия.

Благодарность от всех жителей Бичуры на Орловщину привезли односельчане красноармейца. Оба советских солдата будут с почестями похоронены на родине.



Затем минутой молчания почтили память погибших в борьбе с фашизмом, после чего состоялась церемония возложения цветов к памятному знаку и Вечному огню на территории Кривцовского мемориального комплекса.

Источник: https://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=14703

Строители памятного знака слева направо:
Андрей Луничкин, Егор Гуркин, Александр Фалеев, Алексей Воронов,
Николай Красиков, Родион Тимков

Литературная рубрика

Олесь Гончар

Гений в обмотках*

Жаль, конечно, что представился вот случай ближе познакомиться с человеком из звёздных трасс, а он от сближения уходит, держится на расстоянии, не подпускает к себе, – сейчас вот, видно, окончательно настроился на сон. По тону дыхания, однако, слышно, что он не спит. Притих, затем снова пошевелился, поправляя плед, и, воспользовавшись этим, я ещё раз пытаюсь вовлечь его в разговор.

– Извините, – говорю, – но вам, пожалуй, интересно будет знать, что один из предтеч космонавтики приходится мне близким земляком… Да, да, – отвечаю на его удивлённый взгляд, – я имею в виду именно того гениального самоучку, чьё воображение в годы гражданской войны чертило на грубой бумаге столь смелые космические трассы для вас…

Космонавт, с полуслова поняв, о ком речь, тут же приподнялся, освободившись от своего исландского скафандра. Нажав кнопку, поднял кресло, склонился ко мне:

– Значит, вы родом из Полтавы? Или из Малой Выски?

– Во всяком случае из тех широт…

– И вы его знали в молодости?

– Нет-нет, личным знакомством с ним похвастаться не могу, но кое-что из земляческих сказаний о нём докатилось, кое-что я слышал из людских уст…

– Вот случай! – восклицает космонавт и с жаром обращается ко мне: – Расскажите… Рассказывайте всё-всё… Это именно то, что давно меня интересует! Каждая мелочь здесь важна, малейшие крохи фактажа… Ведь это человек-легенда, а у нас о нём такие скудные сведенья!

Собственно, и я о своём загадочном земляке немногое знаю, к тому же не всегда в слышанном различишь, где факты, а где домыслы, полулегенды…

– Кочегаром он был у нас на сахарном заводе, – припоминаю сведенья, полученные от земляков, – затем механиком… А к небу у него всегда было тяготение. Управится в паровичне, т.е. в котельной, заберётся на крышу и до поздней ночи Луну рассматривает в самодельную подзорную трубу…

– Ну а собой каким он был? Что чудаком его считали, человеком не от мира сего, это известно, а вот попросту, по-житейски… Каким его рисует народная молва?

---

* Печатается заключительная часть новеллы из сборника О. Гончара «Далёкие костры»: Рассказы, повести, М.: Советский писатель, 1990 г.

– Рисует юношей высоким, чубатым, нрава, говорят, очень весёлого, компанейского… Хоть и тиф перенёс, ослабел, а всё в работе, всё что-то мастерит – руки у него были просто золотые. В трудную минуту каждому из товарищей готов был помочь, не ожидая никакой благодарности за это. Вообще, как уверяют, всё материальное для него было нипочём, то, что мы называем бытом, для него не имело никакого значения… А вот на чью-то беду откликнуться, посодействовать в чём-либо, пусть и малознакомому человеку, о, в этом он был находчив, тут уж он давал волю своей изобретательности… Хозяйки, у которых он квартировал, их дети до сих пор вспоминают своего жильца, никак не нахвалятся: стулья, скамейки, кастрюли – всё, бывало, починит, подремонтирует собственными руками. На какую вещь только глазом кинет, так и мудрит, как бы улучшить, усовершенствовать её, чтобы человеку легче, сподручнее было. Рассказывают, какие он хорошие жернова, т.е. ручные мельницы, людям делал, ведь то были трудные времена. В котельной изобрёл остроумное механическое устройство, чтобы облегчить труд кочегаров, затем предложил пневматический способ очистки дымогарных труб… Одним словом, о нём можно сказать, что был этот человек чем-то больше, нежели человек, - вроде сам дух неуёмных исканий воплотился в нём, дух творческой одержимости, устремлённости в дали какие-то иные, запредельные…

– Вспомните, пожалуйста, ещё что-нибудь, – распалялся в любопытстве космонавт. – Нам, разумеется, известны его публикации, но ведь труды более позднего периода…

– С идеей космических полётов он не расставался с тех пор, когда, будучи гимназистом, прочитал фантастический роман о сооружении грандиозного тоннеля под Атлантикой, под этим вот океаном, бушующим где-то там внизу. Тоннель, который соединил бы два континента, нашему энтузиасту не казался фантастикой, недостижимой мечтой. Но откуда же было взять колоссальное количество энергии для строительства подобного размаха? Вот тогда-то и озарила его мысль спроектировать глубокую шахту, направленную к центру земли, чтобы добыть оттуда необходимую для предстоящего трансконтинентального строительства энергию недр, а в дальнейшем использовать её, т.е. теплоту земного ядра, для реализации ещё более смелого замысла – для полётов к соседним планетам Солнечной системы…

– Что ему там надо было, на других планетах? – неожиданно и несколько даже бестактно врывается в наш разговор стюардесса, стремительно появляясь у нас из-за спин и не скрывая, что ей удалось кое-что услышать из того, что её вовсе не касалось. – На земле столько неурядиц, а им другие планеты подавай!.. – Последние слова она, удаляясь, бросила в нашу сторону почти сердито; удивлённые, мы с соседом переглянулись в недоумении: почему, мол, эта милая особа вдруг разгне-

валась? Может, потому, что все спят, а мы мешаем? Улыбнувшись, космонавт заметил, что некоторых девушек гнев даже красит.

«А впрочем, так ли уж она и неправа в своём замечании? – подумалось мне. – Ведь столько на планете нерешённых проблем, сегодняшних и завтрашних, а нам бы скорее вырваться за пределы земные… Рвёмся к звёздам, а дорогу к собственной душе так ли уж изведали?..»

– Невероятно, что в XX веке, во времена цивилизованные, столь быстро может затеряться след человеческий, – в раздумье снова заговорил космонавт. – Наш современник, мог бы ведь ещё и сегодня он жить… Столько сделал для нас, а мы так непростительно мало знаем о нём… Трассы нам открывал, а его собственная жизнь остаётся, по существу, непознанной, полной загадок и тайн…

– Свершалась как-то странно, вроде даже таинственно, и от нас ушла как бы ещё в большей таинственности…

– Интересно, любил ли он кого?

– До меня доходили лишь кое-какие отзвуки на этот счёт. Была будто бы та, что влюблённо, терпеливо ждала его в течение многих лет, а он всё где-то бурлачил, неутомимо искал себя и свою мечту, строил элеваторы, затем проектировал по заданию наркома мощную ветроэнергетическую станцию, какое-то гигантское крылатое сооружение, которое должно было увенчать собою вершину Ай-Петри… Жил среди фантазий, а от любви вроде бы убегал, друзья даже шутили: «Да он же суженый звезды!..»

Неизвестно кем и когда оброненная шутка эта нравится космонавту.

– Суженный звезды – неплохо сказано. Ну а что земное ему было не чуждо?

– Ещё рассказывают, что песни любил он петь, мастерит что-нибудь – и напевает, а это, говорят, признак влюблённости… После тифа только встал на ноги, худущий, изможднённый, и тут же давай дрова рубить во дворе квартирной хозяйки, а между делом, сев отдохнуть, всю улицу развлекал душещипательным романсом, модным в те годы. Одним словом, умел радоваться жизни, наполненно жил, хотя и крайне непритязательно: всё лето в брезентовой, замасленной одежде, в гетрах с толкучки, а зимой в огромном кожухе, который его друзья называли «ротондой», – это когда он на Алтае элеваторы строил…

– Пришлось мне видеть один из этих элеваторов, – улыбается космонавт. – Местные детишки «мастодонтом» прозвали это сооружение за его странную удлинённую форму… А между тем сооружение весьма остроумное, оригинальной конструкции, сплошь из дерева рубленное, без единого гвоздя, ведь тогда республика и в гвоздях испытывала нехватку.

Загадки, загадки… Увлечённо предаваясь земному, на каждом шагу что-то изобретая, совершенствуя, возводя, он ни на миг не забывал о

самом своём заветном, звёздном, и о том, что из чертежей да формул по ночам добытое ложилось затем в школьную тетрадь, как алгеброй поверенная гармония, как венец многолетних человеческих устремлений…

– Ни признания, ни наград получить не успел, а между тем без его усилий разве не отодвинулись бы на неопределённое время все наши полёты? – размышляет вслух космонавт. – Мне трудно понять, почему такого уникального человека не удержали в сорок первом от намерения идти в народное ополчение…

– Не забывайте, какое то было время. Враг стоял под Москвой.

– Ясно, что война диктовала свои законы. И всё же служебные лица, которые его отправляли с маршевой ротой, должны были бы разобраться, кто есть кто?

Упрёк космонавта будто относится и ко мне.

– Говорят, его удерживали, но разве такого удержишь? Да ещё в такой ситуации… Тысячи и тысячи добровольцев шли тогда в ополчение, оставляя дома матерей, жён, детей… Разве мог он, человек такой совести, такой целеустремлённости, искать в той обстановке каких-то льгот или преимуществ для себя? Вы же чувствуете, какой это был человек…

Мы сидим с соседом, уже близко склонившись друг к другу, оба мы сейчас захвачены образом того человека, может, и на фронт уходившего с мыслью о звёздах, захвачены той третьей жизнью, которая будто тоже рядом с нами над океаном летит. Присутствие той третьей жизни вроде и нас сближает, роднит, и вместе с тем она не поддаётся, чтобы мы до конца разгадали её.

Человеческое воображение не знает устали, и вот наступает какой-то момент, когда реальность салона странным образом преображается, нет уже ни спящих, укрытых пледами людей, ни ровного гудения двигателей, несущих нас сквозь тьму над океаном, вместо этого возникает передо мной в серой шинели связист из нашей фронтовой части, он точь-в-точь похож на моего друга пехотинца Шамрая… Их уже не разделить. И ополченец-учёный, чью жизнь мы только что пытались разгадать, и измученный пехотинец, отец оставленных дома детей, – оба они сейчас для меня уникальны, оба сливаются передо мной в один-единственный, неразделимый образ изможднного высокого человека в обмотках, который шагает куда-то под осенним дождём в своей насквозь промокшей шинели без хлястика, в измятой, потерявшей форму пилотке, с катушкой телефонного кабеля на спине… Это идёт он, пехотный связной 41-го года. Идёт под холодным нескончаемым дождём в непроглядную ночь, где только грязища чавкает под сапогами, хлюпает до колен, поналипав на обмотках тяжёлыми комьями. Случится болото – шагай вброд через болото, а сойдутся перед тобой кусты – продерись сквозь колючки да всё дальше иди, да всё быстрее, ибо это ваш форси-

рованный ночной марш, ибо где-то там от вас ждут помощи и спасения. А если уж, совсем изнемогшие, насквозь промокшие от дождя и собственного пота, получите вы разрешение на привал, то падаете, где кто остановился, где кого застала команда, прямо в грязищу валитесь: ведь тщетно было бы здесь выбирать место, всюду вокруг тебя земля раскисшая, трясинная, всюду топь и топь. Падаем, и от крайней тупой усталости засыпаем вмиг, уходим в сны ещё быстрее, чем этот космонавт, умеющий усилием воли программировать свой сон…

Итак, мы там, среди дороги ночной, у нас привал, нас ждут миры чарующих сновидений. Кто-то кладёт под голову отощавшую солдатскую котомку, кто-то вместо подушки использует свой кулак или катушку с телефонным кабелем, этот склонился на лежащего товарища, а тот на колени следующему, каждый лежит, прижимая винтовку к себе, прикрывая её шинелью от дождя, и в этих скрюченных, неестественных позах мы, свалившиеся в месиво средь дороги, пребываем на вершинах блаженства: как самые дороги дары судьбы принимаем эти отпущенные нам минуты привала. И прежде чем подадут нам команду «вставай!», прежде чем разбитая, раскисшая от дождей полевая дорога согреется от наших тел, мы успеваем – за какие-то считанные минуты – выйти из ужасов реальности, погружаясь с головой в забытьё, успеваем при этом даже увидеть сны – это были самые сладкие в мире сны, сны наших былых радостей, дружб и привязанностей, золотые видения недостижимых домашних очагов…

Высокий истощённый связист, на котором шинель висит будто на палке, а катушка телефонного кабеля делает его горбатым, шагает передо мной, шагает тяжело, еле держась на своих тонких донкихотских ногах, в облипших грязью до самых колен обмотках. И всё же после привала он словно бы духом окреп, прежде был молчалив, а теперь повеселевшим голосом обращается к своим связистам, обещая им со временем изобрести иной, куда более лёгкий и, возможно, самый надёжный способ связи между людьми. А если кто бросит шутя на ходу – ну, это, братцы, среди нас появился «гений в обмотках», то он ничуть не обидится, только «гений в обмотках» так уже к нему и прилипнет. Несмотря на крайне измождённый вид, выносливость его удивительна, живёт в нём настоящая двужильность, под такой тяжестью идёт, а жалобы от него не услышишь, только когда чужие ракеты станут зловещё вспарывать ночь над близлежащим угольно-тёмным лесом, ночной безымянный мой товарищ тихо вздохнёт, обращаясь ко мне:

– Уже недалеко.

На рассвете мы входим в лес, входим, будто в готический собор, – так высока тут стройность могучих, ещё не тронутых войной мачтовых сосен.

Ночь на исходе, дождь наконец прекратился, меж верхушками сосен проблескивает звезда, ещё одна появляется, и ещё - они на редкость ясные, алмазно-чистые после дождя. Долговязый связист прилёг среди товарищей, смотрит на далёкие звёзды, на их предутреннее мерцание, и мы видим на его заросшем лице, на потемневших губах подобие улыбки.

Будет потом внезапный, как всегда, приказ немедленно прокладывать линию связи, и наш длинноногий связист пустится трусцой вдоль опушки, двигаясь неумело, точно живая мишень в своей перекошенной, забрызганной грязью шинели. Несмотря, однако, на свою внешнюю вроде бы неуклюжесть, он кабель всё же проложит, связь установит, обнаружив при этом неожиданную ловкость. Но только вернётся, как снова кто-то там подаст зычный голос: «Порыв! Связь сорвало! Давай связь!» Кому же теперь бежать, чтобы соединить, восстановить где-то там снова повреждённую вражеским металлом линию? И опять поднимается он, которого на марше товарищи с симпатией называли гением в обмотках, поднимается сам, добровольно. Взглянул вверх, улыбнулся кому-то и неиспуганно, вроде под защитой звезды, снова пустился трусцой по опушке искать повреждённое место. Все наблюдали, как он, подобрав шинель, побежал, и побежал, почти не пригибаясь, не прячась. Да вот остановился, кажется, нашёл, что искал…

А когда, скошенный пулемётной очередью, он упал с ниткой кабеля в руке, упал на месте, не одна звезда вздрогнула в рассветающем небе над верхушками этих мачтовых сосен![**]

Казалось бы, всё. Но и после этого он какое-то время ещё вроде присутствует в нашем лайнере, сидит где-то там в одном из передних кресел, сидит как был – в шинели, в обмотках, еле прикрытых казённым исландским пледом.

– Гений в обмотках – это верно, – задумчиво произносит космонавт. – В нём вся эпоха… Весь дух её, и порывы, и безмерность потерь…

Тихо в салоне. Неведомые нам сны людские, прикрывшись пледами, движутся в ровном ночном полёте. Иногда, склоняясь к иллюминатору, посматриваем за борт: что там? Во все стороны ночь – ночь, недра тьмы, мерцающая бездна.

А я всё думаю: с чем же этот странный мой земляк всё-таки надеялся встретиться на иных планетах, чего там искал? Может, радостей каких-то неземных, какого-то ещё неведомого, самого полного счастья, которого он был лишён в своей короткой и загадочной жизни?

[**] В период написания новеллы (1983 г.) уже обозначилась версия его гибели в Калужской обл.

Александр Кухно[*]
Памяти Ю.В. Кондратюка

Вертикально –
стеной! –
поднимается снежное поле.
Ты, раскинувши руки, летишь,
ты уходишь в космический рейс…
Пуля в сердце твоём!..
Ни печали, ни страха, ни боли –
только звёздное небо в глазах
да вечный к нему интерес.
Космонавтам – скафандры,
чтобы кровь не вскипала на старте.
Ты – пройдёшь ускорение в русской шинели,
заношенной в лоск…
Доктора медицины,
ваши датчики сердца оставьте –
только мозг продолжает работать,
только мозг!...

Пять минут
или десять?
Для такого – довольно с излишком…
Звёздный час человечества –
может быть, он настал, этот час:
разгорается вдруг
и взрывает сознание вспышка
величайших открытий,
навеки сокрытых от нас!..
Ах как тянет земля!..
Ты осилишь её притяженье…
Пуля-дура тебя зацепила,
зарыла в рассыпчатый снег!..
И не знают товарищи,
что один,
посредине сраженья,
ты к Луне приближаешься,
дорогой,
не земной человек…
Серебристая пыль за твоею шинелкою вьётся,
осторожно ступая по мягкому грунту Луны,

[*] [*]Из сб. А.А. Кухно «Слова, зовущие к добру…», Новосибирск, 1981 г.

ты выходишь на кратер,
как будто к святому колодцу, –
но мертвы его склоны
и недра зловещё темны…
Ты теперь понимаешь:
Луна – это только начало…
Не затем ты сражался,
в подмосковных снегах умирал,
чтобы лунных камней лихорадка
тебя закачала, –
ты рассчитывал взлёты к далёким и лучшим мирам!..
Грянет залп
над последней в Европе солдатской могилой.
День Победы взойдёт
в небывало-счастливых слезах.
Соловьиная песнь
встрепенётся с неистовой силой
в подмосковных,
сибирских,
рязанских
и прочих российских лесах!..

Затоскует планета,
которую в битвах спасли мы,
но планетам иным,
станет тесен ей собственный кров.
И тогда,
словно солнечный дождь, –
благодатный, весёлый, незримый, –
ты ворвёшься в расчёты ракетчиков-конструкторов!
Вековая мечта разрешится технически просто.
И взлетят корабли,
засигналят в космической мгле…
Но не будет тебе ни звезды,
ни креста,
ни погоста –
будто космос
тебя возвратить не захочет
Земле.
У Кремлёвской зубчатой стены,
Там, где Юрий Гагарин, –
даже в зимнюю стужу не вянут живые цветы.
Этот всеми любимый

и самый улыбчивый парень
ни за что не взлетел бы,
если б не ты.
Нынче рядом с тобою –
он вроде большого подростка.
В знаменитой улыбке –
улыбку твою узнаю.
Он вернёт тебя к жизни,
твой достойный наследник и тёзка,
облетевший впервые крутую орбиту твою.
Не ковровой дорожкой –
прошедший сквозь годы такие,
о которых ни в сказке сказать,
ни пером написать, –
ты причислен посмертно к великим учёным России,
не оплачут тебя, а прославят
российские небеса!..

1975 г.

Клавдия Балашова

Памяти Ю.В. Кондратюка

«Видите над элеватором луну?
Я полечу туда!»… Но он не полетел.
Герой, прошедший не одну войну,
Достигнуть своей цели не успел.

А лунный кратер грезился не раз.
Он с мыслями всегда об этом жил
И был создателем тех первых лунных трасс,
Которые в расчётах проложил.

Он так мечтал подняться в небеса,
Чтоб совершить космический полёт,
Увидеть неземные чудеса,
Но всё нарушил сорок первый год.

И, добровольцем уходя на фронт,
Своей мечте был верен до конца.
Судьба, крутой отмерив поворот,
Жестоко оборвала жизнь бойца.
И слышал мир высот кривцовских стон,
И с белым снегом смешивалась кровь.

Спешила смерть туда со всех сторон
И уносила жизни вновь и вновь.

Уж много лет минуло с той войны,
Ракетный гул наполнил тишину.
Другие человечества сыны
Ступили на далёкую Луну.

Олег Волков

Памяти Юрия Кондратюка – пионера Звёздной Мечты

В сорок страшном, у Кривцово,
Что на болховской земле,
Сквозь кромешный ад свинцовый
Шла пехота в феврале.

По неведомым дорожкам
Пролегает путь-судьба.
То побалует немножко,
То ударит, невзлюбя.

Полегла в бою пехота.
Белым саваном снежок.
Пал солдат на тех высотах
Под фамилией чужой.

Как положено солдату,
До конца исполнил долг.
Не узнавши, что когда-то
Имя впишут в каталог.

Есть отныне во Вселенной
Малый кратер на Луне.
И заслугой несомненной
Курс в далёкой стороне.

Обелиск на бранном поле,
Две фамилии подряд.
Спи спокойно, русский воин,
Не дождавшийся наград.

Пусть наградой будет память.
И мерцает Млечный путь.
…Он сумел судьбу поправить,
Яркой звёздочкой блеснуть.

Содержание

Вячеслав Рыбников
Прелюдия к гениальности.
Тайна происхождения и первых озарений 4
«*Моё место на небе!..*».
Тайна судьбы 11
«*Не жилец на этом свете*».
Тайна места гибели 18
«*Ложусь в обморок*».
Тайна мифа о предательстве 29
«…Всё делается в жизни наоборот»
Тайна «антипатриотизма» и ухода в ополчение 42
Космический аспект Кривцовского мемориала.
Тайна сооружения 56
Кто Вы, гениальный предтеча американских покорителей Луны?
Тайна NASA 66

Борис Романенко.
Звезда Кондратюка-Шаргея (выдержки из очерка) 80
Сергей Козлов. От Оби до Оки 95
Комментарии к очерку С.А. Козлова (В. Рыбников) 113
Сергей Дергунов. В первый год Великой Отечественной 116
Краткая справка по фронтовой биографии Кондратюка
(В. Рыбников) 120

Воспоминания о Ю.В. Кондратюке

Ольга Горчакова. Наш милый «фантаст**»** 121
Николай Никитин.
Воспоминания о Юрии Васильевиче Кондратюке 126
Леонид Лифшиц. Человек глубокой творческой мысли 133
Зоя Ценина. Воспоминания о Ю.В. Кондратюке 141
Владимир Сидоров. Укрощение ветра 144

События Орловщины. В память о Кондратюке

Вячеслав Рыбников. Исторический визит 151
Открытие памятного знака на мемориале 157

Литературная рубрика

Олесь Гончар. Гений в обмотках (заключительная часть) 161
Александр Кухно. «Вертикально – стеной!..» 167
Клавдия Балашова. Памяти Ю.В. Кондратюка 169
Олег Волков. «В сорок страшном, у Кривцово…» 170

Библиотечка военно-исторического журнала
ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Выпуск № 22

Рыбников Вячеслав Константинович

Тайны «гения в обмотках». Юрий Кондратюк

Главный редактор С.А. Ветчинников
Редактор А.Г. Фалеев
Корректор В.С. Алексеевский
Технический редактор С.А. Ветчинников

Учредитель (издатель): общество с ограниченной ответственностью
полиграфическая фирма «Картуш»

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Орловской области.
Регистрационный номер ПИ № ТУ 57-00246 от 2 июля 2013 г.
Сайт: **картуш-вестник.рф**

Редакция вправе публиковать присланные в свой адрес произведения, письма и обращения читателей.

Редакция уважает точку зрения авторов на какие-либо события, их трактовки, хотя не всегда может их разделять, следуя правилу: «Пусть в споре рождается истина».

Цена свободная.

Подписано в печать 15.10.2020 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Arial
Обьем 10,75 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 231

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Адрес издателя и редакции:
302001, г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26, Тел. (4862) 44-51-45.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46